

ЗАКОН ВСЕСОЖЖЕНИЯ

Часть первая. Беглянка, пленник и авантюристка

Глава 1. Виктория и опасности чтения

Когда инквизиторы захватили власть, ведьмы из персонажей сказок превратились в будничную угрозу, а люди стали больше ценить солнечный свет. С темнотой являлись комендантский час и страхи. Даже поход по магазинам превратился из обыденности в опасное приключение, начинавшееся после заката. Если, конечно, ты не хотел погреться на костре.

Теперь не нужно было волноваться о деньгах и ломать голову, что взять. Хватаешь всего побольше – и бегом домой. Но если ты решался отправиться за «покупками», приходилось затолкать подальше боязнь и голод, дожидаться наступления поделницы-ночи и долго шагать через лес. А потом набить рюкзаки припасами и скорее убраться обратно.

Так жили те, кто оказался чересчур необычен для инквизиторов, объявивших охоту на чародеев.

Я, Варгас и Соня почти три часа топали сквозь душную летнюю ночь, продираясь через лесные заросли и ядовитые колючки взаимного недовольства и раздражения.

К окраине леса мы вышли незадолго до полуночи. Счастливчики, которые родились простыми людьми и могли не тревожиться, что посреди ночи в дом ворвутся мужчины с ружьями, разбрелись по уютным коттеджам. За большинством окон витали сны, кое-где, правда, по занавескам плясали разноцветные пятна от визионных панелей или слабо сияли желтоватые квадраты – любители почитать увлеклись новой книгой и позабыли о времени.

Так, по крайней мере, происходило в моем воображении. Приятно было представлять, как люди ведут спокойную жизнь и не ложатся допоздна, потому что их приковали к себе перипетии сюжета, а не наручники. И единственное, что могло погнать так поздно на улицу – внезапное желание полюбоваться звездами, но никак не резь в пустом животе.

Когда-то я завидовала им, но со временем не осталось ничего, кроме презрения.

Варгас, сам похожий на хилое деревце, прислонился к осине и копошился в сумке, в тысячный раз проверяя технику. Соня покусывала губу, теребила лямку рюкзака и с тревогой смотрела на ряды одинаковых домов. Я же стояла почти неподвижно, лишь изредка убирая с лица волосы, выбившиеся из хвоста.

Пальцы беспокойно скребли кору дерева, по спине бежали мурашки, несмотря на теплую погоду. Последние года полтора мы раз в несколько недель прокрадывались в магазин и воровали еду. Вроде пора бы привыкнуть, но снова оказавшись здесь, я не могла подавить дрожь в руках и ледок в животе. Волнение, словно цепной пес, ждало, когда мы вернемся, чтобы накинуться и терзать внутренности.

При Варгасе и Соне я старалась не показывать тревогу и неуверенность. Еще не хватало, чтобы меня считали слабой.

– Готово, – прошептал Варгас, закинув сумку на плечо. – Начинай.

Ну вот опять! Сколько можно командовать? Я бросила на него недовольный взгляд, но ничего не сказала, иначе могла начаться новая ссора. А от дразг рюкзаки едой не наполняются. Только голова потом будет звенеть от гадких мыслей.

Медленно и глубоко дыша, я постаралась успокоиться и прогнать опасения.

– Ну, что-нибудь чувствуешь? – нетерпеливо спросил Варгас.

– Да, ты мне в затылок дышишь! Сколько раз говорить, чтобы не подходил так близко!

Парень обиженно засопел и отодвинулся.

В воздухе витали запахи леса, похрустывали листья и ветки под ногами моих спутников, плывшие по небу тяжелые облака, то и дело закрывали почти полную луну. Я позволила себе немного расслабиться и начала снимать с сознания покров за покровом, стремясь освободить чувства, позволить им свободно литься и расходиться в стороны. Разум подобно полотнищу начал разворачиваться и касаться всего вокруг. Вот вспыхнуло опаляющее-алое нетерпение Варгаса. Прозвенела морозная боязливость Сони. Ярким любопытным огоньком мелькнула в вышине ночная птица.

Сердце забилося чаще, и с каждым его ударом сознание несло все дальше. Хлынуло на улицы, проникло в дома, дотронулось до спящих людей, их умиротворенных мыслей, теплых, неярких эмоций. Несколько раз я натолкнулась на живые, искрящиеся сгустки, которые наверняка были бродячими животными.

Ощувив горячее недовольство Варгаса, я неспешно и бережно вернула сознание в изначальное положение, превратила его в некое подобие туго свернутого бутона.

– Ну? – поторопил Варгас, переминаясь с ноги на ногу. От его раздражения во рту появился горьковатый привкус.

– Ну, – передразнила я, – если не считать нескольких кошек или собак, за которых нагорит хозяевам, все чисто.

– Да плевать! – буркнул Варгас. – Пусть там хоть стадо бешеных хомяков пляшет.

– У меня тоже была собака, – печально сказала Соня, чем немало нас удивила: обычно она помалкивала. – И я никогда ее не теряла. А вот моего двоюродного брата один раз оштрафовали, когда он не уследил за своим котом, и тот три дня бродил по улицам.

– Да какое... – начал Варгас, но я его перебила:

– Пошли уже.

Мне тоже казалось, что сейчас было неподходящее время для воспоминаний о домашних любимцах, но не хотелось лишний раз расстраивать Соню. Она и так в последние месяцы стала еще тише и отстраненнее обычного.

Нам предстояли около тридцати метров открытого пространства. После краткого замешательства на границе леса, мы сбежали по небольшому склону и ринулись через залитую светом фонарей парковку.

«А ведь раньше мы боялись темноты»

Варгас тут же кинулся к задней двери, мы с Соней прижались к стене и выглянули из-за противоположных углов. Поблизости никого не было, а черный ход смотрел на стену деревьев. Так что не о чем беспокоиться.

«Повторяй это чаще, вдруг поможет»

Сегодня Варгас очень уж долго копался с замком. Свежий ветерок пробежал по вспотевшей шее, кожа покрылась мурашками.

«Давай же!»

– Есть, – прошептал Варгас и скрылся внутри. Мы нырнули следом.

Непроглядный мрак подсобки задержал нас на пару минут. Как только глаза привыкли к темноте, Варгас повозился с панелью на противоположной стене, чтобы подключить питание. Затем по отработанной привычке мы бросились каждый в «свой» отдел: Варгас отправился за инструментами и электроникой, в которой никто, кроме него, не смыслил; Соня поспешила восполнить запасы шампуней, туалетной бумаги и аптечной мелочи; мне же предстояло доверху набить рюкзак съестным.

После закрытия магазина окна переключались в ночной режим и становились непроницаемо черными, поэтому с улицы в зал не просачивался ни единый лучик. Тьму разгоняло лишь бледно-голубое сияние витрин.

Я неслась между рядами стеллажей, дрожащими пальцами вставляла карточку с вирусом то в один разъем, то в другой и неизменно получала все, чего хотела. Прессованные кубики картофельного пюре, пакетики с сухим мясом и яичным порошком,

плитки шоколада услужливо выскальзывали в желоб, а затем скрывались в недрах объемистого рюкзака. Несколько раз неудачно ткнув в картинку на панели стеллажа, я умудрилась «купить» бутылочку острого соуса и мешочек с изюмом. Пришлось их тоже бросить к остальной еде, чтобы не оставлять на виду. Больше всего мы боялись, что владелец обнаружит недостачу и потратится на сигнализацию посложнее, которая окажется Варгасу не по зубам. Но пока все шло гладко.

Текли минуты, я уже почти успокоилась, к тому же что на плечи давила приятная тяжесть. Забив рюкзак до отказа, я побрела к литературному автомату. Черный ящик стоял недалеко от входа и прямо-таки манил меня. Пару дней назад на планшете кончились непрочитанные книги, поэтому я пребывала в скверном настроении, что отражалось и на Варгасе с Соней.

Карточка скрылась в щели, и мгновение спустя яркий свет ударил в глаза, а душную тишину торгового зала разорвал бодрый мужской голос:

– Вы молоды, активны и хотите получить бесценный организаторский опыт? Тогда вас ждет комитет по подготовке к празднованию...

Пока я ошеломленно пыталась проморгаться, голос успел посулить небывалое удовольствие и новых друзей. Все это можно было получить совершенно бесплатно, став волонтером и помогая устроить торжества в честь юбилея завершения Реконструкции, запланированные на будущий год.

Наугад шаря пальцами по экрану, я в конце концов смогла выключить звук, но нахальный автомат не сдавался: мужчина продолжал размахивать руками и улыбаться во все зубы, а понизу бежала текстовая строка:

«Двадцать лет назад мы достигли уровня Старого мира и двинулись дальше в развитии технологий, медицины и...»

И прочая ерунда, которую вбивали в головы всем школьникам и студентам. Даже я, хоть и обучалась на дому, не избежала рассылок по электронной почте и приглашений в волонтерские лагеря для молодежи.

Сердце теперь не стучало, а испуганно дрожало.

«Тише, дорогое мое, я тоже перепугалась»

– Что ты творишь?!

Из прохода показался Варгас, а за ним следом – раскаленное облако злобы. Парень светился в темноте угрожающим багрянцем.

– Знаю-знаю, – проворчала я немного виновато. – Не ожидала просто, что...

– Из-за твоих дурацких книжек нас всех убьют! – зашипел Варгас.

Я уже собиралась сказать, чтобы он не преувеличивал, но в проходе появилась Соня, казавшаяся бесцветной в свете экрана. Глаза ее были широко распахнуты, губы дрожали, а руки мяли рюкзак.

– Все нормально, – поторопилась я успокоить девушку. – Тут просто небольшая неприятность...

– Тупость твоя, а не неприятность! – вставил Варгас.

– Хватит, пожалуйста, – проскулила Соня. – Я так испугалась. Давайте просто закончим и пойдем домой?

Она выглядела такой беспомощной и испуганной, что я почти пожалела о своей неосторожности. Но, если говорить честно, Варгас и Соня выживали только благодаря мне, так что могли бы с большим уважением отнестись к некоторым моим нуждам.

– Заканчивай тут, – скомандовал Варгас, после того как мы несколько мгновений перекидывались гневными взглядами, и растворился в темноте. Соня поплелась в другую сторону.

«Достал! Не разбирался бы в компьютерах, мигом бы на улицу вылетел!»

То, что дом в чашобе принадлежал Варгасу, я как-то позабыла.

«Молодой и активный» наконец убрался с экрана, но вместо него возникла другая неприятность. Раньше месячную подборку книжных новинок можно было приобрести несколькими касаниями, а теперь каждую книгу или журнал следовало «покупать» отдельно. Слово этого было недостаточно, издания разнесли по странам мира, и мне пришлось по очереди открывать вкладку Омниса, потом Лександрии, Аквилона и Механических островов. Оставалось только порадоваться, что Южные племена отказались от удобств цивилизации, и писали разве что палкой на земле. От бесконечного тыканья в экран заболел палец, но через несколько минут я сбросила на карточку все книги, журналы и обзоры последних недель до каких дотянулась.

«Ну и цены! Семь сотен за детскую книжонку!» – покачала я головой, увидев:

«Единые, справедливые, смысленные, воспитанные, дикие. Сказки народов мира».

Цена: 700 аргентов»

Так и представляя недовольную рожу Варгаса, вынула карточку – экран тут же погас – и поспешила к выходу. Спутников я там не обнаружила...

«Только на меня горазд кричать!»

... поэтому решила еще раз проверить улицы, прежде чем отправляться в обратный путь.

Стоило немного раскрыть сознание, я тут же почувствовала *их*. Три пятна, полных жизни и цвета, разительно отличались друг от друга внешне, но одинаково пугали по своей сути.

«Они здесь!»

Я перетрусила. Ни Варгаса, ни Сони поблизости не было, а «пятна», кем бы они ни оказались...

«Пожалуйста, только не инквизиторы! Пожалуйста!»

... окружали магазин. Два маячили у главного входа, третье приближалось к двери, через которую проникли мы.

Едва дыша, я бросилась по проходам к призрачно мерцавшей Соне и темному, с багровыми отблесками гнева Варгасу.

– Да что вы там копаетесь, испепели вас Пятеро! – зло бормотала я, в отчаянии от того, что не могла позвать во весь голос.

– О, Виктория, – задумчиво сказала Соня, – я тут нашла витамины. Как думаешь, взять с яблоком или...

– Тише! – перебила я и замахала руками. – Кто-то идет! Надо бежать!

Соня истерично всхлипнула и тут же прижала ладони ко рту. Даже в слабом свете экранов было видно, как побледнел Варгас.

– Скорее! – поторопил он и бросился к заднему ходу.

– Нет-нет! – зашептала я. – Они там.

– Куда тогда? – еле выговорила Соня. Она, казалось, готова была рухнуть в обморок.

– Через главный...

– Нет, – покачала головой я, сообразив, что мы загнали себя в тупик.

– Но что?..

От страха по стеллажу, на который я облокотилась, пополз иней.

Вспыхнул свет. Соня не удержалась и взвизгнула. Варгас затрясся и втянул голову в плечи. Наша троица забилась в самый дальний угол, не в силах пошевелиться. Соня и Варгас теперь дрожали не только от испуга, но и от холода, потому что я никак не могла совладать с ужасом, и он лился вовне, замораживая воздух.

Шаги приближались.

«Как глупо – умереть напротив автомата со здоровым питанием».

Глава 2. Дан познает девичье коварство

Ремни «Виды» обхватывали левое предплечье, в чехле на поясе висел нож, еще один притаился в высоком ботинке, позади сидений, в специальном футляре, ждали электроружья – начался мой первый рабочий день в качестве инспектора. Точнее ночь – часы показывали половину двенадцатого.

В плотной черной куртке и таких же штанах было жарко и неудобно. Я много раз воображал, как впервые надену форму и почувствую себя важным и сильным. На самом деле же я ощущал только мокрую футболку, которая противно липла к спине, и страшное желание почесать промежность. Тяжелые ботинки всего за пару часов стерли ноги в кровь. Боюсь представить, как они потом будут вонять.

Но все это не шло ни в какое сравнение с тем жаром, который плескался внутри, воспламенял в голове злые мысли вперемешку с ругательствами и не имел отношения к летнему зною. Так называемая работа – сплошное унижение. Я не мог остановиться придумывать резкие ответы, которые следовало бросить отцу прямо в лицо, когда он сообщил о назначении. Вместо предвкушения в грудь подобно мокроте набилась обида. Столько лет он твердил о важности нашего дела, ответственности, долге. И что теперь? Меня, как жалкого пятиклассника, отправили патрулировать пригород, да еще вместе с двумя сослуживцами.

«Поверить не могу, что он так поступил!»

Машина выехала из города, промчалась по мосту над рекой, и вот из-за холмов показались ряды однотипных домиков.

Дэдрик хмурился и небрежно рулил одной рукой. Он был необычайно тих весь вечер, но по злобным взглядам, которые он бросал в зеркало заднего вида, было ясно – в голове его зрели одно за другим оскорбления и шуточки. Дэдрик ждал любого повода, чтобы пустить их в ход.

Таклкотт погрузился в чтение книги с изображением Пятерых на обложке и не обращал внимания ни на что вокруг.

С некой обреченностью я поглядывал на экран «Виды», но тот оставался темным, словно заснул от скуки. Надеяться было особо не на что: в пригороде, куда переселились семьи из разрушенного Центра, сроду не происходило ничего интересного. Не считая

одного случая, года полтора назад. Перепуганная женщина тогда вызвала стражу: по заднему двору бродил и разговаривал с клумбами безумный старик. Он, казалось, проникся идеей «единения с природой», потому как был весь грязный, в рваной одежде и с листьями в спутанных волосах. Никто так и не понял: колдуна удалось поймать или просто сумасшедшего, но городская стража, в то время не объединенная с инспекцией, просто забрала его в участок. Я услышал эту историю от отца, когда мы еще проводили вечера вместе и разговаривали. В общем, негусто.

С трудом подавив досадливый вздох, я выглянул в окно. Похожие друг на друга дома навевали тоску. Ни за что не согласился бы жить в таком месте: все кругом нарочитое, показное, крикливое. Люди начали селиться здесь вынужденно, когда отступавшие колдуны рушили все на своем пути в Центре. А теперь пригородная жизнь стала просто модной затеей. Подражая обитателям Южных племен в их стремлении быть ближе к природе, горожане перебирались подальше от высоток и ярких огней в тень холмов и леса. А сами, с брезгливой досадой подумал я, заметив грубые швы в траве, стелили на лужайки перед домами газон из биоволокна, который даже поливать не нужно!

Покружив по улицам, Дэдрик остановил машину и приказал выметаться. Окунувшись в душный ночной воздух, я размял плечи и повертел головой.

– Боишься? – ухмыльнулся Дэдрик, доставая ружья из багажника.

– Нет.

– Конечно боишься. Но ты уж сильно-то не переживай, а то поджаришь чью-нибудь загулявшую кошку – пиши потом объяснительные. Хотя сынку Лазара и не такое с рук сойдет, – продолжал глумиться Дэдрик.

– Заткнулся бы ты. – Я старался, чтобы в голосе звучала насмешка, а не раздражение. Дэдрик не получит удовольствия задеть меня! Ну, или хотя бы не узнает об этом.

Он просто на просто злился, что его, такого важного сотрудника, отправили «на прогулку», как он сам это называл, и обязали приглядывать за мной. Поэтому сегодня стоило ждать чего похлеще.

– А то что, нажалуешься папочке? – хохотнул Дэдрик.

– Без него обойдемся. Просто помни, что я, *возможно*, отвлекся, когда осматривал снаряжение. Бывает, знаешь, не доглядишь, а ружье потом как вспыхнет. Хотя тебе уже без разницы.

Разумеется, я все проверил и перепроверил, но стоило это сказать хотя бы ради того, чтобы увидеть, как ухмылка сползает с лица Дэдрика. Он скривился и машинально потер бугристую, в шрамах, лысину.

– Щенок, – выплюнул он, захлопнул дверь машины и зашагал по тротуару.

Таклотт усмехнулся.

– Что, весело, а, святоша? – тут же вскинулся уязвленный Дэдрик.

Но я уже не слушал. Дерьмовый характер Дэдрика был известен всей инспекции. Поэтому ему и дали в напарники Талкотта – спокойного и религиозного. Обычно я мало внимания обращал на подколы, но сегодня прекрасно понимал настроение сослуживца: бесполезность так называемой работы была ясна любому, кто мог сложить два и два.

Поле Протектора целиком накрывало поселок и часть леса, а «Вида» сразу бы засекла любую искру колдовства. Единственной неприятностью оставались безвкусные садики с избытком украшений и штампованные дома, настолько лишенные архитектурского вдохновения, что тянуло плевать.

С ружьями на плечах мы шагали по тихим улицам. Прохладный ветерок постепенно теснил жару и духоту, со стороны города надвигалась громада туч с багряными прожилками молний, похожая на гигантский мозг. Зной словно пытался досуха выжать меня, прежде чем его смоем ливень и с грохотом прогонит гроза.

Но жаловаться, означало нарываться на новые издевки.

Маячивший в отдалении лес, темный, жутковатый, но одновременно манящий, притягивал взгляд. Странно было видеть ухоженные современные домики рядом с высокими, старыми деревьями, которые, возможно, застали начало Нового мира.

– Полный бред, – затынул Дэдрик, размахивая ружьем. – Если здесь что и случится, так это я со скуки сдохну. Не мог выпросить чего поинтересней? – бросил он мне.

– Не я решаю.

– Тогда на кой брюнд ты вообще нужен?!

Я уже открыл рот, собираясь выплюнуть несколько слов, от которых приличные люди краснели и отворачивались, но Талкотт – он всегда морщился, стоило кому-то упомянуть злого духа – положил руку мне на плечо и сказал:

– Успокойся, Дан. А ты, Дэдрик, прекрати размахивать ружьем, а то сам чей-нибудь дом спалишь.

Дэдрик скорчил рожу, но, как всегда, прислушался в Таклотту, чье мнение уважал, хоть и не упускал случая отпустить в адрес напарника сальную шуточку.

– Отец беспокоится о тебе, – прошептал Талкотт так, чтобы Дэдрик не услышал. – Скоро все наладится, и ты получишь достойную работу.

– С чего такая уверенность?

– Глупо заставлять нас заниматься ерундой. А господин Мереш далеко не глупый человек. Да и...

Продолжения услышать не довелось. Взгляд Талкотта наткнулся на скульптурную группу из пятерых ангелочков в дурацких нарядах и со слабоумными улыбками на лицах. Талкотт уничтожающе посмотрел на садовое украшение и что-то пробормотал, напрочь забыв обо мне. Потом поднял руку к шее и потер татуировку – кольцо с двумя четкими ключами и одним едва заметным. Уважая религиозность сослуживца, я не стал отвлекать его от мрачных мыслей.

Тем не менее слова Талкотта вселили пусть слабую, но надежду. Она, правда, не смогла вытеснить недовольства отцом, которое ширилось внутри и отравляло мысли.

Мы дважды обошли улицы и уже собирались вернуться к машине, когда раздался сигнал и на экране «Виды» высветилось сообщение.

«Нужели?!» – восторженно вскрикнул я, вновь ощутив волнительное подергивание внизу живота.

Но воодушевление прожило не дольше придавленного пальцем муравья.

– Сигнализация, – со скукой в голосе сообщил Дэдрик. – Небось молодняк полез за пивом и презервативами.

Но в глазах его загорелся алчный огонек. Помимо крутого нрава Дэдрик был известен свирепостью и бесстрашием, что очень ценил отец. А по-моему, он слегка двинулся на жестокости: убийство ведьм было для него развлечением. Я воспринимал работу как долг – отец еще девять лет назад вложил эту мысль мне в голову. Поэтому я не испытывал приятного трепета при мысли о чужой смерти. А вот Дэдрик явно получал удовольствие от охоты и особенно от казни. Не зря же он любил рассказывать красочные и хвастливые истории, которых, впрочем, становилось все меньше, поскольку колдунов, что не спрятались под Куполом или не сбежали из города, инспекция уже отловила.

– Скорее всего, – согласился Талкотт. – Но проверить надо.

– Естественно.

Мы двинулись к магазину, что расположился на окраине поселка. Темные окна были целы, дверь закрыта. Следов взлома я не заметил.

– Обойду сзади, – сказал Дэдрик.

– Уменьши напряжение, – предостерег его Талкотт. Формально ружья не считались летальным оружием, но на полной мощности могли покалечить.

Дэдрик демонстративно крутанул переключатель и скрылся за углом.

Вряд ли внутри нас ожидало что-то особенное, но сердце забилось сильнее, ружье стало неудобно держать во взмокших ладонях.

– Не волнуйся. И будь внимателен. Если там и правда всего лишь подростки, не хотелось бы им навредить.

– Ладно.

Талкотт ввел код на цифровой панели и толкнул дверь. Мы вошли, в ту же секунду загорелся свет, а окна с легким жужжанием стали прозрачными.

– Тихо и аккуратно, – напомнил Талкотт и снова коснулся татуировки, словно она придавала сил.

– Тихо и аккуратно, – отозвался я и сглотнул.

Внутри оказалось прохладно, будто кто-то забыл выключить кондиционер. Витрины призывно мигали, сверкали и переливались, предлагая на выбор самые разные товары.

– А ну выходите, засранцы, пока я не разозлился! – покатился по залу хриплый голос Дэдрика.

– Он идиот? – возмутился я.

Талкотт покачал головой.

– Проверь зал, я осмотрю помещения для персонала, – сказал он и удалился.

Пудобнее перехватив ружье, я двинулся мимо стеллажей.

– Я жду! – снова крикнул Дэдрик, громко топая. – А вот и вы! Ну и что тут у нас...

Он умолк внезапно, точно ему заткнули рот. Я кинулся вперед, внимательно осматриваясь по сторонам, но магазин был пуст. В самом конце зала, в угловом отделе, показался Дэдрик. Он опустил ружье и тупо уставился перед собой, точно загипнотизированный.

В груди завожилось недоброе предчувствие. Дэдрик застыл, как заколдованный, но «Вида» молчала, да и в любом случае в пределах поля Протектора магии быть не могло. И все же...

Проход заканчивался тупиком, там сбились в кучку трое ребят примерно моего возраста – лет восемнадцать-девятнадцать, не больше. Точнее, двое – маленькая кудрявая девушка и тощий парень – прятались за спиной еще одной девушки, высокой и

черноволосой. Она, в отличие от своих спутников, выглядела не только напуганной, но и сосредоточенной.

Воздух здесь был холоднее всего, на витринах поблескивала тонкая корка льда. Дыхание вырывалось предательским облачками, будто специально подчеркивало мое волнение. Взгляд перескочил на экран «Виды», но тот оставался безмятежно пустым. Чутье же вопило об опасности.

Мое появление отвлекло черноволосую. Девушка отвела темно-карие глаза от Дэдрика и посмотрела в мои. В тот же миг стройная череда мыслей смялась, как ненужный листок бумаги. Я почувствовал себя ребенком, которого оставили стоять одного в очереди. Страх и нерешительность заслонили собой все остальное. Ружье едва не выпало из ослабевших рук и уставилось в пол. Девушка продолжала смотреть мне прямо в глаза, и от этого взгляда мысли съеживались и разбегались.

– Что здесь такое? – откуда-то издалека послышался голос. Знакомый голос... Но я никак...

Черноволосая вздрогнула и глянула в сторону.

– Подняли руки и отошли к стене, живо! – приказал Талкотт. Теперь он совсем не походил на скромного приверженца церковных заповедей: взгляд стал жестким, в голосе появилась сталь, руки уверенно направляли ружье на взломщиков.

Мысли постепенно начали наполнять голову, вместе с ними появились страх и стыд.

«Что это было?»

Трое перепуганных подростков вжались в стену. Только теперь я заметил набитые рюкзаки у их ног. А потом обратил внимание на грязноватую, рваную одежду и волосы, в которых запутались веточки и листья.

Черноволосая по-прежнему смотрела на нас, но теперь в ее взгляде сквозила неуверенность. Было что-то странное в этой девушке. Даже воздух вокруг нее дрожал.

– Какого брюнда! – вышел из оцепенения Дэрик. Его лицо перекосилось от злости. Ружье тут же взлетело и теперь указывало на дрожащую троицу.

– Тише, – осадил его Талкотт. – Это всего лишь дети.

– Ага, как же, дети! – брызгал слюной Дэрик. – Вон та девка точно какая-то... не такая... Она что-то сделала... Что-то... Я не знаю...

Дэрик испугался, а страх он ненавидел еще больше колдовства. Черноволосая быстрее всех сообразила, что сейчас произойдет.

– Не надо! – с отчаянием закричала она.

– Я уж сам решу! – рявкнул Дэдрик и выстрелил.

Ярко-голубой разряд с шипением метнулся по проходу. От его близости у меня волосы на голове и руках встали дыбом. Черноволосая увернулась, а вот парень сплеховал – и получил электрический сгусток прямо в живот. Вторая девушка завизжала и бросилась на пол, прикрыв голову руками.

В следующий миг Дэдрика оторвало от пола и спиной швырнуло на стеллаж. Раздался отвратительный хруст стекла и, похоже, костей, во все стороны брызнули осколки и пузырьки с таблетками.

– Что это? – вскрикнул я.

Талкотт как-то странно повернулся и невидяще уставился вперед налитыми кровью глазами. Пару секунд он стоял неподвижно, а затем рухнул с глухим стуком. Только тогда я понял, что подбородок его покоился между лопаток.

Нутро будто кулаком стиснуло. Ужас холодными волнами разливался по телу, в то время как из живота поднималась обжигающая рвота.

– Прекрати! – послышался девичий голос.

Не славив с желудком, я согнулся, ноги заскользили на льду. Тело сотрясали спазмы. Тяжелый удар пришелся на склоненную голову, и мир захлебнулся во тьме.

Глава 3. Неугомонная Ева

– Рагнар разозлится.

– Да кому какое дело до Рагнара!

– Он прибьет меня, когда узнает.

– Ничего он не сделает. И вообще, когда Рагнар все поймет, он будет слишком занят подборанием челюсти с пола и рассыпанием в извинениях.

– Извинения? Мы точно о твоём брате говорим? Ладно-ладно... Вот только не надо смотреть *этим* взглядом. Я уже понял, что тебя не переубедить.

– Разумеется! Потратить столько времени, чтобы сказать: «Ой, может не стоит, а то вдруг Рагнар обидится?» и все бросить? Вот еще! Начинай!

– Раздевайся. – Тибальт вздохнул и потянулся к жестянке с зельем.

В маленькой палатке, освещенной гроздью тусклых огоньков под потолком, было тесно, поэтому пока я неуклюже скидывала одежду, Тибальт получил несколько оплеух. Снаружи, несмотря на поздний час, слышались разговоры: люди с наступлением тепла

предпочитали спать под открытым небом, так что все лужайки парка и куски дорог под Сферой заполнили спальные мешки, палатки, а кое-где даже высились шатры.

Когда на мне остались только трусики и лифчик, Тибальт сунул руку в банку, зачерпнул Ночного бальзама и смачно шлепнул зелье мне на спину.

– Ох, холоднющее, – пожаловалась я.

– Потерпишь. Намазывай спереди.

Так мы и сидели еще минут пятнадцать, с ног до головы натирая меня зельем. Когда дело дошло до волос – прекрасных ядерно-красных волос – я невольно вздохнула:

– Надеюсь, оно отмоется потом.

– Лучше надейся, что не облезнешь, – с улыбкой посоветовал Тибальт и вывалил мне на голову горсть бальзама.

– Как все чешется.

– Хватит жаловаться, ты сама это придумала.

Покончив с намазыванием, Тибальт придирчиво оглядел меня и сказал:

– Кажется, все нормально. Ой, погоди, локоть пропустили. Вот, теперь точно порядок. Давай-ка сюда глаза.

Я повернулась лицом к Тибальту, он достал из кармана длинную бутылочку с пипеткой и капнул по две капли темного зелья в каждый глаз. В первое мгновение ничего не произошло, но затем...

– А-а-а! Облезлые ангелы! Жжет, жжет! А-а-а!

– Тише ты, – шикнул Тибальт и накрыл мне рот ладонью. – Что люди подумают.

– Что надо, то и подумают, – бешено моргая, ответила я. – Все, в том числе Рагнар, считают, что мы тут всякими непотребствами занимаемся. Пусть так и остается – зато никто не сунется.

С непреодолимым желанием протереть глаза, я вскинула руку и случайно выбила склянку с зельем из пальцев Тибальта.

– Ну вот, – расстроился он. – Все на стенку вылила.

– Да ладно, больше и не надо.

Я вытащила из мешка одежду, заранее пропитанную бальзамом, и надела. Футболка и штаны царапали кожу. Поверх закрепила пояс с бутылочками, наполненными самыми разными снадобьями и составами.

Постепенно жжение проходило, а вместе с ним отступала тьма. Если огоньки над головами несколько минут назад едва светили, то теперь словно превратились в маленькую звезду.

– Как ярко, – пожаловалась я и прикрыла глаза рукой.

– Значит, работает. И я тебя почти не вижу. А в тени и вовсе никто не заметит.

Главное, не выходи...

– На свет. Да знаю, знаю, хватит нудеть. Все, я пошла. Пожелай мне удачи.

«И мозгов в придачу», – тут же срифмовала Вредина, впервые за вечер подав голос.

«Это будет ве-э-э-се-э-э-ло-о-о-о!» – пропела Затейница.

– Удачи, – откликнулся Тибальт и встал на колени. – Пойдем, провожу тебя...

– Куда! Мы тут непотребствами занимаемся, если помнишь. А станешь разгуливать вокруг, все решат, что я тут одна развлекаюсь? Нетушки. Сиди-ка и не шуми. Или нет, шуми, только без фанатизма. А вот я пошла.

– Только, пожалуйста, аккуратней, я не придумал, что сказать Рагнару, если тебя убьют.

– Нельзя убить человека, который двенадцать раз в году истекает кровью и остается в живых, – отбрила я и выскользнула в июльскую ночь под ворчание Тибальта.

Пробираясь среди палаток, спальных мешков и беспорядочно разбросанных тел – занятие не их легких. Особенно если твоя одежда немногим мягче древесной коры.

Одному старичку все-таки не повезло: я не заметила его в тени кустарника и как следует пнула.

Ночной бальзам работал отлично, поэтому никто не обращал внимания на чумающую девицу. Через пару минут я уже стояла в густой тени дуба, у края Сферы. Еще шаг и защитное заклинание перестанет действовать, дальше начнутся владения инквизиторов, где никакая магия не действовала. Волнение щекотало кожу. Я ощупала пояс со склянками, оглянулась на сияющую огнями Башню и...

«Ну, Рагнар, ты еще пожалеешь, что обзывал меня»

... шагнула вперед.

Шепотки, треск костров и легкий шелест листьев как ножом отрезало. Воздух по эту сторону пропитался запахом гари и отчаяния. Под ногами хрустели мелкие камушки и осколки пластика, ветер с гнетущим шепотом гнал по улице пыль и мусор. Фонарей не было, но я прекрасно видела, хотя цвета оказались тусклее, чем обычно, словно мир превратился в мрачный карандашный набросок.

«Не стоило этого делать, – шепнула Зануда. – Рагнар так разозлится»

«Если будет на кого злиться», – съехидничала Вредина.

«Девчонки! Вы просто не умеете развлекаться!» – перекричала их Затейница. Ободренная ее словами я двинулась вперед.

Ступать приходилось осторожно: инквизиторы пытались пробить волшебную преграду, но ровным счетом ничего не добились, только асфальт попортили – в глубоком рве вокруг Сферы запросто можно было подвернуть ногу.

Улицы представляли собой жалкое зрелище: отовсюду скалились разбитые витрины магазинов; заброшенные рестораны, в которых давно никто не ел, стояли с распахнутыми дверьми, точно надеялись залучить еще хоть одного посетителя. Стоило зайти за угол, как из темноты выплыла громада кинотеатра с закопченным фасадом и темной дырой входа. Раньше вверх возносились две здоровенные пластеклянные панели, на которые выводились живые афиши, ролики из фильмов и трансляции мировых премьер. Теперь же одна валялась грудой обломков справа от входа, а вторая вместо рекламы показывала только сотню оттенков грязи. Стены и потрескавшийся асфальт покрывал слой пыли и пепла. Все здания пустовали, с одной лишь разницей: некоторые выглядели просто заброшенными, а другие покосились и только чудом устояли после того, как инквизиторы начали облаву на магов и в городе загрели бои. Несколько дней не стихали взрывы и крики, по улицам металась электрические разряды и заклинания, чародеи толпами отступали под Сферу и не брезговали самым мерзким колдовством. В итоге перебили кучу народа, превратили несколько небоскребов в искореженных, погнутых гигантов и окончательно настроили смертных против себя. Инквизиторы, правда, тоже не гнушались взрывать бомбы, так что окна в Центре повывлетали больше их стараниями. Не говоря о череде бесплодных попыток разбить Сферу, после которой на сотню метров вокруг не осталось куска целого асфальта или живого деревца.

Полная луна, как и предсказывал Тибальт, захлебнулась в тучах, так что я спокойно шла сквозь мрак, выискивая инквизиторов. Девочки в голове не переставали спорить. Оживление стайкой пушистых мотыльков скользило по коже, играя в догонялки с мурашками.

Печально было видеть, что некогда оживленный центр Первограда превратился в мертвые кварталы, которые инквизиторы пафосно называли Кольцом скорби. Взгляд постоянно натывался то на любимый обувной магазин, где консультанты продавали потрясающие туфли и дарили улыбки, то на уютное кафе, откуда я нередко уходила с

набитым вкусностями животом. Единственными посетителями салонов красоты стали оплавленные манекены, музыку в барах заменил шепот трещин. Лишенные пластика высоты словно печально вздыхали, провожая меня пустыми взглядами. Кожа под бальзамом щекотали мурашки – теперь от легкого беспокойства.

«Как-то здесь жутко», – прохныкала Зануда.

«Жутко будет, когда мы вернемся. Если вернемся, конечно, а не превратимся в жаркое», – проворчала Вредина. Она никогда и ни в чем не видела хорошего, а сегодняшнюю затею и вовсе считала глупой. Зато вот Затеяница не унывала:

«Да хватит вам! Это так здорово! Как игра, только по-настоящему! И мы – супергероини!»

Я была с ней полностью согласна. Хотя Вредина и Зануда порой выдавали весьма здравые идеи, чаще всего эта парочка была просто плесневелым куском тоски.

Как ни странно, до сих пор не встретился ни один инквизитор. Некоторое время спустя стало ясно: приключение выходило не таким захватывающим, каким представлялось вначале. От скуки я стала перебирать бутылочки на поясе, но и это занятие быстро надоело. Возникла мысль, не вернуться ли в Башню и не заесть ли неудачу большой порцией мятного мороженого...

«Первое здоровое предложение за вечер», – сказала Вредина.

«Совершенно «за»!» – воскликнула Зануда, которая всегда поддакивала Вредине.

«Неправда», – обиделась Зануда.

«Тсс, слушайте!» – вмешалась Затеяница.

... когда рядом послышались тяжелые шаги.

Вот они, вот они! Двое инквизиторов! Одеты в одинаковые черные куртки и штаны, в руках держат массивные ружья, и на левом предплечье у каждого висит устройство, которое засекает магию. Судя по зеленому блеску глаз, мужчины воспользовались линзами ночного видения. Что ж, проверим наш бальзам в полевых условиях.

– ... взрослый. Пора бы уж, – сказал плешивый инквизитор со смешным носом.

– А куда его отправили-то? – спросил второй – коренастый блондин с оттопыренными ушами.

– Без понятия. Может, и никуда. Может, сидит дома, а нам водоросли на уши наматывают.

– Да ну.

Они прошли совсем близко, но продолжали разговаривать, точно меня здесь не было.

«Ну все, – встрепенулась Зануда. – Работает. Пошли домой»

«Нет уж. Надо хорошенько проверить»

Инквизиторы удалились на несколько метров, когда я шаркнула ногой по асфальту, так что захрустели камешки и кусочки пластика.

– Что это? – насторожился Плешивый.

– Не знаю, – отозвался Лопухий и вместе с напарником вскинул ружье.

С минуту они вглядывались в темноту, но меня не замечали. Затем оба посмотрели на экраны. Озадаченное выражение уселось на лица мужчин как муха. Довольная успехом я показала инквизиторам язык и собралась возвращаться, когда произошло нечто непредвиденное.

– Вон там! – воскликнул Лопухий. – Я видел.

В следующий миг инквизиторы, моргнув, отключили линзы, пошарили на груди, и улицу залили потоки света.

«Попала, молодец», – отругала Вредина.

«У них фонарики», – сказала Зануда.

«Спасибо, уже заметила»

«Ой, не надо на нас смотреть, мы же чумазые!» – проворковала Затейница.

От неожиданности инквизиторы вскрикнули. Я тоже попыталась, но на ярком свете бальзам застыл коркой и не позволял даже бровью шевельнуть. Из рта вырвался придушенный полувздых – и только. От боли из глаз, в которые точно по паре раскаленных гвоздей воткнули, полились слезы.

– Чего это она? – послышался дрожащий голос.

– Не знаю. Но ты глянь.

– Ага, вижу.

Из-под полуопущенных ресниц и завесы слез я различила, как оба инквизитора опять уставились на экраны.

«Работает, – с гордостью сказала Затейница. – Не зря старались: они не знают, что ты ведьма»

«Это пока», – мрачно предрекла Вредина.

«Не очень-то они сообразительные», – чуть ли не расстроилась Зануда.

Пока инквизиторы тихо переговаривались и решали, как со мной поступить, раздался треск, темная корка треснула, и бальзам, обратившись в пыль, осыпался на землю, где смешался с песком и пластеклянной крошкой. С облегчением я выпрямилась и поскорее стала тереть глаза, из которых текли черные слезы.

– Эй, а ну не двигаться! – крикнул лысый.

– Руки поднять! – скомандовал второй.

– Да ладно вам, ребята, – фыркнула я, наконец-то разглядев этих «ужасных» охотников на ведьм.

Яркий свет разрушил не только бальзам, но и суровый образ инквизиторов. Они – все такие плечисто-мускулистые – выглядели немногим старше двадцати. Всего лишь мальчишки с телами мужчин.

«Да это просто... пацаны?» – удивилась Затейница.

«Им бы девчонок кадрить, а не ружьями махать», – в кои-то веки согласилась с ней Вредина.

– Подними руки! – повторил Плешивый, но не слишком уверенно.

– Ладно, девочки, пора домой.

Парни явно не страдали от избытка ума и недоуменно переглядывались (не опуская, впрочем, ружей). Я выхватила из пояса бутылочку и швырнула инквизиторам под ноги. Раздался взрыв, багровое пламя взвихрилось метра на три и отшвырнуло Плешивого на противоположную сторону улицы, где как следует приложило о стену книжного магазина, а Лопухого снесло прямо через разбитую витрину и небрежно бросило в парикмахерское кресло.

Меня тоже сбило с ног. Перед воспаленными глазами еще метались цветные пятна, когда совсем близко слышались крики и шаги.

Зануда, Вредина и Затейница, вопреки привычке, молчали. И не просто молчали: раньше, даже во сне, я всегда ощущала их присутствие, а теперь в голове воцарилась гулкая пустота. Стало страшно, когда я поняла, что осталась совершенно одна.

Покальвание триумфа сменилось пчелиными укусами страха и беспомощности. Растерянность и нерешительность набили мозг ватой так, что туда не могла попасть ни одна стоящая идея. С трудом поднявшись на ноги, я огляделась и, пока инквизиторы не заполонили улицу, нырнула в проулок, весьма удачно оказавшийся по левую руку.

«Как глупо, как глупо! Хотела ведь все по-тихому проверить, – ругала я себя, плетясь между обшарпанными стенами. – Это ж надо, перепутала «Розовый сон» и «Дикое пламя»! Может, Рагнар прав, и я действительно безответственная?»

Вредина ни за что не упустила бы возможности отпустить шпильку, от ее молчания слезы полились еще сильнее.

Шум за спиной нарастал: подоспевшие инквизиторы обнаружили своих товарищей. Я ускорила шаг, но постоянно натыкалась на стены и совершенно не представляла, куда держала путь. Стоило бы остановиться и подумать, понять, в какой стороне Башня, но паника щекотала спину, ее холодные пальцы оставляли на коже следы из мурашек. Так трудно было сосредоточиться, мысли словно издевались: ярко вспыхивали и тут же гасли, строили рожи и уворачивались, будто мы с ними играли в догонялки. Без бальзама в глазах я почти ничего не видела в темноте. Да еще слезы текли бесконечным потоком.

Но скоро это уже не имело значения. Инквизиторы подняли тревогу и пустые еще полчаса назад улицы теперь заполнились людьми. Людьми с ружьями, фонариками и яростным желанием поймать ведьму.

Хоть я и знала, что город накрыт противомagическим полем, победить соблазн и не начать колдовать было очень трудно. Я прислонилась к стене и сжала руками гудевшую голову.

«Думай, думай, думай!»

Через минуту-другую наконец удалось сообразить, в какую часть Кольца скорби я попала: оказалось, в сумасбродной попытке поразить Рагнара и заставить его устыдиться своих слов, забралась довольно-таки далеко. И обратный путь теперь был еще длинней из-за рыскавших по улицам инквизиторов. Откуда они только повылезали?

Ничего не оставалось, кроме как встряхнуться, собраться и осторожно двигаться к Башне в надежде, что до Сферы удастся добраться раньше, чем инквизиторы доберутся до меня.

Следующие минуты – а может, и часы – слились в одно пятно. Я пригибалась, кралась, вжималась в стены, скользила от тени к тени, один раз даже с головой нырнула в мусорный бак. На мою удачу инквизиторы не слишком тщательно осматривали проулки и тупички, больше полагаясь на свои приборы.

До Башни оставалась всего пара кварталов, когда я, притаившись в проезде за магазином одежды, расслышала позади шаги. Тяжелая, уверенная поступь приближалась по соседнему проулку, а впереди был лишь проспект, слишком широкий, чтобы осмелиться на

него выскочить. Но инквизитор подходил все ближе, а на противоположной стороне улицы вроде бы никого... Только разверстый вход в кинотеатр.

Сейчас или никогда, решила я и выскочила из укрытия. По счастью, инквизиторы были слишком далеко и не заметили, как я бросилась через дорогу напрямик в темный проем. Посреди зала располагалась барная стойка в форме подковы. За нее-то я и нырнула, прижалась спиной к стене и постаралась дышать как можно тише.

«Демоны тебя раздери!»

Всего через пару мгновений у входа слышались шаги. Все-таки заметили!

Дрожащими пальцами я вытянула из пояса еще одну бутылочку и стиснула в кулаке, в любую секунду готовая швырнуть склянку в преследователя. Шаги затихли. Сердце колотилось так громко, точно хотело выдать меня. Абсурд, но я разозлилась на свое сердце за слишком громкий стук, а потом содрогнулась при мысли, что скоро оно может перестать биться.

Шаг.

Вспотевшая ладонь, сжимала бутылочку.

Шаг.

«Облезлые ангелы, ну почему я такая дура?!»

Шаг.

«Ох, Рагнар разозлится. Тибальту еще как влетит»

Шаг, шаг, шаг.

– Вот и ты, – раздался тихий голос. Инквизитор стоял прямо между концами стойки и направлял на меня ружье.

Придушенный писк. Стекло, блеснувшее в тусклом свете. Мягкий удар по черной куртке. Прозрачный звон о плиточный пол.

«Проклятье!»

Бутылочка не разбилась, и зелье, заточенное в ней, стало совершенно бесполезным.

Инквизитор улыбнулся.

Глава 4. Виктория и невидимое чудовище

Кровь не собиралась задерживаться в мертвом теле. Она стремительно покидала инквизитора, блестела на осколках, пропитывала рассыпавшиеся таблетки. В отличие от нее темная, едкая душа уходила нехотя, точно вовсе не желала расставаться с насиженным

местом. Сознание потухло мгновенно, как задутая свечка, но душа не торопилась. Мрачная субстанция медленно отделилась от тела, улеглась на плиточный пол, будто хотела отдохнуть, а затем также неспешно, с трудом, просочилась сквозь него и исчезла.

Второй инквизитор к тому времени уже утратил все жизненные силы: его душа оказалась на порядок легче и прозрачней, она выскользнула из покойника, мгновение померцала в воздухе и мягко сошла на нет, как последние лучи закатного солнца.

– Эй, Вик, я к тебе обращаюсь! – послышался знакомый голос.

Чтобы оторвать взгляд от двух трупов, которые еще мгновение назад ярко горели удивлением, решительностью, гневом, пришлось приложить немалое усилие. Я скорчившись сидела на полу и не могла избавиться от мерзкого, пронизывающего чувства пустоты, которое появилось вместе со смертью инквизиторов. Казалось, в магазине образовалась дыра, куда утекали тепло, радость, сама жизнь.

– Ау, ты меня слышишь вообще?!

Я подняла глаза и встретила взглядом со старшей сестрой. Выглядела она так себе: с последней встречи изрядно похудела и побледнела, воспаленные, точно от сильного недосыпа, глаза понизу обвело усталой синевой. Густые черные волосы, которыми Ника всегда гордилась, теперь были стянуты в небрежный пучок.

– Вовремя ты, – сказал дрогнувшим голосом Варгас, с трудом поднимаясь на ноги. – Этот козел подстрелил меня! Как же больно!

Соня сжалась в углу и всхлипывала.

– Вовремя, – фыркнула Ника, точно услышала забавную глупость. – Поднимай, – сказала она, после того как беззастенчиво, с долей брезгливости ощупала во всех местах выжившего парня, сорвала с его руки продолговатый экран и расстегнула пояс с ножом. – Только аккуратно, а то он тут понаблевал, фу.

– Что? – спросила я, оперлась на ближайшую витрину и встала. В голове гудело, ноги тряслись и скользили на подтаявшем льду, к горлу подкатывала тошнота. Хорошо хоть в желудке пусто.

– Да я не тебе.

Раздался звонкий стук по кафелю, тяжелое дыхание, а затем молодой инквизитор, худощавый и светловолосый, подскочил в воздух, нелепо раскинув руки в стороны. Соня взвизгнула, Варгас ругнулся, а я присмотрелась внимательнее. Парень лежал на темном облаке, плавно менявшем оттенки от антрацитово-черного до закатного багрянца и

обратно. Сам же инквизитор, даже бесчувственный, походил на сгусток бликов, которые играют на воде.

– Один из твоих уродцев? – кивнула я в сторону облака, невидимого для остальных.

– А то, – сказала Ника. Она заметно оживилась, даже глаза заблестели. – Новенький.

– Хм. Ладно, хотя он мог бы и в лесу поохотиться.

– Что? – растерялась Ника. – Ну ты и... Он не для еды, а для дела.

– Какого это дела?

– Потом расскажу, пора двигать. А то как бы сюда еще инквизиторы не нагрянули.

Хотя...

Она огляделась, затем подобрала с пола упаковку кровеостанавливающих пластырей и не слишком аккуратно залепила пленнику рану на голове.

– Не хочу, чтобы у него мозги вытекли раньше, чем я ими воспользуюсь, – пояснила она в ответ на мой недоуменный взгляд.

Ника отпихнула тяжелую банку консервированных персиков, которой приложила инквизитора по макушке, закинула потрепанную сумочку за спину и пошла к выходу. Соня, помедлив несколько секунд, последовала за ней, словно боялась остаться наедине с мертвецами.

– Пойдите, – воскликнул Варгас. Он пожирал взглядом валявшийся на полу браслет с монитором. – Давайте заберем эту штуку. Я смогу разобрать ее и понять, как она рабо...

– Даже не думай, – по слогам произнесла Ника.

– Но...

– Наверняка там датчик слежения или еще что. Ты ведь не хочешь тащить такую вещь домой, правда?

– Откуда ты знаешь? Может, нет там ничего? – без особой убежденности спросил Варгас.

– Уж поверь. Бери шмотки, и валим.

С этими словами она развернулась и скрылась за стеллажом. Варгас поморщился, но спорить не стал. Все-таки сложно препираться с девушкой, у которой вместо карманной собачки демон на поводке.

Я же стояла посреди забрызганного рвотой прохода и не решалась сделать шаг. Ноги все еще дрожали, в груди застряла льдинка, а в животе булькала кислота. Впереди валялись изломанные тела инквизиторов. Они были неестественно пустыми и холодными. Мне редко доводилось видеть смерть так близко, и приятного в этом было мало. Даже в Соне,

перепуганной и дрожащей, такой прозрачной, что она казалась привидением, чувствовалось биение жизни. А вот инквизиторы превратились в бесполезные, гротескные изваяния.

– Ну что такое? – начала злиться Ника. – Ты идешь? Ой, ну хватит, всего лишь парадохлых мужиков. Лучше они, чем ты, верно? Не заставляй тащить тебя за шиворот.

– Заткнись! – рявкнула я, и лед вокруг стал таять быстрее. – Это не смешно или... или... Это отвратительно!

– Но мне этого не понять, да? – перебила Ника. – Я помню про твои обостренные чувства и все такое, но уж извини, пришлось действовать быстро. В любом случае нельзя тут торчать.

Непоколебимая уверенность Ники в своей правоте так меня разозлила, что под натиском негодования отступил даже холод смерти. Стараясь не смотреть на тела, я прошла мимо сестры и, не оглядываясь, направилась к выходу.

До леса мы добрались быстро и без проблем. Когда магазин и ухоженные садики окончательно скрылись за деревьями, я с облегчением выдохнула. Оставалось только пожалеть, что воспоминания о крови и трупах так легко скрыть не удастся. Как и мыслей о том, что недели через три, когда кончится еда, идти нам будет уже некуда.

За время, что мы пополняли запасы, погода изменилась: духоту сорвал холодный ветер, он же пригнал громаду туч, которые подобно стае фантастических животных неслись в вышине и торопились проглотить неровный круг луны. Деревья качались и шуршали, над головой будто переговаривалось множество шептунов. Лунный свет едва пробивался через кружево листвы и веток, поэтому я погладила браслет на правом запястье, и он слабо засветился в темноте.

Варгас шагал первым. Он то вспыхивал восторгом, отчего казался огромным сияющим леденцом, то начинал дрожать и становился тусклым, как пепел. Мстительная радость в нем боролась с отвращением и страхом перед смертью. Соня и вовсе превратилась в полустертый рисунок мелом: ни четких контуров, ни цвета. Она слепо брела в самом хвосте, налетала на деревья, спотыкалась, поднималась и шла дальше, не замечая ничего вокруг. Наверно, стоило ее приободрить, но я совершенно выдохлась.

Погруженная в свои мысли Ника была необычайно молчалива и задумчива. Временами ей приходилось поправлять инквизитора – тот норовил сползти с широкой спины демона. В одно из таких мгновений Ника заметила, как я быстро отвела взгляд. Тварь не воплотилась, поэтому разглядеть как следует ее не удалось, я могла видеть лишь общие очертания. Но даже этого хватало. Чувства демона совсем не походили на

человеческие. Они были слишком густыми, плотными и изменчивыми, чтобы их можно было понять. По сравнению с невидимым чудовищем люди казались кристально ясными.

На вершине холма я оглянулась. Струи дождя размывали огни города, превратив его в далекую картинку, ветер кидал в лицо капельки воды. Скоро гроза доберется и сюда.

Внезапно луна скрылась за облаком, и без того тусклый свет потух. Я зацепилась ногой за корень и рухнула плашмя. Воздух со свистом вырвался из легких, когда тяжелый рюкзак больно придавил сверху. Ни Соня, ни Варгас ничего не заметили (хотя последний, скорее всего, просто сделал вид – из ослиного упрямства, разумеется). Но все равно первое правило не позволило бы им...

Тут подросла Ника: схватила меня за локоть и с неожиданной силой вздернула на ноги.

В голове раздался пронзительный детский голос, но вскоре захлебнулся плачем и затих.

– Всегда пожалуйста, – пробормотала Ника, когда я, взбешенная, вырвалась из ее хватки, отряхнулась и молча зашагала дальше. – Эй, Вик, я с тобой говорю.

– Неужели так сложно запомнить два простых правила? – процедила я сквозь зубы, стараясь не обращать внимания на пронзительный голос, который зазвучал снова и породил неприятное ощущение: словно мозг зачесался. – Первое: не прикасаться. Второе: не называть меня... так.

Ника поморщилась и тяжело вздохнула. Порыв ветра прошелся над головами, кроны деревьев неодобрительно зашумели, точно напоминали о надвигающейся непогоде.

– Ладно, ладно, – наконец сказала Ника. – Извини, пожалуйста. Хотя этот твой заскок с именем мне никогда не понять, ведь когда мы были детьми... Я будто к профессору обращаюсь, а не к родной сестре.

– Ага, сестре, про которую вспоминаешь, только когда тебе удобно, – не удержалась я, хотя собиралась быть неприступной и гордо-молчаливой.

– О чем ты? Все еще сердишься за ту кружку? Я уже извинялась. Ты прямо как маленькая.

– Да при чем тут кружка, – отмахнулась я.

– А что тогда? Просвети, чем же я провинилась? – Ника старалась придать голосу резкие нотки, но он звучал устало и плоско. Что же с ней произошло, если Ника, всегда болтливая и надоедливая, теперь шла словно в воду опущенная?

Тем не менее я не собиралась облегчать ей задачу. Горько-сладкая обида была слишком хороша, чтобы так просто ее отбросить.

– Виктория, – позвала Ника. – Мне не нужно быть эмпатом, чтобы понять, что ты злишься. Давай уже, просто скажи, что не так.

– Что не так? – воскликнула я и развернулась. – Я скажу тебе, что не так. Помнишь, как ты гостила у нас несколько месяцев назад? А потом ушла и даже не попрощалась...

– Ты обиделась из-за такой мелочи?

– ... и бросила меня здесь.

Нiku мои слова ошеломили. Какое-то время она просто стояла с разинутым ртом, но затем раздался глухой удар: инквизитор таки свалился с демона. Пришлось звать Варгаса, который с большой неохотой и нескрываемым отвращением помог водрузить бесчувственное тело обратно. Соня одиноко взбиралась по склону холма, не обращая внимания на ссадины и ушибы. Цвета постепенно возвращались к ней: льдисто-голубой страх иголочками покалывал каждую мысль, легкая завеса облегчения едва виднелась, но уже слабо переливалась в свете возрождавшегося спокойствия, похожего на пару светлячков. Варгас протопал мимо. Лишь когда он ушел достаточно далеко, Ника заговорила:

– Вообще-то, я не хотела ставить тебя в неловкое положение. Думала, ты мне спасибо скажешь.

– Спасибо?! – Я прямо-таки захлебнулась от возмущения. – Неловкое положение?! Что за бред! Ты просто не хотела, чтобы я мешалась тебе и твоему парню.

Ника выглядела так, словно я отвесила ей оплеуху и словно сама готова была меня ударить.

– То есть, – выговорила она дрожащим голосом, – позови я, ты бы собрала вещички и ушла бы? Вот так просто?

– Конечно! У нас с тобой, может, и не всегда все ладится, но мы родные люди как-никак. Лучше, чем изо дня в день слушать нытье Варгаса. А тебе и плевать!

– Плевать?! Да ведь в Варгасе и дело! – закричала Ника, но тут же прихлопнула рот рукой и заговорила тише: – В Варгасе все и дело. В нем и Соне. Что с ними стало бы без тебя? Как они бы они добывали еду, а? Эта парочка до сих пор жива только благодаря тебе. Потому что ты можешь сделать свой фокус-покус, – она пощелкала пальцами, – с чувствами-надеждами и узнать, нет ли поблизости инквизиторов, а при необходимости и защититься.

– Сегодня это нам не слишком помогло, – пробурчала я и в смущении потерла шею. Ника, разумеется, была права, но я не собиралась ей об этом сообщать.

С Варгасом и Соней мы жили вместе уже около полутора лет. Или всего лишь, как посмотреть. Вместе бежали из города, когда инквизиторы еще не утвердились во власти. Вместе же добрались до убежища, подбадривали один другого, воображали, что станем лучшими друзьями. Какое-то время эта надежда сверкала перед глазами подобно миражу, но вскоре пожухла, как сорванный с дерева лист, и рассыпалась в пыль. Варгас становился злее и капризнее, точно каждый прожитый день отбирал у него частичку благодушия; Соня бледнела, почти перестала разговаривать и больше напоминала безвольную куклу. Единственная польза – готовка легла на ее плечи, потому как мы с Варгасом кулинарными способностями не блистали. Нас теперь объединяла лишь необходимость выжить. Отношения стали хрупкими – всего лишь замерзший мыльный пузырь – цел, пока его никто не трогает. Из теплых чувств осталось терпение, и то постепенно нагревалось, готовое взорваться грандиозным скандалом.

Ника продолжала испытующе глядеть на меня и грызть ноготь. Я же старалась справиться с раздражением и стыдом. Так и хотелось крикнуть сестре прямо в лицо: «Да, я бы ушла! Бросила бы их и ушла!»

– Проехали, – наконец пробормотала я скорее из желания замять неприятную тему.

– Значит, я прощена? – с бравадой спросила Ника, а сама чуть палец себе не откусила.

– За это, да, прощена.

Раскат грома невидимым хлыстом напомнил о грозе.

– Что-то ты не в форме, – сказала Ника, будто продолжила начатый разговор. – Если бы бабушка увидела твои убогие потуги, она бы таку-у-ю тираду закатила...

– Зато ты цветешь, – фыркнула я в ответ.

– А то. Вот видно, что и бабушка иногда ошибалась. Помнишь, она постоянно ворчала и говорила, мол, мои силы до добра не доведут? – пустилась в воспоминания чуть оживившаяся Ника, когда мы стали карабкаться вверх по склону. – Отказывалась меня учить и занималась только с тобой.

– Помню-помню, – не удержалась я от улыбки, – называла тебя колдовской развратницей и говорила, что мы два самых больших разочарования в ее жизни. До сих пор не пойму, шутила она или нет.

– Да она вообще редко была чем-то довольна. Слишком любила жаловаться. Но, надо отдать ей должное, бабуля всегда делала вид, что не замечает, как я таскаю книги. И что теперь? Посмотри, как все обернулось.

– Да уж, обернулось, – помрачнела я. – Бабушку убили, а мы живем в лесу – блеск.

– Я не это имела в виду, – пробормотала Ника, откидывая волосы с лица. – В конечном счете наши силы обернулись во благо, верно?

– Не для нее.

– Можно подумать, мы в этом виноваты! – вспыхнула Ника.

– Ты вызвала демона посреди сада.

– А ты подожгла этот сад. И, если говорить начистоту, то было гораздо заметнее, чем мой двухметровый слизняк.

– Хочешь сказать, я виновата?!

– Мы обе хороши.

– Вот именно.

Дальше мы пошли в молчании. И почему так получалось? Стоило нам с Никой чуть притереться друг к другу, как обязательно находилась тема, из-за которой мы выпускали колючки и начинали плевать ядом. Воспоминания о мгновениях тепла мерцали в темноте, дразнили. Уж больно не хотелось и дальше шагать через лес в угрюмом безмолвии.

– Эта твоя зверюшка, – протянула я лишь бы не молчать, – какая-то другая... Не пойму, что в ней иначе.

Ника раздулась от гордости:

– Вожак стаи. Пришлось с ним повозиться, слишком непривычно, но я справилась.

– Вожак? Если он подчиняется тебе, то...

– И вся стая тоже. Здорово, правда?

– Наверно, – не слишком уверенно ответила я.

Ника кичилась своей одаренностью. Мы же с бабушкой ее восторга не разделяли. Я – потому что считала демонов мерзкими и, честно говоря, побаивалась их. Ну а бабушке вместе с ярко-зелеными глазами и тяжелым характером от матери передалась давняя ненависть чародеев ко всему демоническому. Именно поэтому бабуля отказалась помогать Нике осваивать ее силы и запретила вызывать чудищ в доме. Считала подобные способности отвратительными и не стеснялась это повторять, а на вопрос, чем талант Ники отличался от чародейских ритуалов вызова, неизменно отвечала, что это «другое».

Впрочем, мои умения ее тоже не слишком радовали. Думаю, дело в том, что бабушка точно не знала, откуда происходили подобные таланты, ведь магией они определенно не были. Что в конечном счете и позволило нам с сестрой успешно скрываться от инквизиторов.

Возможно, стоило усерднее тренироваться, но способность проникать в чужие эмоции – удовольствие ниже среднего. И еще хуже, когда чувства посторонних людей проникали в меня и вытесняли мои собственные переживания. Пока была возможность, я не проявляла должного усердия, о чем нынешним вечером пожалела. Теперь практиковаться получилось бы разве что на белках.

За этими грустными мыслями я позабыла обо всем на свете и машинально переставляла ноги, когда сообразила, что осталось преодолеть всего лишь пару холмов – и мы дома. Тщедушный огонек радости и надежды на плотный ужин тут же потушил начавшийся ливень. Даже плотно сомкнутые и переплетенные между собой кроны не защитили нашу компанию: все промокли до нитки в считанные секунды.

Земля под ногами тут же превратилась в кашу, каждые несколько шагов я спотыкалась и оскальзывалась. Намокший рюкзак стал раза в два тяжелее. Если бы не еда, не задумываясь бросила бы его прямо под деревом.

Тем не менее, холодная вода вместе с потом смывала и напряжение. Будто голову до этого стягивали железные обручи, которые теперь развалились. Я давно уже не испытывала подобного облегчения и воодушевления. Гроза стала некой чертой, за которой начиналось... Что? Что-то новое, я это чувствовала.

– Скорее-скорее, – подгоняла Ника, отплевываясь.

– Иду, как могу, – огрызнулась я.

– Да не тебе я!

Ника махнула в сторону инквизитора. Тот распластался на спине демона, чей силуэт теперь обрисовывала вода. Я словно глядела на стеклянную статую, постоянно меняющую свои очертания. Нике теперь приходилось постоянно удерживать инквизитора, иначе он грозил сползти в грязь. Что и произошло на последнем подъеме. Снова понадобилась помощь Варгаса, от чего он в восторг не пришел. Даже признавая полезность демонов, он предпочитал держаться от них подальше и в каждое появление Ники становился раздражительным и дерганным. Еще больше обычного, я имею в виду.

– Достал, – пропыхтела Ника, когда мы добрались до вершины последнего холма с острой болью в боку и остановились немного передохнуть перед тяжелым спуском.

– Он там живой еще? – поинтересовалась я. Пластырь давно отклеился со светловолосой головы, кровь сочилась из раны, но тут же терялась в потоках дождя.

– Нормально.

– На кой он вообще тебе сдался.

– Дома, все объясню дома.

Холм вместе с двумя братьями образовывали нечто вроде крепостной стены, укрывавшей от посторонних глаз лощину. Склоны так густо поросли деревьями, что корням не хватало места под землей, и они выпирали наружу, подобно толстым змеям расплзались вокруг, в итоге образовав изогнутые лестницы, опускавшиеся до самого подножия.

На дне лощины, под кронами пары старых дубов притаилась скромная деревянная хижина. Не единожды я благодарила Пятерых за мнительность дедушки Варгаса и за его гениальность – природная магия обеспечила нас почти всем необходимым, но при этом инквизиторы не могли отыскать дом, потому что научились отслеживать только чародеев, а не волшебные предметы. И даже случись им забрести сюда, ничего, кроме еще одного старого дерева, они бы не увидели.

– Ну, вперед, – выдохнул Варгас и первым полез вниз.

Спускаться с тяжелым рюкзаком за спиной и думать было нечего, поэтому я скинула поклажу с плеч и позволила промокшему насквозь мешку скатиться по склону. Затем ухватилась за ближайший корень, и тут раздался истошный вопль Ники:

– Куда?!

Демон, не обремененный понятиями осторожности и аккуратности, прыгнул с вершины холма. Бесчувственное тело инквизитора сорвалось со спины чудища, с влажным стуком приземлилось на дно лощины, проехало пару метров по траве, где и осталось лежать лицом вниз.

Ника поторопилась и вместо корня ухватилась за мою ногу. Следующие несколько мгновений превратились в мокрую и грязную круговерть ударов, стонов и ругательств.

– Блестяще, – захохотал Варгас, но быстро умолк, когда мои глаза вспыхнули вишневым, а демон Ники глухо зарычал – кусочек грома, спустившийся на землю.

Ника метнулась к инквизитору, рывком перевернула его на спину и лишь тогда с облегчением вздохнула.

– Живой!

– Да, конечно, все в порядке, спасибо, что спросила, – отплевавшись от грязи, проворчала я и пошевелила руками и ногами. Затем подобрала рюкзак и кинулась к дому. Соня уже скрылась в тепле, Варгас в кои-то веки понял, что лучше не попадаться мне на глаза, и последовал ее примеру.

– Внутрь его, быстро! – скомандовала Ника усталым и раздраженным голосом.

Мимо с шумом пронесся демон и... застрял. Инквизитор пролетел точнехонько посреди проема, а вот на деревянной притолоке появилось не менее пяти глубоких зарубок.

Ника взвыла и облила демона таким количеством словесной грязи, что будь она материальной, монстр точно захлебнулся бы.

– Жди снаружи! И никуда не уходи! – крикнула Ника напоследок и вошла внутрь.

Демон – очерченный дождем силуэт – послушно устроился под деревьями. Из темноты раздался его обиженный, почти человеческий вздох. На пару секунд мне даже стало жалко чудовищную зверюшку. Но всего на пару.

Дождь промочил все вплоть до нижнего белья, с волос текла грязь, окоченевшие пальцы едва держали тяжелый рюкзак. Я вошла в дом и захлопнула дверь. Ника (как у нее только получилось?) уже успела оттащить инквизитора в дальний угол и теперь копалась в сумочке, которая походила на тряпку. Соня переделась и обмотала волосы полотенцем. Она сразу же выхватила рюкзак у меня из рук и принялась доставать помятую, раскисшую еду.

– Вот и ты, – пробормотала Ника и вытащила из сумочки тонкую серебристую веревку, которая змейкой заскользила по инквизитору, обматывая его. Минуту-другую спустя она сомкнулась концами, так что не образовалось ни единого узла.

– Умная цепь, – похвасталась Ника. – Крепкая, надежная, открывается ключом. – Она показала металлическую пластинку сантиметров десять длиной с маленьким крючком на конце. – Теперь он точно не сбежит.

– Где взяла?

– С небес на голову упала. Украла, естественно. У тебя одежда найдется, я без вещей.

– Что? А, да, – пробормотала я и пошла в маленькую в спальню, которую делила с Соней.

Из ванной неслись скрипы с придыханиями – Варгас первым залез в душ и теперь не выйдет в ближайшие полчаса.

– Вы не отучили его от этой мерзкой привычки? – поморщилась Ника.

– Нет, – вздохнула я. Пение Варгаса было неотвратимо, как водопад, смерть и отравка на ужин, если за готовку бралась я. – Мы как-то запустили пауков, пока он мылся, а в итоге сами пожалели. Варгас носился по дому голый и размахивал всем, чем природа наградила. До сих пор в дрожь бросает, как вспомню.

Ника представила эту картину и расхохоталась.

Глава 5. Дан заглядывает в себя

Боль вспыхнула изломанной красной линией. Разноголосица вонзилась в уши и заметалась в пустой голове подобно разъяренному рою металлических пчел. Тело окутывал мокрый и холодный саван. Не давая вдохнуть, на грудь давила странная тяжесть. Я вздрогнул и открыл глаза. Взгляд никак не мог сфокусироваться, все расплывалось, от запаха еды, настойчиво лезшего в нос, начинало мутить.

– И ты притащила его сюда?!

Каждое слово было подобно удару меча: холодному, смертоносному.

– Даже меня не спросила!

– Заткнись, Варгас, при чем здесь ты вообще?!

Наконец картинка прояснилась, и я увидел прямо перед собой четыре фигуры, собравшиеся вокруг стола. Девушка, что говорила убийственным голосом, показалась знакомой. Мысли в голове двигались неохотно, каждый вдох давался с трудом. И все-таки эта девушка кого-то напоминала. Черные волосы, темные глаза, пристальный взгляд...

«Поганый брюнд!»

Еще одна вспышка боли – и пришло осознание. Передо мной препирались не кто-нибудь, а трое ребят из магазина. К ним присоединилась еще одна девушка, похожая на первую, но повыше – может, сестра.

Стало ясно: в магазине все пошло наперекосяк, и не взломщики, а я стал пленником. Страх зубастой ледяной змеей начал взбираться по позвоночнику.

Перепуганные мысли стайками носились от «Что они со мной сделают?» до «Что со мной сделает отец?» Если от меня что-нибудь останется.

Даже глазами шевелить было больно, но я сумел осмотреться. Четверка за столом продолжала препираться и моего пробуждения не заметила. Я оказался в небольшой комнате, которая совмещала кухню и столовую. На одной половине расположились старый холодильник, плита, несколько тумб да шкафов, а другая вместила обеденный стол – на

него обрушивались кулаки и оскорбления, – забитый хламом шкаф и визионную панель в режиме камина. Модель была устаревшая, и пламя выглядело ненатурально. Да и вообще, все в комнате смотрелось, мягко говоря, старомодным, словно обставлялась она лет тридцать назад.

Грудь обхватывала тонкая серебристая цепь. Разорвать ее или хотя бы немного ослабить не получилось: затекшее, измотанное тело слушалось плохо.

Я сидел в углу комнаты, связанный по рукам-ногам, и пытался не застонать от боли в голове и спине. Мокрая одежда противно липла к коже, но дрожал я по иной причине: ни Талкотта, ни Дэдрика в комнате не было. На ум приходили самые неприятные предположения, а затем воспоминание.

«Потому что они...»

Как ни старался я заглушить страх и мыслить логически, в голове всплывали обрывки историй, во множестве рассказанных в стенах инквизиторского центра.

«Вернулся домой и перерезал глотки всем, даже детям... Превратила кости в стекло... Вырвали глаза и заставили съесть... Расстрелял своих же... Кровь стала как кипяток... Сошел с ума... Разорвали... Испепелили... Растворили... Обратили... Выпотрошили»

«Хватит!»

Голова заболела сильнее. Сосредоточиться мешал неутихающий спор.

– Представляешь, что будет, когда его исчезновение обнаружат? Он сын главного инквизитора, Ника! Его будут искать, а когда найдут... – выговаривала черноволосая из магазина.

– Да не найдут! Вас же до сих пор не нашли, – возражала Ника.

– Потому что никто особо не старался! – брызгал слюной парень – Варгас, если я правильно понял. – Мы всегда вели себя тихо! У них и повода сюда соваться не было! А что теперь?!

– Хватит ныть! – разозлилась Ника. – Ты, Варгас, помолчал бы. Я сегодня твою жизнь спала. А ты, Виктория, подумай, сколько пользы от него будет.

– Пользы? – удивилась та.

– Он знает все. Он может проникнуть куда угодно. Ты хоть представляешь, сколько я за ним охотилась?

– Охотилась? – тихо сказала Виктория. Злость девушки сменилась мрачным пониманием. – Поэтому ты была в магазине?

– Ну да. Сначала я следила за Лазаром Мерешем, но он постоянно с охраной, до него не добраться. А вот его сын – легкая мишень. Я летела за ним от города и...

– Что ты собираешься с ним делать?

Варгас притих и отодвинулся от стола. В глазах Виктории затеплился недобрый огонек. Слева от нее сидела еще одна девушка, но она выглядела как кукла: бледная кожа и остекленевший взгляд. Она словно ждала, когда все кончится, не произносила ни слова. Да и на нее никто внимания не обращал.

– Я хочу сделать так, чтобы он вернулся и убил своего отца, – жестко сказала Ника и обвела всех вызывающим взглядом.

Разумеется, что еще им могло понадобиться. Я почувствовал, как напряглись все мышцы, как свело шею, как зазвенело в голове. Кто бы мог предположить, что «тупая работа» обернется *этим*. Живот скрутило от ужаса, из середины груди разлилась горячая волна, мышцы налились силой. Я был готов драться, защищать свою жизнь, но понимал, что ничего не смогу сделать, и от этого становилось еще страшнее. Никогда не чувствовал себя таким беспомощным – ни рукой шевельнуть, ни отбить удар. Сейчас я и слова выдать не смог бы, не то что сопротивляться.

– А, – протянула Виктория. – А-а-а, ну да-да. Ладно, пошла собираться.

– Ч-что? – растерялась Ника.

– Говорю, пошла седлать радужного пони. А потом отправлюсь к Еве строить замок из мармеладок. Помнишь, она предлагала как-то?

После этой нелепости любые слова казались лишними, пустыми. Повисла плотная тишина. Не будь мои глаза открыты, я бы решил, что оказался под землей.

– Ты с ума сошла? – прошептала Ника.

А вот Виктория впервые не стала сдерживаться:

– Это ты с ума сошла! – воскликнула она. В комнате стало жарко, точно огонь на визионной панели был настоящим. – Я подобного бреда в жизни не слышала! Заявляешься сюда, притаскиваешь сына Мереша и говоришь такая: «Я собираюсь убить главного инквизитора». Да ты вообще идиотка?!

Сестры продолжали орать друг на друга. Варгас отодвинулся еще дальше, но с жадностью следил за ссорой. Я еще несколько раз попытался ослабить цепь – впустую. Стал оглядываться, в надежде найти хоть что-то, чем можно было бы защититься, и встретился взглядом с молчаливой девушкой. Ее глаза по-прежнему были точно

стеклянными, но в них появилась осмысленность. Несколько мгновений мы пялились друг на друга. Я ненавидел себя за это, но знал, что в моем взгляде была мольба:

«Пожалуйста, молчи. Не говори им»

Будто это могло помочь.

– Он очнулся, – едва слышно сказала девушка.

Удивительно, но теперь ее услышали мгновенно. Варгас, Ника и Виктория разом повернулись и уставились на меня. Я же старался отвечать твердым и презрительным взглядом, хотя сам ничего не желал больше, чем просочиться сквозь стену и уползти подальше от этих не-людей и того, что они могли натворить.

– Что будем с ним делать? – полушепотом спросил парень. Он переводил полный алчности взгляд с меня на Нику.

Та обернулась к сестре.

– Ты поможешь?

– Чего?

– Можешь заставить его слушаться?

– Ты у нас великий дрессировщик, вот и вперед, дерзай.

– Но это работает только на демонах.

– Не стану я ничего делать, – пробормотала Виктория после минуты напряженной тишины. – Ты не знаешь, о чем просишь.

– Отлично, – разочарованно ответила Ника. – Как всегда придется все делать самой. По старинке.

Виктория фыркнула.

– Что, собираешься его пытаться? Ну-ну. В твоём распоряжении целых пять вилок и один погнутый нож. Или попроси Варгаса, он сделает тебе шокер.

Она говорила с наигранным весельем, точно не воспринимала слова сестры всерьез. А вот я забеспокоился и отчаянно дернулся, но ничего этим не добился. Все, что я мог, – забиться в угол и ждать.

– Я, да, могу, – зататорил парень. – Мне только нужно...

– У меня есть кое-что получше, – перебила его Ника и принялась копаться в потрепанной сумке. Она достала пузырек темного стекла и слегка встряхнула. – Костная кислота.

Варгас ахнул, молчаливая девушка распахнула глаза и заерзала на стуле, словно хотела уйти, но не решалась, а вот Виктории название ничего не сказало. Как и мне. Но вряд ли это было что-то приятное.

– Десяти капель хватит, чтобы растопить кости, – с видом экскурсовода обратилась ко мне Ника. А затем повернулась к сестре. – Не передумала?

– Да мне плевать, – ответила та, хотя яснее ясного было, что девушке неуютно. Она скрестила руки на груди, переминалась с ноги на ногу и старалась не глядеть в мою сторону.

Изображать героя уже не было смысла, поэтому я бился и отбрыкивался изо всех сил, чтобы оказаться как можно дальше от полоумной девицы с кислотой.

– Ника, – жалобно пропищала девушка за столом. – Может... Ну, не стоит, а?

Я был с ней полностью согласен, но остальные не обратили на девушку внимания. Варгас улыбался, как маньяк, и разве что не потирал руки с мстительным смешком. Парень напомнил Дэдрика в те мгновения, когда тот рассказывал об особо жестокой расправе над ведьмой.

Ника молча вынула пробку и без сожаления взглянула на меня. И тут я понял, что она даже не пыталась что-то узнать, просто собиралась вылить кислоту. Хотя, разве можно ждать разумного поведения от колдунов-живодеров? Раньше я не очень-то доверял рассказам, которые слышал, но теперь понял, что доля правды в них была. Весьма значительная доля.

Когда Ника закатала рукав форменной куртки и наклонила бутылочку, я сжался и приготовился к боли, но в тот же миг раздался вопль: «Стой!», и Виктория дернула сестру за плечо. Ника не выпустила склянку, но несколько капель все же пролилось.

В руку будто раскаленное жало скорпиона вонзилось. Я закричал и выгнулся от боли. К моему удивлению, цепь лопнула с легким звоном. Никто не понял, что произошло, а я вскочил на ноги, сбросив остатки цепи, выбил пузырек из руки Ники и ударил девушку по лицу. Варгас визжал и метался по комнате: на него попала кислота, и теперь рожа у парня покрылась безобразными язвами. «Молчаливая кукла» чуть ли не в обмороке сползла под стол. Я тяжело дышал, голова кружилась, кожу повыше локтя нещадно жгло и рвало. Зато появилась возможность сбежать. Виктория стояла на пути и уже вскидывала руки. Заученным движением я схватил и вывернул запястье, сжал горло.

В тот же миг что-то произошло.

Комната закружилась и пропала, повсюду метались пятна цвета и вспышки. Руки уже не сжимали горло Виктории, я вообще их не чувствовал. А затем я...

...очутился на горной вершине, обнесенной каменными арками. Сквозь пролеты виднелись земля, широкими террасами спускавшаяся к плотному слою облаков, тысячи переливающихся камней и оплетавшие все это радужные корни дерева. Оно – огромное, чтобы обхватить его понадобилось бы не меньше десятка взрослых мужчин, – росло посреди очерченного арками круга. Кора гладкая, будто отполированная, похоже, перенесла нападение сумасшедших художников: широкие мазки цвета ночного неба перекрывали оранжевые спирали, алые капли подобно стае мух кружили вокруг изумрудных всплесков, пурпур по-хозяйски растекался в стороны, золотые крапинки танцевали с серебряными звездами, искры, похожие на блики с поверхности воды, скользили по коре, словно стая рыбок, и смешивали цвета, зажигая одни, гася другие. Вся эта какофония красок поднималась до самых небес, где сливалась с лазурью, покрытой дерзкими красными трещинами.

Со всех сторон от горизонта неслись угрюмые тучи, они двигались по кругу, точно стая хищников, загонявшая жертву в ловушку. И это жертвой оказался я.

Это была галлюцинация, несомненно. Ведьма хотела заморочить и ослабить меня. Но, как ни странно, я не чувствовал себя ни потерянным, ни беспомощным. Наоборот, боль ушла, осталась в комнате с колдунами, а тело переполнилось силой и уверенностью. В груди бурлило приятное, горячее чувство – всемогущество. Здесь, где бы это «здесь» ни находилось, хозяином был я. Хотя и сам не мог бы объяснить, с чего так решил.

Прохладный ветер нежно покачивал разноцветные ветви. На секунду мне показалось, что в глубине кроны, среди буйства красок, мелькнула иссохшая, обугленная ветка, черная, как уголь. Я видел ее долю мгновения, но внутри возникло и тут же пропало чувство ужасной утраты. Не желая, чтобы это повторилось, я отвел взгляд от дерева и посмотрел на тысячи тысяч камней, валявшихся вокруг. Чем ближе к вершине, тем больше и ярче они были. Те, что лежали возле мягкой перины облаков обратились не то в песок, не то в пепел. Здесь, в тени узорчатых арок, лежали самые крупные булыжники. Я подобрал один из них и тут же с криком выронил: черно-зеленая поверхность стала прозрачной, из глубины на меня взглянуло насмешливое лицо Дэдрика, а в голове раздался его голос: «Боишься?..»

Я невольно отшатнулся и едва не зацепил ногой выпирающий корень. Тот живо убрался под землю и вынырнул, только когда я твердо встал на ноги, камни по-тараканьи разбежались в стороны. Ветер коснулся лица, будто хотел убедиться, все ли в порядке.

Мир вокруг явно был настроен дружелюбно. Камни призывно блестели и переливались оттенками черного, синего и зеленого, манили взять их в руки. Но меня непреодолимо влекло к дереву. Я гладил теплую кору, ощущал биение в глубине, оно словно дышало в такт со мной, обходил ствол, не отрывая руки от цветной поверхности. И наткнулся на дупло. Оно глубоко вдавалось в ствол и походило на деревянную пещеру, которую освещали два камня: золотистый, точно кусочек солнца, и ограненный алмаз с мой кулак величиной. Там лежали и другие, но по сравнению с первыми двумя они были блеклыми и неинтересными.

Я потянулся и бережно взял золотистый камень. Он оказался теплым и будто живым. При одном взгляде на него по лицу расплзлась улыбка, тело наполнилось легкостью, я засмеялся и вдохнул полной грудью. В моих ладонях мерцало чистейшее счастье, горячее и всепоглощающее. В голове замелькали образы: ясный день и плед на траве; шум волн и радостные крики; шепот и крепкое объятие...

Дерево пронзительно скрипнуло, живые ветви разошлись и обнажили корявого уродца. В самом сердце кроны прятался убогий отросток, худой, облезлый. Он был омерзительным и печальным. Сияние в руках угасало, счастье, секунду назад распиравшее меня, утекало и оставляло после себя липкое, едкое горе и знакомую ноющую боль. Крона сомкнулась, ветка-выродок скрылась за яркими сестрами. За мгновения счастья пришлось расплатиться тяжестью на сердце и осознанием собственного одиночества.

Золотистый камень, изрядно поблекший, вернулся на свое ложе. Он унес свет, все вокруг погрузилось в серовато-багряную хмарь. Это тучи сомкнулись над головой. Красные трещины обернулись молниями и высовывали пунцовые языки, чтобы тут же скрыться за темно-серой стеной. Ветер усилился, под его напором дерево гнулось и стонало, камни вокруг дрожали и испуганно звенели.

Полыхнуло белым: второй камень в дупле тоже возжелал моего внимания. Решив, что хуже не будет, я поднял его. Под кожу хлынул мороз, растекся по венам, обволок сердце и прояснил разум.

Ведьма поместила меня в эту грезу. Наверняка хотела свести с ума или сделать своим рабом, безвольным и податливым.

«А ты тут видами любишься, вместо того, чтобы выход искать! Поэтому тебя так легко поймали, дурак!»

– Доволен? – раздался убийственно спокойный голос

Я обогнул ствол и увидел Викторию. С гордо поднятой головой она стояла под одной из арок. Но выглядела не внушительно и уверенно, а испуганно. Переминалась с ноги на ногу, точно ей было неприятно стоять на земле. Руки прижала к груди, чтобы ничего не коснуться. Старательно обходила черные камни, что было делом нелегким. Глаза Виктории горели, как два раскаленных рубина.

– Здорово получилось, а? Захотел экскурсию по Миру-Внутри? – тихо спрашивала она приближаясь. Каждое слово плетью рассекало воздух.

– Стой там, – произнес я неожиданно сильным, властным голосом. Камень в руке своей твердостью и четкостью граней придавал сил.

– Или что? – поинтересовалась Виктория, склонив голову. – Иногда я думаю, что не стоит мешать Нике. Ну-ка посмотрим...

Взгляд ее заскользил по дереву. Это было неприятно. Я уже собирался приказать ей перестать, но Виктория подняла руку, и дерево опутали черно-фиолетовые ленты. Они беспардонно раздвигали ветви, проникали внутрь кроны, копошились там, скользили по коре, из-за чего цвета тускнели, золото и серебро превращалось в пепельную серость.

Внутри словно извивалась тысяча червей, исследовала каждый закоулок моего тела, проникала в мозг, в мысли. Я пытался кричать, но горло обхватили невидимые руки, легкие сжали невидимые когти.

Вдруг Виктория вскрикнула, отшатнулась и упала, поскользнувшись на камне. Копошение во мне тут же исчезло, ленты за пару секунд обтрепались и рассыпались, а дерево со вздохом расправило ветви.

Виктория лежала на спине, в глазах ее были слезы, страх, недоумение и... вожделение. Но даже жалкий вид девушки не удержал меня от яростного вопля:

– Убирайся!

В настоящем мире я наверняка сорвал бы голос. Крик прокатился по широким каменным ступеням, долетел до небес, и они откликнулись громовыми раскатами. Молнии плели огненную сеть над головой, все вокруг заливал рдяной свет. Я размахнулся и метнул камень точно в голову Виктории. Так и представлял, как твердая поверхность разможжит лицо, раскрошит череп, как брызнет кровь.

Но Виктория взмахнула рукой, и камень рассыпался пылью. В воздухе повисло переливающееся мареновыми всполохами облако, из его глубины донесся оглушительный голос:

– Должен... Должен... Должен... – с каждым словом он становился слабее и вскоре сгинул, как и остатки камня.

– Я не хотела, – перепугано прошептала Виктория и сжалась.

Никакие слова не могли выразить мой гнев, жажду убийства. Все чувства сосредоточились на хрупкой фигурке черноволосой девушки, и в тот же миг пурпурная молния сорвалась с небес и ударила в Викторию.

Мир-видение с колдовскими камнями, деревом-обманкой и лживыми чувствами потонул в ярчайшей вспышке. Я несся куда-то через тьму и остро ощущал, будто что-то утратил или забыл в том несуществующем месте

А затем очутился в темноватой комнате, в которой метались крики и люди.

– Ах ты ублюдок! – взревел Варгас и вмазал мне.

Он был слишком тощим, слишком хилым и неподготовленным, чтобы как следует ударить. Но и этого хватило: я рухнул на пол и отключился.

Глава 6. Неуловимая Ева

Он просто стоял и скалился, как маньяк. Не угрожал, не звал своих. Даже ружье не поднял. Просто стоял. Водил сальным взглядом по коже, разве что не облизывался. А эта улыбка? Да такую жертвы педофилов видят!

Как назло, пояс сбился, и я никак не сумела бы вытащить еще одно зелье. Да и в любом случае не успела бы. Дернусь – инквизитор медлить не станет, и привет жареная Ева.

С усмешкой он шагнул вперед и... наступил на склянку.

«Дранные ангелы, вот недоумок!»

Неужели он решил, что я кинула бутылочку просто так, забавы ради?

Розовое облако с мягким шелестом поднялось из осколков, в одно мгновение окутало инквизитора, а потом втянулось ему в ноздри. С той же развратной улыбкой маньяк-неудачник повалился на пол, по пути сокрушив лбом автомат для попкорна.

«Высидела?» – внезапно проснулась Вредина.

«Что?»

«Яйцо», – пояснила она.

«Какое еще яйцо?!»

«Ну, ты устроилась здесь, вот я и подумала – яйцо высиживаешь»

«Поднимайся! Как можно быть такой глупой, – присоединилась Зануда. – Уже давно пора делать ноги. Слышишь, кто-то зовет его»

«А давайте ему попкорна в нос напихаем», – хихикнула Затеяница.

Трудно было удержаться от смешка, но с улицы вправду доносились голоса.

«Вот курицы! Вернулись и сразу командовать? Где пропадали, когда нужны мне были, а?»

«Ты в следующий раз еще сильнее головой ударься, и мы вообще не вернемся», – осадила Вредина.

«Бежим, – поторопила Зануда, когда снаружи послышались шаги, а темноту пронзили яркие лучи. – В зал, скорее, а оттуда через задний ход выберемся»

«А как же попкорн?» – прогундела Затеяница, и рука потянулась к рассыпанным комочкам, но тут же, словно по ней кто шлепнул, отдернулась.

«Повеселимся в другой раз, – сказала я Затеянице. – Зануда и Вредина правы – пора выбираться, хватит на сегодня приключений»

«Поверить не могу, что ты это сказала!» – воскликнули все трое.

«Сама в шоке»

Пошатываясь и стараясь не обращать внимания на тупую боль в затылке и цветные пятна перед глазами, я встала и юркнула в кинозал. Пришлось достать очередную склянку из пояса и хорошенько встряхнуть: зелье слабо замерцало. Под уклоном вдаль, к экрану, уходили серые от пыли ряды сидений – потрясное и жуткое зрелище. В затхлом воздухе было тяжело дышать, от каждого шороха по спине пробегал табун мурашек. В липкой руке – измазалась где-то сиропом – дрожала несчастная склянка. Света и так едва хватало, а от тряски тени угрожающе метались вокруг.

«Скорее, скорее»

Зал остался в темноте, промелькнул коридор, впереди показалась приоткрытая металлическая дверь. А за ней – свет, топот, голоса.

«Доигралась», – прошипела Вредина, когда я осторожно выглянула наружу и увидела с десятков инквизиторов, которые обходили улицы, осматривали каждое здание.

«Теперь нас точно поймают, – запричитала Зануда. – Я ведь говорила, я ведь предупреждала. Шансы на успех были так малы. Что я говорю? Да их вообще не было!»

Их отчаяние оказалось заразительно. Я задрожала и опустилась на корточки. Как теперь выбираться? Инквизиторы были позади: их голоса доносились из зала. Похоже, нашли спящего придурка. Инквизиторы были впереди: прочесывали улицы, фонарями отгоняя ночь.

«А еще там вон чего, – пропела Затейница. – Ты только представь...»

Она живо нарисовала в воображении картинку.

«Не вздумай!» – заявила Вредина.

«Совершеннейшая глупость», – согласилась Зануда.

Но кто их слушал? Я уже выгребла бутылочки, все какие остались, и сжала в двух горстях. Одна склянка не поместилась в руках, пришлось оставить ее болтаться на поясе.

Наискосок от кинотеатра возвышался небоскреб. Раньше он словно горел в закатных лучах, а теперь напоминал сгорбленного старика, который потерял почти все зубы и надежду. Рагнар как-то обмолвился, что противомagическое поле дотягивается приблизительно до десятого этажа, а дальше слабеет и плавно тает. Братец и остальные воины из Ордена пользовались этим, чтобы летать по своим таинственным делам. Если я смогу проникнуть в небоскреб, а там подняться достаточно высоко, то попробую применить «концентрированное рассеивание» и добраться до Башни. При мысли о том, как я медленно сгущаюсь из облака дыма на глазах у Рагнара, губы растянулись в улыбке. «Рассеивание» практиковали только на продвинутых курсах чародейства, и мне запрещали этим заниматься, но в Башне было слишком скучно, а Тибальт не мог сопротивляться моему очарованию.

«Никакие инквизиторишки не лишат меня триумфа. Слышите, курицы?» – пафосно и грозно подумала я, словно произносила речь на сцене театра.

«Покудахтали уже», – шепнула Затейница.

– Ах-ха-а-я-а-а-а!

С этим первобытным воплем я выскочила на улицу, разбрасывая, как конфетти, оставшиеся бутылочки. Вспышки, грохот, крики боли и изумления. То ли инквизиторы рассчитывали наткнуться на перепуганную, безвольную ведьму, то ли вообще не ожидали кого-то встретить, но мое появление весьма их впечатлило. Пока стадо мужиков сообразило, что к чему, я успела метнуться через улицу по вздыбившемуся асфальту, куски которого походили на разбитые ураганом корабли, и ворваться в холл разгромленного бизнес-центра.

Потрескавшийся мраморный пол скрывался под горами мусора, пепла и разломанной мебели. Стены круглого помещения подпирали колонны, напротив входа – оплавленной дыры – валялась перевернутая стойка. Чуть правее изогнутая лестница вела на полумесяц галереи.

Инквизиторы явились мгновением позже – не такие уж они и недотепы оказались! Только я успела вскочить на первую ступеньку, как началась пальба. Голубые шарики со злобным шипением рассекали воздух, но – хвала сплошным пластеклянным перилам лестницы, за которыми я укрылась, – своей цели не достигли. Несколько зарядов пронесли над головой, от чего волосы встали дыбом и теперь походили на иголки.

«Пометка: не использовать электричество и Ночной бальзам одновременно, если не пытаешься сойти за дикобраза»

«Беги уже!» – завопили Вредина и Зануда.

«Бум-барабум!» – напомнила Затейница.

«Точно»

Последняя бутылочка – я даже не знала, какое именно в ней зелье, – полетела в толпу инквизиторов, а я – вверх, в поисках лестницы, по которой можно было бы подняться, чтобы начать заклинание.

Коридор за коридором, конференц-залы, большие и маленькие кабинеты, кухоньки, туалеты, комнаты отдыха оставались позади. Казалось, я блуждала по небоскребу уже несколько часов, но добралась только до третьего этажа. Одна лестница оказалась донельзя замусорена, вторая провалилась посередине – не перепрыгнуть, третья упиралась в запертую дверь.

«Может, нет тут больше лестниц, – ворчала Вредина. – И скоро тебя поймают, а потом поджарят»

«Собственно, их ружья не могут никого зажарить, несильно разве что», – уточнила Зануда.

«И все равно нам это не понравится. Жареная курица или полужареная – разница небольшая»

«Индюшка-жареная-тушка, – пропела Затейница. – Сворачивай направо»

Если бы не ее слова, я вряд ли заметила бы, что выход на очередную лестницу перегородили два здоровенных шкафа – точно пара стражей они склонили друг к другу «головы». Сдвинуть их не получилось бы, поэтому пришлось проползти снизу. Щепы

царапнула по лбу, волосы зацепились за торчавшую из пола железку, но я благополучно выбралась на очередные ступеньки.

На восьмом этаже (это же восьмой этаж?) ожидал неприятный сюрприз: со всех сторон слышались шаги и голоса.

«Быть не может!»

Как они здесь очутились? Неужто сообразили, что мне очень надо наверх? К этому моменту я была грязная, потная, усталая и очень-очень злая. От инквизиторов что требовалось? Не увидеть меня, подтвердить действенность бальзама и спокойно удалиться. Но нет, они решили устроить погоню и стрельбу!

«Сама виновата», – напомнила Вредина.

«Они ведь и так прошли мимо, надо ж тебе было выпендриваться?» – вставила Зануда.

«А кто просил их включать свет?! – вскинулась Затейница. – Так вообще нечестно!»

«Вот-вот»

На споры не осталось времени. Я неслась прочь от голосов, но они были везде. Неужели инквизиторы успели заполонить здание, пока я искала проход? Теперь о лестнице можно было забыть – если инквизиторы поняли мой замысел, то соваться на нее опасно. Что же делать?

Проскочив в очередную дверь, я оказалась в просторном помещении, некогда разделенном на кабинки. Тут царила еще более чудовищная разруха, чем везде. Мебель разнесло едва ли не в щепки, всюду поблескивали пластекла в слабом лунном сиянии, в полу и потолке зияли дырки.

«Главное, что не в голове», – жизнерадостно заявила Затейница, и тут же стало ясно, как следовало поступить.

По-быстрому воздвигнутая пирамида из уцелевших стульев столов и даже (ай да я!) приволоченного кофечайного автомата выглядела ненадежно, но ничего лучше я соорудить не могла.

«Кажется, сейчас все ру…» – начала Вредина, но я уже летела спиной вперед.

Удар получился весьма чувствительным – словно сердце через рот выскочило. В руку вонзились осколки пластекла, голова ударилась об угол перегородки, в глаза набилась пыль, и, словно остального было мало, на штанах разошелся шов.

Оглушенная я валялась на грязном полу и хлопала носом, думая о несправедливостях мира и о том, что Рагнар не будет восхвалять мою смелость и ум, а

опять скажет: «Какая же ты безответственная и глупая». Разом навалились все неприятности вечера. Ведь все так славно начиналось! Почему всегда так? Разве я никчемней других? Неужели я не могу сделать что-то лучше остальных или хотя бы как надо? Вот заползу в гору мусора и останусь там навсегда.

– Чего сопли развела? Поднимайся, – раздался прямо над ухом грубый мужской голос.

«Чтоб тебя брюнд укусил!» – Вредина.

«Зачем я только с тобой связалась?!» – Зануда.

«Какой большой!» – Затейница.

Высокий, широкоплечий и мускулистый, с густой бородой и насупленными бровями – инквизитор из ночных кошмаров. И вот он, стоял надо мной, хмурый, грозный, уверенный и... Протягивал руку. Ну прямо как добрый медвежонок.

– Они уж скоро подспеют, шевелись, – сказал он и рванул меня за локоть.

– Чего-чего?

Но мужчина без лишних слов подтащил меня к импровизированной лестнице, над которой располагалась дырка, с гораздо большим изяществом встал на кучу мусора и легко поднял меня наверх.

– Руками хватайся, дура, – пропыхтел он, поскольку я безвольно висела между огромных ладоней. А что еще прикажете делать, когда мир встал с ног на голову? – Цепляйся!

«Подруга, мужик дело говорит», – шепнула Затейница, и это привело меня в чувство.

Я ухватила руками за торчавшие из краев дыры металлические стержни и попыталась подтянуться, а Медвежонок подталкивал снизу. Могучим усилием он прямо-таки выбросил меня на следующий этаж.

– Удачи, – шепнул мой спаситель. «Плешивые ангелы, надеюсь, он не пялится на мои трусы!» – И беги давай, я сейчас буду притворяться, что почти поймал тебя.

– Ага, – тупо ответила я и отползла подальше.

– Она здесь! Здесь! Ах ты поганая тварь! – взревел Медвежонок и принялся палить из ружья. Дырка превратилась в волшебный колодец, из которого вылетали яркие огоньки.

За окнами открывался неплохой вид, и я решила, что высоты должно хватить. Вытянула руку и замысловато двинула пальцами. Ничего не произошло, только воздух слегка задрожал, да внизу запищали инквизиторские приборы.

Пришлось пробираться на следующий этаж, искать очередную дыру и карабкаться, подтягиваться, протискиваться. Доброта Медвежонка придавала сил: он так рисковал, я теперь просто не имела права сдать. Инквизиторы где-то застряли, так что десятый этаж был тих и безлюден. Я задыхалась, изодрала в клочья одежду, волос изрядно вырвала и сломала почти все ногти. Не говоря о том, что в белье забился песок и брюнд знает что еще. Вдобавок к этому пот смешался с остатками Ночного бальзама и затекал в глаза. Теперь справа, загораживая обзор, маячило темное пятно.

Переведя дух, я снова попыталась колдовать.

– Ох, Рагнар, ну ты получишь, – сквозь зубы зашипела я, когда снова ничего не получилось. Скорее всего, взбучку устроит он, но девушки любят помечтать.

Пришлось лезть дальше, и только на одиннадцатом этаже я почувствовала, что магия не гасла, но и в полную силу не работала. «Рассеивание» – довольно сложное заклинание, оно требовало много сил, поэтому я решила не рисковать и забралась на двенадцатый этаж. Вот тут-то оказалось, что инквизиторы не отстали, а просто искали другой путь вверх. Стоило выскочить из-за угла, как тишину разорвали короткий приказ и целый вихрь голубых сфер.

Вот только инквизиторы просчитались: здесь магию ничто не сковывало. Небрежный взмах руки, и электрические шарики рванули к своим хозяевам как свора перепуганных шавок. Еще одни взмах – ружья вылетели через разбитые окна, а трое мужчин, ведомые небрежным росчерком, ускользнули в сон.

«Вы бы меня не пожалели», – подумала я.

А затем приступила к «рассеиванию».

Заклинание требовало полной сосредоточенности, что было не так-то просто: не единожды ушибленная голова гудела, тысячи ссадин и царапин кричали, требовали обратить на них внимание, из-под остатков ногтей сочилась кровь. Текло из глаз и даже из носа. Мне еще не приходилось колдовать в столь плачевном состоянии. Если уж на то пошло, мне просто не доводилось бывать настолько чумазой и побитой.

«Не отвлекаться!»

Вдох за вдохом, мысль к мысли. Спокойствие, уверенность, нацеленность. Вредина, Зануда и даже Затейница притихли. Формула заклинания парила в мозгу как заученная песенка. Шаги, совсем близко, но разве имели они какое-то значение? Заклинание подходило к концу. Тело утратило четкость и тяжесть, руки превратились в два размытых пятна, голова стала легкой, как воздушный шарик, усталость ушла из ног, сами они теперь

выглядели парой клякс – осьминожки щупальца, а не ноги. Раз – и я рассеялась, превратилась в черное облако, но не расплывалась в стороны под напором ветерка, а удерживала какую-никакую форму силой мысли.

Инквизиторы ворвались в коридор, я увидела их, хотя стояла к входу спиной. В «рассеянном» состоянии не составляло труда смотреть сразу во все стороны. Это было потрясающе, и невероятно, и странно, и так восхитительно! Четверо инквизиторов разинули рты, а я тем временем уплывала через разбитые окна. И вот, когда уже целиком оказалась на улице, – чернильное пятно, парящее на высоте двенадцатого этажа, – из-за спин четверых вышел пятый. Здоровенный, настоящий бугай. Сложно поверить, но он был еще больше Медвежонка! Их что там, в инквизиции, гормонами пичкают? Лысый, с повязкой на левом глазу, он был похож на пирата из старых книжек. Но смеяться над ним никто (ну, я по крайней мере) не осмелился бы. От мужчины исходила неясная угроза, которая ощущалась даже на расстоянии.

Лысый метнул на соратников раздосадованный взгляд – по одному глазу понять было сложно, – прицелился и выстрелил.

Электрический разряд сотряс все мое существо. Голубая сфера лишь на долю секунды соприкоснулась с облаком-мной, но это нарушило равновесие. Зрение помутилось, все силы уходили на то, чтобы удержать целостность дымчатого тела. Инквизитор собирался выстрелить снова, но ветер легкой рукой подхватил мою расплывающуюся тушку, понес в сторону от небоскреба и инквизиторов с их погаными ружьями. В сторону от Башни.

«Вот теперь Тибальту точно влетит»

Ветер щипал меня, толкал и пытался урвать кусочек, я же как могла сопротивлялась.

«Главное, держи высоту», – с беспокойством напутствовала Вредина.

«Десятый этаж, почти девятый, поднимайся, поднимайся же!» – понукала Зануда.

Но голоса их были слабыми, порой и вовсе исчезали. Затеяница молча поддерживала меня, мягкими прикосновениями выравнивала полет, помогала подняться. В какой-то миг мы вплотную приблизились к противомagическому полю: секунда уничтожающего давления, но общими усилиями сумели подняться, влиться в струю влажного воздуха, и теперь просто отдались его воле.

В вышине сгущались облака, на окраине города уже началась гроза, и ветер становился все сильнее. Если пойдет дождь, я просто не выдержу и растаю.

Лететь приходилось вслепую, я ничего не чувствовала и даже не знала, в каком – над каким – районе оказалась.

«Приземляемся, девочки», – несвойственным ей твердым тоном приказала Затейница.

«Что? Да вы с ума сошли», – прошептала Вредина.

«Давно уже», – отмахнулась Зануда и утомленно замолчала.

В итоге мы все-таки прилетели к башне. Не той, что планировали сначала, но все же. Жиденькая тучка осторожно проплыла между двумя крылатыми фигурами и сгустилась на каменном полу. Всего фигур было пять: метра четыре высотой, соприкасающиеся раскрытыми крыльями, они кругом стояли на парапете и следили за городом с верхушки церковной башни.

Я собралась и теперь лежала на холодных камнях, постанывая от боли. Кости кто-то вытащил и засунул обратно, позабыв, какую куда следует вернуть. Кожу перетянули заново, как на старом диване. С парой-тройкой зубов мы распрощались навсегда, а скрюченные пальцы правой руки были похожи на дохлую каракатицу. Из носа текла кровь, в ушах поселилась стая взбесившихся колокольчиков. Под правой грудью вторым сердцем билась боль, точно внутри что-то порвалось.

– Не знаю, могу ли помочь вам, но если позволите, то постараюсь, – раздался очень спокойный голос.

Воздух из легких вырвался слабым «пшш» – дешевая пародия на крик. Я вскинула голову, о чем тут же пожалела: мозг превратился в орех и катался внутри черепа. Вокруг было темно – я забыла открыть глаза.

– Позвольте вам помочь. – Голос раздался совсем близко. Рядом кто-то сел и взял меня за руку. – В больницу лучше не звонить, но я сам немного смыслю в медицине, и у меня есть кое-какие лекарства. Где болит?

Наконец веки – впору раздаться ржавому скрипу – поднялись. Довольно приятный молодой мужчина в простой одежде и с аккуратной стрижкой считал пульс и хмурился. На шее у него блеснула цепочка с двумя ключами: деревянным с головкой в форме птицы и серебряным – в форме бабочки.

Я даже застонала от разочарования. Сбежать от инквизиторов, чтобы попасть в руки служителя – кому еще могло так «повезти»?

– Принесу бинты и болеутоляющее, – сказал служитель и поднялся.

– Я ведьма. – Ну и голос, как у придавленной лягушки.

– Догадался.

С этими словами он откинул крышку люка и скрылся из виду.

Пока его не было, мы с девочками думали, как поступить. В итоге решили положиться на судьбу: все равно сил уже не осталось.

Через несколько минут вернулся служитель и бережно стал промывать и смазывать раны, от чего их жутко щипало, наложил кровеостанавливающие бинты.

– Что у вас болит? – повторил он, ни на секунду не прекращая обрабатывать царапины и ушибы. Его руки были теплыми и мягкими, мне захотелось, чтобы они не переставали касаться меня.

– Гордость больше всего.

Губы его изогнулись в слабой усмешке. Раз шутит, значит, ничего плохого не случится, видимо, решил он. Откуда служителю знать, что я всегда такая. Вот только разрывающая боль справа от сердца никуда не уходила.

– Здесь, – пожаловалась я и приложила руку к груди.

Служитель помрачнел и слабо надавил. Я захлебнулась криком и забилась на каменном полу.

– Боюсь, тут я ничем не помогу, – заволновался служитель. – Лучше обратиться к вашим людям. Сможете отсюда улететь?

Вот это да! Я успела выиграть сертификат на добрых мужчин в трудную минуту и не знаю об этом?

– Почему ты помогаешь?

Служителя вопрос удивил.

– А что еще делать?

Изумление его было искренним, так что я не удержалась и брякнула:

– Ты такой лапочка. Но я ведьма, нас принято...

– Глупости, – оборвал он. В глазах пронеслась тень гнева. – Лазар Мереш идет по неверному пути. Не думай, что все его поддерживают.

– Меня Ева зовут. – Почему-то казалось очень важным, чтобы он знал. Словно так мы сможем найти друг друга потом.

«Ангелы и брюнды! О чем ты думаешь?!» – возопила Вредина, но Затейница и Зануда шикнули на нее.

– Фабиан, – просияв, представился служитель.

С минуту мы глядели друг другу в глаза, затем Фабиан смущенно засмеялся и сказал:

– В другое время и в другом месте... Так вы сможете улететь?

– Вряд ли, я выжата.

– Думаю, это поможет.

Фабиан достал шприц-ручку и вколол содержимое мне в шею.

– Ух ты! Давай еще раз!

В венах затанцевали звезды, цветы распустились в голове, кожа стала шелком, а боль – шепотом океана, далеким и манящим.

– Нет, – твердо ответил Фабиан. – Это крепкое средство: болеутоляющее и тонизирующее... Что вы делаете? Послушайте, это важно...

– Прости, – хихикнула я и перестала трепать его по щеке.

– Так вот, – продолжил Фабиан. – Действует недолго, и это не лекарство. До вашего... гхм... офиса отсюда недалеко, должно хватить. Но есть еще кое-что.

– А?

– Здесь, внизу, прячутся двое ваших. Не знаю, смогу ли и дальше скрывать их. Заберите их с собой.

– Ну-у-у-у, – задумалась я. Коллективное «рассеивание» мне не по зубам. Пожалуй, стоило вернуться, рассказать обо всем Рагнару, а уж он-то разберется. Хотя, о чем это я? Вот еще, вот еще! В залах салюта явилась ошеломляющая, соблазнительная мысль. – Да-да, я заберу их. Веди.

Фабиан благодарно сжал мне руку и поспешил вниз.

«Вечно ты что-то выдумываешь», – простила Вредина.

«Отлично, подруга», – восхитилась Затеяница и подмигнула: у меня глаз дернулся.

«А? Что такое? Я что-то пропустила? – очнулась Зануда. – О, ну ты даешь. Но я не удивлена»

«Да, девочки, мы спасем этих двоих и станем героинями. Тут уж Рагнар точно челюсть уронит»

Вскоре Фабиан вернулся, за ним семенили девушка в лохмотьях и парень. Одежда у него была новая и чистая, а вот лицо превратилось в один большой ожог. Похоже, попали из электроружья – страшненько, но хоть жив остался.

– Привет, – поздоровалась я и тут же приступила к делу. – Умеете делать «концентрированное рассеивание»?

– Нет, ты что, – вытаращилась девушка, – это ж невероятно трудно.

– Хм, ладно. А что насчет... м-м-м... «укрепленного переноса»?

Парочка помотала головой.

– Ох, детишки...

– Дело плохо? – заволновался Фабиан.

– Сейчас узнаем. Ну хоть про «дележку» слышали?

– Кнешно, – фыркнул парень. Из-за уродства он говорил нечетко.

– Вот и славно. Вы – делитесь, я – переносу. Идет?

Они закивали как болванчики. Фабиан с облегчением вздохнул и отошел, чтобы не мешать.

– Знаешь, – обратилась я к нему. – Ты сегодня второй, от кого я не ожидала помощи. Добрых людей, оказывается, гораздо больше, чем я думала.

– Может, ты не там искала? – улыбнулся Фабиан, и на идеально выбритой щеке появилась ямочка. Какой он все-таки милый!

– Поехали, – скомандовала я.

Втроем мы взялись за руки. Парень с девушкой от усердия зажмурились и забормотали «дележную считалочку» – простейшее заклинание, которое передавало силу одного мага другому. Вскоре к бодрящему эффекту тонизирующего добавилась щекотка чужой магии. Сила парня походила на нагретый солнцем камень, а девушка шуршала сочной травой и звенела шмелем.

Творить заклинание в окружении Пятерых – можно ли придумать большее кошунство? Впрочем, они ведь все равно стоят спиной, может, и не заметят. Главное, чтобы Фабиану от них не влетело.

«Сосредоточься, – одернула Вредина. – Пятеро – всего лишь выдумка. А вот инквизиторы еще какие настоящие»

Заклинание слово за словом слетало с языка. Один за другим в воздухе возникали сверкающие ультрамариновые символы и принимались летать вокруг нас. Через минуту-другую они заполонили воздух, когда я осознала серьезную ошибку.

– Кыш-кыш-кыш, – запричитала я и принялась размахивать руками, прогоняя символы, словно надоедливых мотыльков.

– Что такое? – поинтересовался Фабиан.

Парень хмурился, а девица снова вытаращила глаза – настоящая вобла.

– Ничего, – пожала я плечами. – Просто немного сбилась.

На самом деле я чуть не угробила всех нас. Вложила в формулу место назначения – ров вокруг Башни, прямо возле Сферы, ведь ее пробить ни одно заклинание не сможет. Оставалось бы только нырнуть внутрь – привет спасение и завистливые вздохи Рагнара. Вот только об инквизиторском поле я позабыла. Нашу троицу просто-напросто развеяло бы.

– И еще разочек.

Теперь все прошло гладко. Символы образовали круг, другой, заключили нас в сияющий синий кокон. Только когда воздух сжался, и пространство треснуло, я сообразила, что забыла поблагодарить Фабиана. Такого доброго, славного и честного. Ну ничего, в другой раз.

«Какой еще другой...» – начала Вредина.

Договорить ей не дал громкий хлопок – во все стороны полетели быстро теряющие яркость ошметки заклинания. Мгновение мы парили в окружении лепестков пепла, а затем начали падать. Парень невнятно ругался во все горло, а девушка визжала так, что в ушах звенело. Ой-ой! Забыла их предупредить: чтобы избежать противомagического поля, пришлось направить «перенос» в точку над Сферой. И вот теперь мы неслись к земле, к крошечным кострам и темным холмикам палаток.

«Уххууу!» – вопила Затейница от восторга.

Травка-асфальт тем временем приближались, а я никак не могла вспомнить нужное заклинание.

– Мы умрем! – визжала девушка, обхватив парня руками и ногами.

– Отиа Корпус, – воскликнула я и плавно развела руки.

Заклинание вспомнилось как раз вовремя, но приземление все равно вышло довольно болезненным. Мы снесли какую-то палатку и с глухим стуком рухнули в куст.

– Да! – воскликнула я и увидела, что лежу у ног взбешенного Рагнара, который то ли обнимает, то ли душит сонного, полуголого Тибальта. – Аха-хаха, братец, ты так его из трусов вытряхнешь! – развеселилась я, чувствуя, что мир странно кружится. А затем наткнулась на огненный взгляд Рагнара и решила, что самое время упасть в обморок.

Проснулась я на мягкой кровати больничного отделения. По телу разливалась нега, я даже замурчала от удовольствия. Вокруг была тишина, из окна открывался чудесный вид на залитый огнями город. Где-то там, внизу, инквизиторы как стадо – или стая? или кто

там у них? – муравьев мельтешили, бегали, искали меня. Неудачники. Смешок сорвался с губ, и тут раздался напряженный голос:

– Рад, что тебе весело.

Рагнар стоял в темном углу, скрестив руки, и прожигал своим фирменным взглядом «Тупая младшая сестрица».

– И о чем ты думала, позволь спросить? – светским тоном поинтересовался он. Я невольно сжалась. Уж кому-кому, а мне было известно: чем спокойнее начало, тем сильнее будет взрыв.

– Ой, вот только не надо, ладно? – Боль исчезла, но язык слушался плохо, и слова прозвучали немного развязней, чем хотелось бы. – Ну, кто герой? Кто спас...

– Я запретил тебе выходить!

– Я уже взрослая! Почему ты просто не можешь порадоваться за меня? Кто ты такой вообще, чтобы мне приказывать?

– Твой брат.

– Даже не родной.

Гадкие слова выскочили быстрее, чем я успела прикусить язык. Тут же стало стыдно, даже захотелось извиниться, но Рагнар умудрился взбесить меня.

– Не родной, – сквозь зубы проговорил он. – Но я обещал твоим не родным родителям, что уберегу тебя. Но для тебя, похоже, их забота ничего не значит, раз ты не понимаешь дол...

– Завел волынку! – разозлилась я. – Долг, долг, долг! Ты что-нибудь другое скажешь хоть раз в жизни?

– Пора бы тебе задуматься над моими словами, – покачал головой Рагнар и открыл дверь. – Ведешь себя как ребенок. Мне стыдно за тебя.

Он ушел.

– Я просто хочу, чтобы ты мной гордился! – закричала я ему в спину.

Нет, конечно, ничего подобного я не закричала. Вот еще. Рагнар позлится и перестанет, как всегда. Но обида была острой, как пчелиное жало, и такой же ядовитой. Достать ее не получится, так что она поудобнее устроилась в сердце и присоединилась к еще десятку таких же.

«Ну его, пускай. Все равно я спасла эту парочку»

Измотанная и раздосадованная я откинулась на подушки и стала думать о Фабиане, а затем вскочила.

«Я правда назвала служителя вдвое старше себя лапочкой?!»

Впрочем, у него были такие милые ямочки на щеках...

«А у тебя драные штаны на заднице», – прошипела Вредина.

Глава 7. Виктория и случайная кража

Сплошные проблемы от этих инквизиторов! То они умирают и затапливают тебя смертельным холодом, то оказываются слишком упрямыми и вышвыривают из своего Мира-Внутри!

Чашка чая, в порыве заботы приготовленного Никой, едва не выскальзывала из дрожащих рук, а я размышляла о том, что же было обиднее: беспомощность, когда инквизитор выкинул меня наружу, или восторг и изумление при виде чужого Мира-Внутри?

Бабушка строго настрого запретила касаться людских душ, поэтому я видела лишь свой Мир-Внутри, да и то пару раз. И по сравнению с инквизиторским он казался пустым и жалким. Поразил ли Мереша вид башен и мостов, переходов и крепостей? Вряд ли, парень был слишком заморожен своей душой – чудесным деревом, похожим на радужный эвкалипт. Зрелище не давало покоя, особенно то, что скрывалось в сердце кроны.

– И как ты с этим справляешься? – напомнила о своем присутствии Ника. Она взмокла и покраснела. В свете фонарей, которые Варгас повесил над столом, прежде чем убраться в свою комнату, сестра казалась фанатиком в лихорадке: жадный блеск глаз, капли пота на лбу.

– Никак! – выплюнула я.

Кружка треснула, чай брызнул во все стороны. Ника вскочила и заявила, что с нее хватит на сегодня горячего: три небольших ожога украшали ее шею. Больше всего досталось Варгасу: кислота брызнула ему на лицо, оно теперь напоминало планету после метеоритного дождя. Соня успела спрятаться под столом, но даже ей прожгло кроссовки.

А все Ника! С ее дурацкой затеей пытать Мереша! Что мы получили в итоге? Боль и испорченный генератор. Ах да, мне еще досталось небольшое путешествие и частичка инквизиторской ярости, которая выплескиваясь вовне, раскаляла воздух.

– Ууф! – выдохнула Ника и отпрянула. – Сделай что-нибудь, выпусти пар или там... не знаю.

Я бросила на сестру пылающий взгляд.

– Не лезь!

«Но попробовать стоит»

Я оставила Нику стоять у открытого окна, а сама бросилась на улицу. Дождь кончился, но с деревьев еще капало, в воздухе разливалась свежесть. От кожи валил пар: бешенство инквизитора огнем скользило по телу, требовало выхода.

– Погоди-ка, я хочу посмотреть. – Ника выбежала следом и встала поблизости.

– Лучше отойди.

В кои-то веки сестра послушалась и притаилась за одним из дубов, что своими кронами укрывали дом. Едва дождавшись, пока Ника скроется из виду, я впервые за долгое время не стала сдерживаться и просто отпустила то, что и так рвалось на волю. Ночные звуки – шорох влажных листьев, песня капель, влажный скрип деревьев – поглотил новый «зверь». Шипение разодрало ночь, как когти рвут плоть. В считанные мгновения лощина заполнилась белым облаком и сверху, наверное, напоминала чашку сливок.

Первый вдох, после того как инквизиторская злость унеслась прочь, наполнил легкие бодрящим холодком. Пар остывал и расплзался по дну лощины, силуэты деревьев становились четче. Прояснилось и в голове.

– Недурно, – похвалила Ника и потерла обожженный нос. А ее предупреждали: не высовывайся.

Как плавно текут мысли, когда гнев не протыкает мозг раскаленными иглами, не мельтешит перед глазами толпой брюндов и не подначивает нагрубить всем и каждому. Жар негодования погас, а на улице было прохладно. Я обняла себя и произнесла:

– Ты меня обманула.

– Когда это?

– Сама сказала, что не можешь им завладеть, это работает только на демонах.

– Да, но...

– И просто вылила на него кислоту, ведь знала: я тебя остановлю и... что? Сделаю все сама?

Гримаса оскорбленной невинности коснулась лица Ники, а в следующий миг оно осунулось, губы задрожали.

«Что же с ней стряслось?» – вновь задумалась я

Но желание остаться наедине с собой и рассмотреть сокровище, невольно украденное у инквизитора, оказалось сильнее любопытства. Вот только Ника не собиралась уходить.

– Ладно, – выдавила она. – Да, я сделала это нарочно. Да, я с самого начала хотела, чтобы ты его обработала.

– Ты не понимаешь, о чем говоришь. Это не твоя сила, она не подчиняет целиком. Я немного могу. Он никогда не будет покорным и безвольным. Допустим, получится заставить его чувствовать, что тебе надо, но действовать он будет по своему усмотрению.

– Но ведь можно что-то сделать? Влюби его в себя! Настолько сильно, что ради тебя он пойдет на все!

От одной мысли об этом приятные мурашки побежали по спине. Я невольно представила себя прекрасной дамой, а Дана Мереша – могучим воином, готовым выполнить любой каприз возлюбленной.

«Милый, убей своего папочку, от него житья не стало!»

– Нет. Нет. Ты его не видела. Он не будет слушаться. Он... непокорный.

Ника скривилась.

– Похоже, это ты в него влюбилась, – бросила она с омерзением.

– Не могу тебе помочь, – сказала я и отвернулась. *Оно* слабо шевелилось внутри, вот-вот исчезнет. А Ника все не уходила.

– Тогда... Заставь его возненавидеть отца! – воскликнула она. – Настолько сильно, что захочется его убить.

– Нет. Сколько можно объяснять: это не программу запустить, оно так не работает.

– Ну... Ладно. Можно и по-другому. Но твоя помощь все равно пригодится.

– И с чем же? – Так трудно сдерживать нетерпение! Разговор ни к чему не приведет, а *оно* чахнет с каждой минутой.

– Положимся на мою силу. Есть демоны, они его сломят. Он будет делать все, что я скажу.

– А дальше что? – не выдержала я. – Ну подчинишь ты его, и?

– Заставлю убить Лазара Мереша, – сказала Ника. Ни капли не убедительнее слова прозвучали и на этот раз.

– Просто смешно...

Ника взвыла и хлестнула меня по щеке. Я ошеломленно отступила на несколько шагов и прижала холодную ладонь к вспыхнувшему лицу.

– Ты чего?

– Смешно?! – с безысходностью в голосе закричала Ника. – Тебе смешно, да? Стоишь такая тут, вся важная... И... Вся такая...

Ника выглядела готовой к драке, но почти сразу обмякла, словно ей не хватило запалу. К своему ужасу я увидела, как сестра осела и зарыдала. Сегодняшний вечер,

похоже, решил добить меня окончательно. Ника плакала? Да еще навзрыд? Такого даже в детстве не бывало. И тем не менее вот они слезы, падают на траву и мешаются с дождевой водой. Ника раскачивалась из стороны в сторону, всхлипывала, судорожно вздыхала и никак не могла прийти в себя. Стыдно, но я почувствовала не сожаление, а брезгливость, словно увидела нечто непристойное. А затем порадовалась, ведь чувства сестры скрывались за мрачным, плотным словно гранит саваном. Но в то же время зависть не давала покоя.

– Н-не надо, – попыталась утешить я. – Ты не плачь... Все будет... Э-э-э... Ну, не реви... Проклятье, я даже не знаю, что надо говорить в такие минуты!

Ника хрюкнула, выдавила смешок, но плакать перестала. Какое-то время ей понадобилось, чтобы взять себя в руки.

– Гкхм. – Вспышка ошеломила ее саму, и теперь мы обе от неловкости смотрели в разные стороны. – Знаешь, почему я живу не с вами?

– Ты как-то говорила про парня. Без подробностей. Бабушку это выводило из себя.

Бабуля изначально считала любого мужчину («парней» она не признавала) недостойным человеком с дурными намерениями, если его должным образом не представили семье. Но Ника то ли не видела в этом необходимости, то ли понимала: бабушка – особа придирчивая и своенравная – все равно его не примет. Поэтому ее парня-мужчину никто из нас не видел.

– Клем, его звали Клем, – прошептала Ника. Никогда прежде я не слышала от нее столь мертвого голоса. Холодный ветер подхватил имя и понес дальше, нашептывая его по всему лесу. Я поежилась и крепче обхватила себя.

– Звали...

– Его убили. Мы жили в Порт-Альте. Ну, город-музей, там еще хранятся первые два ключа. Его семья одной из первых поняла, что происходит, и они решили отказаться от магии.

– Такое бывает?

– Да, это непросто, но, если чародей перестает колдовать, магия затухает. Не исчезает, но и не проявляется. Так живут все монархи – добровольно отказываются от сил, чтобы соблюдать интересы смертных и своего народа. Приборы можно обмануть. А к тому дню как инквизиторы стали рыскать по домам, семью Клема уже было не отличить от смертных.

Ника умолкла. Несколько раз открывала рот, но из него вылетало только хриплое бульканье.

– И что произошло? – осторожно поинтересовалась я, не уверенная, что хочу знать.

– Да все я виновата. Обычно я не высывалась, выходила только с демоном, невидимой, а тут... В общем, помнишь, недели две назад было затмение? Ну вот, я не удержалась и выглянула в окно, не думала, что кто-то заметит, ведь все на небо смотрели. Но кто-то заметил.

– И нажаловался инквизиторам, – ахнула я.

– Естественно. Они примчались, сожгли все. Нам даже защититься нечем было: в доме ни одной магической безделушки не осталось.

– Но как же твои демоны?

Ника скривилась, будто я ее в чем-то обвинила.

– Он был на охоте. Я сразу позвала, но... Клем помог мне улизнуть. Я собиралась вернуться, я и вернулась... Но... Дом уже горел, и они... там... внутри... А я сбежала. Они горели заживо, а я с-с-сбежала!

Ника вцепилась руками в лицо, словно могла удержать слезы или разгладить гримасу отчаяния и боли.

– Это теперь не важно, – твердо сказала она. – Я убью Лазара Мереша. Мне нужна одна книга, она есть в бабушкином доме, я знаю.

– Но мы...

– Да-да. Пытались, но у меня есть кое-какие мысли. Ты, ты просто подумай, хорошо? Я пока не решила, как именно поступить. Но ты подумай. Твоя помощь понадобится.

С минуту мы смотрели глаза в глаза, словно виделись впервые. Впрочем, такими мы друг перед другом еще не представляли.

– Я подумаю.

– О большем не прошу.

Ника попыталась улыбнуться – скривилась, будто в рот ей попала страшная гадость, – благодарно кивнула и побрела в дом.

Глядя вслед сестре, я понимала, что уже согласна. Но скажу ей об это завтра. А пока...

Наконец-то, осталась одна. Теперь можно рассмотреть *его*.

За яркими, живыми ветвями радужного дерева мелькнула другая – темная, увечная, ссохшаяся и жалкая. От прикосновения к ней мысли наполнились битым стеклом, такую силу я не могла обуздать. Но когда Мереш выкинул нас в настоящий мир, я невольно утянула толику этой ветки-чувства. Разумеется, дерево и все остальное появилось лишь благодаря фантазии, это образ непостижимого Мира-Внутри. Но за ним скрывались душа и разум человека. Его чувства. Его воспоминания. Его радости и горести. И мне не терпелось поскорее достать этот кусочек со дна, дотронуться до него. Проникнуться.

Оно едва колыхалось, почти выдохлось, поэтому я бережно тронула *его* и ощутила, как из глубины естества поднимается *оно*. Украденное у Дана Мереша оказалось горечью, болью, страданием. Теперь я плакала, скорчившись на мокрой траве. Плакала от чужой боли, и смеялась от радости ее познать. Когда в последний раз я чувствовала себя такой живой, настоящей? Теперь и не вспомнить.

«Как такое можно терпеть? Как он носит его внутри? Постоянно...»

Это было горько, это было сладко, мучительно и возвышенно. Опустошенность давно стала моей доброй подругой, изредка ее озаряли блеклые, скучные вспышки. Но в тот миг вместо нее расцветали кинжалы боли, щемотка детского страха, туманное неверие и сдавливающее одиночество – невыносимая пытка, но это было прекрасно, искренне. Во мне давно не рождалось ничего подобного, а от Сони с Варгасом кроме безучастности, подобной мешкам с песком на ногах, да капризной злости, которая как грязь въедается в кожу, ничего не добьешься.

И это всего лишь крохи, пустяк, украденный у Мереша. А сколько в нем еще такого? Но даже крох не удержать: скорбь рассыпалась ночным шепотом и тенями. У меня осталась только собственная печаль, которая стаей воронов кружила в голове.

Так, благоговея перед украденной драгоценностью, я позабыла о другой – разбитой.

Часть вторая. Семейные узы

Глава 8. Виктория и цветы отчаяния

После бурной ночи я ожидала бессонницы или кошмаров, но спала на удивление безмятежно. Поэтому утром из спальни вышла бодрой и в приподнятом настроении.

На кухонной половине Соня возилась с завтраком. Она оставалась такой же серой, что и накануне, но знакомая обстановка и свежая еда приглушили тревогу. Слабая улыбка коснулась губ, но выглядела жутковато в тусклом свете пары фонарей.

– Варгас меняет кабели, – поделилась Соня, а затем кинула взгляд на прожженную кислотой дыру в полу и прошептала: – Но у него, похоже, не слишком получается.

Она отвернулась к плите. Ароматы яичницы и жареного хлеба щекотали ноздри. Под одобрителное мурчание живота я присоединилась к Нике за столом. Она просматривала газеты на моем планшете и морщилась всякий раз, когда ворот рубашки задевал ожоги. Они все еще выглядели воспаленными, но уже не такими страшными, как вчера.

– Злой, как сотня демонов. Не выпался, рожа опухла, и его несколько раз током шарахнуло, – протянула Ника вместо приветствия. Не считая красных глаз, о вчерашнем срыве ничего не напоминало.

Инквизитор валялся в углу, грязный и жалкий. Все в той же позе, едва дыша. На этот раз его связали самыми обычными веревками, которые нашлись в подвале.

– Не шевелился, – рассеяно ответила Ника на незаданный вопрос и скривилась от боли.

Я отвела глаза от бесчувственного парня и решила не забивать голову: уж больно хорошее утро выдалось.

– Что новенького? – поинтересовалась я у сестры.

Внезапно загорелся свет и тут же погас. Снизу донесся бешеный вопль.

– Четыре, – усмехнулась Ника.

– Что-что?

– Варгас уже в четвертый раз кричит, – пояснила Соня и принялась расставлять тарелки.

Редкий случай – я радовалась, что у нас есть Варгас. Разобраться с техническими штучками только ему под силу. Видела я как-то генератор – монструозное сооружение из металла и корней, соединенное научно-магическим гением его дедушки. Питался генератор энергией солнечного света, который собирали деревья, да природной магией – домик стоял прямо над подземным потоком. А зачарованный источник давал воду, так что и с душем-туалетом проблем не было.

Мы принялись за еду, а Ника стала делиться новостями.

– Все плохо. Тайный совет закупил для Мереша новое оружие и разрешил выкачивать еще больше энергии из электростанций, чтобы поддерживать поле над городом. Народ, естественно, против, но Мереш не отступит.

– Глупости, – заметила я. – Что они, больницы без света оставят? Всякие бары и рестораны и так не работают из-за комендантского часа. А Конфедерация запретила армии и летальное оружие, королева не позволит...

– Королева давно ничего не решает, – перебила Ника.

– Но вето...

– Уже использовала. Когда не позволила арестовывать родственников магов, если не доказано, что они не смертные. Королева больше ничего не может. Пока в Тайный совет входили поровну смертные и чародеи, у нее была власть, а теперь, там только люди инквизиции. Ее величеству приходится вертеться, чтобы хоть как-то защитить своих людей и самой не попасться. Вот шумиха была бы: королева – ведьма.

– Я и не знала, что все так кошмарно, – пробормотала Соня и отложила бутерброд.

– Вы вообще за новостями следите? – изумилась Ника.

– Да все равно ничего хорошего нет, – отмахнулась я, чем заслужила высокомерный взгляд под вскинутой бровью от сестры. Трудно поверить, что несколько часов назад она обливалась слезами и молила о помощи.

«Если все это не было спектаклем», – подумала я.

– Ну-ка, ну-ка, – ухмыльнулась Ника и заскользила пальцами по экрану. – Что у нас тут? Романчики, угу. Журнальчики, славно. Вот поэтому вы и живете в лесу.

Щеки предательски заалели, но в тусклом свете, надеюсь, это было не слишком заметно.

Воцарилась тишина. Ника, покачивая головой, продолжала читать. Неожиданно она выпрямилась и воскликнула:

– Дом Лунатиков сожгли.

– Фто-о?!

Я забыла проглотить то, что жевала, когда заговорила. Получилось... неизяшно.

Лунатики жили по соседству с бабушкой и проповедовали какую-то астрологическую ерунду. Каждое полнолуние устраивали посиделки во дворе. У Лунатиков было странное чувство юмора и нескончаемый поток родственников, но, в общем-то, они мне нравились. Бабушка и то не жаловалась на шумные застолья – еще бы, ведь каждый месяц получала баночку розового варенья за терпение.

– Да, – протянула Ника и тоже отодвинула тарелку. – Их дочка была ведьмой. Ее сожгли...

– Одной из первых, – припомнила я. – Даже прямой эфир был, кажется.

– Так вот. Ее отец двинулся от горя и начал высказываться против Мереша... Соседям это не понравилось... Жена сгорела, а его самого нашли в нескольких кварталах от дома, избитого и... заклеяменного.

– Заклейменного? – ужаснулась Соня. От ее страха крутило живот, а отвращение оставляло во рту мерзкий привкус, как после рвоты. Приподнятое настроение скукожилось и уползло в темный угол.

– Ну да, тех, кто смеет заикнуться, мол, «колдуны тоже люди», быстро затыкают. Хотя обычно не так жестоко.

Ника поморщилась, вытащила карточку и бросила обесцветившийся планшет на стол.

– Почему никто его не остановит? – К инквизиции я давно привыкла, но в голове не укладывалось, что такое вообще могло произойти. – Ведь есть Конфедерация, договоры, законы...

– Ах, брось, – махнула рукой Ника. – Конфедерация создавалась здесь, в Омнисе. Никто не станет спорить с Первоградом – столица мира, все дела. Умники в Лександрии наверняка за пять минут могут назвать сотню нарушений, но они молчат. К тому же, официально Мереш не нарушает закон.

– Да как это? А оружие? А инквизиция – это же самая настоящая армия.

– Формально, это реорганизованная стража. Только действует жестче. Но суть в другом: Мереш утверждает, что маги – не люди, поэтому никаких правовых гарантий для них нет.

– Чушь! – возмутилась я, и Соня втянула голову в плечи.

– Именно, вот только никто не станет копаться или доискиваться правды, – вздохнула Ника. – Другие государства не пускают инквизицию к себе, но в и наши дела не лезут.

– Но...

– Ни брюнда не выходит! – Варгас ворвался в комнату, плюхнулся на стул и принялся пододвигать все тарелки, до каких мог дотянуться. – Жрать хочу! Башка трещит! А все из-за этого уroda!

Он метнул гневный взгляд на инквизитора, потом еще злее уставился на дыру в полу и принялся уминать завтрак. В том числе остатки моего.

В воздухе запахло раскаленным железом и стало жарко, поэтому я поторопилась отойти подальше. Соня последовала моему примеру и загремела кастрюлями, то вынимая

их, то возвращая на место. А вот Ника осталась сидеть и с веселым отвращением наблюдала за Варгасом, походившим сейчас на свинью, которую пустили за стол.

– Поганные инквизиторы! – продолжал злопыхать Варгас. – Самодовольные ублюдки, считают себя лучше всех. А этот? Ух, я бы его отделал.

Благодаря Соне и звону посуды, никто не заметил моего смешка. Варгас был тощий, как щепка, и едва ли выше Ники. А вот Дан Мереш – худощавый, но крепкий – явно не пропускал занятий спортзале.

– Значит, хорошо, что Виктория согласилась мне помочь, – обронила Ника. – Ты ведь согласна?

– Угу.

Наступила тишина. Затем Варгас злобно втянул воздух и приготовился к тираде. Соню вновь окатило испугом, она сжимала в руках сковороду, словно искала в ней спасения или, на крайний случай, собиралась надеть на голову, лишь не видеть того, что сейчас произойдет.

– Та-а-к, – прорычал Варгас. – Кинуть нас решила, да?

До этой минуты я не знала, то ли сердиться на Нику за неловко обставленное известие о нашем отбытии, то ли благодарить, поскольку сама не представляла, как рассказать такое. К тому же что она сначала сказала, а потом только спросила моего согласия. В итоге я решила все-таки разозлиться, но на Варгаса:

– Во-первых, мы ненадолго. А во-вторых, я тебе ничем не обязана.

– Да неужели?! – заорал Варгас и вскочил на ноги. Его опухшая физиономия, и без того красная и блестящая от мази, казалось, начала раздуваться. – Ничем? Прямо вот вообще ничем? А в чьем доме ты живешь, а?

– Чью еду ты ешь? – съехидничала Ника, но без особого азарта. Разбираться с Варгасом она предоставила мне. Вот спасибо, сестренка!

– Значит так, – как можно спокойнее проговорила я, не столько пытаясь подавить ссору в зародыше, сколько надеясь, что раздражение не вырвется наружу волной раскаленного воздуха и не снесет Варгас ко всем брюндам. – Слушай сюда. Я с тобой договор не подписывала, кровным родством не связана, да и любым другим, если на то пошло. Дом, говоришь? А благодаря кому в этом доме есть еда и все остальное? Смог бы ты добыть все эти штучки, с которыми постоянно возишься? – Я махнула рукой на забитый барахлом шкаф. – Сколько бы ты продержался, если бы Соня не готовила каждый день? Что бы ты вообще делал один? Да ничего! Потому что ты ничтожество, ничего сам не

можешь. Я решила, я уйду. Но я вернусь, потому что у меня есть гордость и чувство ответственности, понял? Ты, может, и слинял бы при первой возможности, а я забочусь о вас как могу.

– Оцени ее сдержанность, милый, – протянула Ника, не дав Варгасу рта раскрыть. – Она могла бы сделать с тобой все что душе угодно, а ты жив-здоров. Почти. Борода тебе уже не светит, но это не наша вина.

С минуту Варгас двигал губами, точно выбирал, в каком положении они будут смотреться выгоднее. Наконец он выдал:

– И куда вы пойдете-то? Убьете Лазара? Вот так вот просто.

– Не просто, – возразила Ника, потому что я выдохлась. – Но да, именно этим и займемся.

– Думаешь, грохнешь его, и все кончится? – выплюнул Варгас. – Убьете главного инквизитора – и все счастливы?

– Ну, как-то так. Пока вы тут сидите, трясетесь над последней пачкой макарон, все меняется. Когда не станет Мереша – не станет инквизиции. Многие недовольны бойнями, которые он устраивает. Когда Мереш исчезнет, люди не позволят объявиться новому инквизитору.

– С чего такая уверенность? – упрямылся Варгас, хотя по блеску в глазах было ясно: против убийства Лазара Мереша возражений у него нет.

– Да потому что вся инквизиция держится на Мереше и его манипуляциях. Люди с перепугу дали ему столько власти, что теперь не знают, как забрать хотя бы часть. Он – мозг, а все остальные – просто стадо баранов. Очень жестоких и опасных, но все же баранов. Этот, – она мотнула головой в сторону Дана, – мог бы заменить папочку, но кто ж ему даст. Ну, есть еще вопросы, возражения, предложения?

Препираться дальше Варгас не стал, хотя я чувствовала, что ему хотелось. Вместо этого он сказал:

– Пойду еще с генератором покопаюсь.

– Отличная мысль, – едко заметила Ника.

Варгас убрался, а я с облегчением вздохнула и опустилась на стул.

– Вроде неплохо прошло.

В этот миг сковорода выскользнула из дрожащих рук и с грохотом покатилась по полу.

– А как же мы? – прошептала Соня. – Вдруг вы не вернетесь? Не надо, Виктория, пожалуйста, это так опасно. Вряд ли у вас что-то получится, только в беду попадете. Останься.

Ника недобро прищурилась, поэтому я быстро сказала:

– Не бойся, все будет нормально.

– А если...

– Ну нельзя ведь сидеть сложа руки! Мы уже наделали дел. Лазар Мереш обязательно будет искать сына. Даже если они не отыщут наш дом, то в магазин нам путь заказан, а хозяева других будут начеку. Им в подмогу еще и дополнительный патруль на улицы пришлют.

– Но-но-но, – запричитала Соня. – А он? Его же надо охранять, – хватаясь за соломинку, она указала на Мереша.

Но Ника и тут все продумала:

– Без проблем.

Она прошла к двери, распахнула ее и приказала:

– Сюда, живо!

Мимо сестры протиснулся комок черноты. Соня его видеть не могла, но быстро смекнула, что к чему. Трудно было понять, кто больше ее пугал: демон или инквизитор.

– Сторожить, – бросила Ника, и сгусток уселся рядом с неподвижным парнем. – Вожака мы заберем, но пока он подчиняется мне, этот будет подчиняться ему. Вопросы?

Соня тяжело вздохнула:

– Да сколько их кругом?

– Хватает, – туманно ответила Ника и уселась на место. – А теперь обсудим план. Я полночи ворочалась, все думала. Если коротко: сначала наведемся к папе, а потом к бабушке.

– Ага, после того как посидим в кафе и прошвырнемся по магазинам, – фыркнула я.

– Отправимся, когда придумаешь настоящий план, а не этот выкидыш больного мозга.

– Очень смешно, – скривилась Ника. – Сама-то что предлагаешь?

Я отвернулась, чтобы сестра не заметила стыдливого выражения на лице: мои навыки планирования заканчивались ограблением магазина: пришли, забрали, ушли.

– То-то и оно. – Ника все прекрасно поняла. – Короче, я пойду в любом случае. А вот ты станешь потом себя винить, если со мной что-нибудь случится. Или с папой.

– Знаешь, что... – начала я, но продолжить не смогла. Слова застряли в горле не столько из-за беспокойства об отце, сколько от сестриной наглости. Наведываться в родительский дом, конечно, глупость. Но Нику это не остановит. В конце концов, сама идея убить главного инквизитор – точнее, заставить его сына сделать это, – чем не безумие?

«А еще мне все здесь опостылело. Уйти бы куда-нибудь, что-то сделать. Что-то стоящее»

– Ну, хорошо, – с притворной неохотой ответила я. – Но имей в виду, действовать будем сообща, а не как обычно: ты командир, а я все узнаю в последнюю минуту.

– Разумеется, – улыбнулась Ника своей хитрой улыбочкой, и сразу стало ясно, что обещание ее ничего не стоит.

– И все-таки, что ты забыла у папы? Бабушкин дом – понятно. Хотя не представляю, как мы туда заберемся, пробовали ведь. А вот папа?

– Завещание, – пожевав губу, ответила Ника.

– Завещание? – тупо повторила я.

– Ох, газеты читай чаще. Бабушка оставила нам дом. Новость неделю гремела, потому что оно было написано от руки, на бумаге – никто давным-давно так не делает. А еще в конверте был ключ. Все истерили, думали, колдовской заговор или что-то в таком духе.

– Здорово, конечно, но ключ наверняка забрали.

– Естественно. Но завещание отдали папе. Поиздеваться хотели, наверно.

– И на кой оно нам без ключа.

– Думаю, в нем может быть подсказка, как пробраться в дом. Вряд ли тот ключ что-то вообще значил. Так, пустышка для отвода глаз.

– Чересчур натянуто, не находишь? – спросила я и откинулась на спинку стула.

– Вовсе нет. Бабуля могла и не такое проверить.

– Если и так, почему она сразу все не рассказала, когда только началась вся эта свистопляска с инквизицией? – засомневалась я. – Гораздо проще было объяснить, что к чему, пока мы были в безопасности.

– А-а-а, когда она так поступала? У бабушки все тайны да загадки на уме. К тому же дом-то непростой. Он – Башня в миниатюре. Его берегут такие сильные заклинания, что инквизиторы не могут их пробить. И контрольный в голову – завещание обнародовали месяц назад, когда тебе исполнилось восемнадцать. С днем рождения кстати.

– Спасибо, – хохотнула я. – Но при чем здесь это?

– Да при том, тугодумка, что теперь мы с тобой обе совершеннолетние и можем сами распоряжаться имуществом.

– Звучит бредово, ну да ладно. Сейчас все вверх дном. Как добираться будем?

– Верхом. Что ты так смотришь? Из Порт-Альта лететь намного дольше, но гляди-ка, я не развалилась. И с тобой ничего не сделается.

– А... – заговорила Соня, но Ника ее перебила:

– Хватит. Просто представь, что тебе больше не придется торчать в этой хибаре. Наслаждайся последними часами, приготовь прощальный ужин, что ли, – сказала она, перекинула через плечо сумочку и вышла на улицу.

«Мне бы твою уверенность»

– Seriously, все будет нормально, – постаралась я успокоить Соню – слова прозвучали фальшиво и плоско, – а затем последовала за сестрой.

Слабое «Удачи» мягко стукнулось в спину.

После грозы воздух был свеж и прохладен. Отовсюду слышался щебет и веселый перезвон капель. Земля под ногами хлюпала и чавкала, а с дубовых ветвей, раскинувшихся вверх, сорвалось несколько холодных крупинок и упало прямо за шиворот. Но даже это не могло погасить возбуждения и нетерпения. Впрочем, Нике я старалась их не показывать: еще будет думать, что делает мне одолжение. Так оно и было на самом деле: не я помогала Нике, а она вытаскивала меня из болота, в которое превратилась наша жизнь. Вдали от рыхлой неуверенности и переживаний Сони, кисло-колких вспышек Варгаса, я вдохнула полной грудью и впервые за долгое время улыбнулась.

Все вокруг было ярко и прекрасно, но пришлось напомнить себе, что мы не на прогулку отправляемся.

Ника уже устроилась на спине демона, ставшего видимым для большего удобства. У чудища была черная, туго натянутая на бугристые мышцы кожа, крупную голову как корона венчали пять костяных наростов, когтистые лапы месили грязь, а из широкой спины взметались два кожистых крыла.

– Забирайся, – бодро воскликнула Ника и похлопала рядом с собой. Голос ее разнесся по ложине. – Он довольно удобный.

– Да иду, иду.

Завеса, что скрывала чувства Ники, не дала бы провалиться в ее Мир-Внутри, да и эмоции демона были слишком плотными и чуждыми. Опасаться вроде было нечего, но

путешествие в Мереша оставило тревожные воспоминания. Я неосознанно скрестила руки на груди и отступила на шаг.

Нику это позабавило:

– Что, пешком пойдешь?

От ее язвительного тона по жилам растеклось упрямство. Я решительно приблизилась к демону, забралась к нему на спину и обхватила Нику за талию.

– Пригнись и держись крепче!

Но я почти не слышала: сосредоточилась на демонических эмоциях, которые перетекали одна в другую и наводили на мысли о вулкане, готовом взорваться в любую минуту.

«Терпимо»

В следующий миг мы пробили кроны и окунулись в утреннее сияние. Когда привыкла к яркому свету, я чуть не завопила от восторга. Снизу раскидывалось изумрудное море, сверху – бирюзовое с серебристой окантовкой на горизонте. Холодный ветер трепал волосы, вышибал слезы, но в то же время бодрил и наполнял тело легкостью. По обе стороны бились могучие крылья, нас бросало вверх-вниз, пришлось крепко держаться, чтобы не сползти с гладкой кожи.

– Мы невидимы! – завопила я на ухо сестре после мгновенного озарения. – Я тебя не вижу!

– Это все он! – закричала Ника в ответ. – Пока касаешься демона – тоже невидима. Так стоя собирается вокруг вожака на ночевку: общая магия укрывает всех. Поэтому не отпускай по приземлении.

«Очень вовремя», – раздраженно подумала я, но ветер сразу выдул плохие мысли.

Путь, который пешком занимал несколько часов, в полете промелькнул минут за десять. Когда мы проносились над магазином, я заметила возле него несколько черных машин, и в груди екнуло: инквизиторы уже знают. И наверняка ищут Дана Мереша.

Пригород остался позади. К тому времени как демон достиг города, от восторга не осталось и следа. Лицо окоченело, болели уши, руки и ноги ничего не чувствовали, порой казалось, я вот-вот соскользну и умчусь вниз, к земле. Да и спина демона была не настолько удобной: сплошные узлы мышц, так что попа вскоре горела от трения и нескончаемых подсакиваний.

– Смотри! – окликнула Ника, когда мы пролетали над Центром.

Башня и все, что притаилось под магическим Куполом, напоминали новенькую игрушку на свалке. Искореженные здания Кольца скорби казались злобными, отвратительными гоблинами, которые пытались осадить величественную цитадель. Именно после облавы на магов большинство горожан перешли на сторону Лазара Мереша. Еще бы! Если у кого-то оставались сомнения, то после массового бегства чародеев они исчезли. Мереш объявил, что вызовет всех «колдовских существ» на допрос, но, разумеется, «существа» не собирались отдавать себя в руки инквизитора. Взрывы, тела, обрушения зданий – на визионной панели это выглядело как фильм. Но теперь я убедилась своими глазами – все взаправду. Беспощадно, необратимо.

Сколько надежд возлагалось на воинов и мудрецов из Ордена. И сколь велико было разочарование: два года прошло, Мереш раскидывал свои сети все шире, а Башня сторонним наблюдателем висела над городом. Какими бы могущественными ни были ее обитатели, с инквизицией, похоже, поделаться ничего не могли. Хотя бабушка только фыркала в ответ на вопросы о том, почему лорд Ланистер, или как его там, не прекратит все это. Ведь Орден основали для защиты магов и смертных.

– Заклинание вокруг Башни тоже невидимо, но твердо, как гранит, а то и крепче, – говорила бабушка и многозначительно смотрела на меня.

Онемевшими пальцами я изо всех сил вцепилась в Нику, потому что демон резко обогнул другую башню – церковную. Пять мраморных фигур пронесли мимо и будто проводили нас недобрыми взглядами. Я порадовалась невидимости, а затем сообразила, что Пятеро – всего лишь камень, и усмехнулась собственной глупости.

Через несколько минут демон пошел на снижение. Он описывал широкие круги над спальным районом, и я без труда разглядела наш дом – он стоял на отшибе. Его выбирали ради меня, чтобы поблизости жило как можно меньше людей. Теперь его отдаленности радовались другие.

Приземление вышло чувствительным: мы едва не перелетели через голову демона, а я так клацнула зубами, что боль прокатилась аж до затылка.

Если держаться в полете было сложно, то разжать руки и спуститься с широкой спины, да еще так, чтобы не переставать касаться нашей чудо-лошади, оказалось делом еще более нелегким. Наконец, я сумела встать на землю, но ноги дрожали, поэтому пришлось опуститься на мокрую траву. Сведенные судорогой пальцы при этом держались за мощную лапу. Судя по звуку, Ника сползла рядом и тоже решила передохнуть.

Мы оказались на заднем дворе, возле разросшегося куста гортензии. Белые цветочные метелки покачивались под слабым ветерком. Демон опустил на удивление бесушнно, но я все равно боялась, как бы кто не услышал.

– Это еще что? – яростно прошептала Ника.

Причина ее возмущения краснела на задней стене дома. Поверх белых досок вились ругательства и проклятья, среди которых «Колдовские сучки» было самым приличным. Алая вязь вспыхивала и переливалась на солнце и, видимо, опоясывала весь дом, как Кольцо скорби – Башню. Я не увидела ни одного разбитого окна, но заметила несколько осколков в траве.

– Вот ведь... – зашептала Ника, но я – наугад – ткнула ее, почувствовав неладное.

Из-за угла показался инквизитор. Он едва ли был старше Дана Мереша, но выглядел таким самодовольным, словно носил не ружье и черную форму, а ангельские крылья. На груди серебристыми буквами поблескивала нашивка: «Инспекция по противодействию колдовской угрозе». Или, если по-простому, «инквизиция». Прозвище соскользнуло с языка какого-то журналиста и в народе прижилось лучше официального названия. Да и суть отражало точнее.

От напыщенности инквизитора воздух вокруг него напоминал кокон золотой фольги: яркий, блестящий, до нелепости пошлый. Мы оставались невидимы, вот только туша демона примяла траву, а когти оставили на газоне заметные следы.

«Фольга» чуть смялась и в нескольких местах порвалась. Как страшилище из яркой обертки наружу вылезала подозрительность. На этот раз я получила тычок и принялась за дело. Мысленно потянулась к инквизитору, приласкала его самомнение, распушила гордость, смяла и затолкала подальше недоверчивость. Обмотала заносчивостью с ног до головы.

Лицо парня разгладилось, тонкие губы растянулись в высокомерной улыбке, в глазах зажегся мечтательный огонек. Инквизитор полностью погрузился в свои мысли и побрел дальше, едва ли не насвистывая.

– Ух ты, – высказалась Ника, когда затихли шаги.

– Ты будто сомневалась, – подколола я и поднялась на ноги. – В дом, пока нас не заметили.

Дверь оказалась не заперта, так что внутрь мы пробрались почти без проблем: не отпустить бы демона, да еще эти его рога в притолоке застряли. Будь мы видимы, со стороны выглядели бы весьма забавно: эдакий тройной тяни-толкай. Вот только мне было

не до смеха. Инквизитор мог в любую минуту пойти на второй круг и уж тогда он точно услышал бы пыхтение и царапающие звуки. Наконец мы сумели втащить демона в кухню и закрыли дверь.

– Проходи в гостиную, там можно будет расслабиться, – шепнула Ника.

«Ха и еще раз ха!»

Окна были в ночном режиме, но я все равно невольно напрягла плечи и ссутулилась. Ника точно в такой же позе стояла рядом. Демон притулился между диваном и выключенным камином, в голографическом пламени которого я прятала подарки, когда была маленькая.

– Как-то странно, – протянула я. – Не замечаешь?

– Чего? – рассеянно откликнулась Ника. Она с печальной улыбкой на губах обводила комнату взглядом, словно играла в «Найди отличие». Лично я таковых не заметила. Интересно было другое: мебель, фотографии на полке, торшер, разные безделушки, вазы с цветами и даже стены покрывал сероватый налет, похожий не то на графитную пыль, не то на пепел.

– Воздух... сухой, – сказала я, не сумев лучше выразить странное ощущение.

– Ох, да ну тебя, – раздраженно отмахнулась Ника.

Мягко ступая, мы поднялись на второй этаж. Было почти десять, но дом еще полнился сонной тишиной.

«Почему так тихо? Сегодня выходной? Какое вообще сегодня число? Может, они ушли»

Но нет, папа и Рита не спали, я чувствовала их.

– Ты чего? – хихикнула Ника, когда мы подошли к спальне, и я высунула язык.

– Горько и солено. – Желание пройтись по нему щеткой было почти нестерпимо.

– Горько и солено? Иногда ты такая странная.

Ника со свойственной ей бесцеремонностью распахнула дверь и шагнула в спальню. Мне стало неловко: папа и Рита лежали в обнимку на кровати. Он кривился, стараясь не заплакать, а она уже плакала – довольно долго, судя по опухшему лицу. Две фигуры в поисках утешения цеплялись друг за друга, их окутывал фиолетовый саван скорби. Если бы они лежали голые, и то не было бы так стыдно. Мы с Никой застали нечто гораздо более глубокое и личное, чем физическая близость.

– О-о, святые небеса! – сипло воскликнула Рита, когда наконец заметила нас.

Печаль сорвало щекотно-лимонной волной радостного удивления. Я помотала головой и скользнула в сторону, когда папа и Рита кинулись обнимать Нику.

– Вы живы, вы живы, вы живы, – без конца твердил он, и слезы потекли по небритым щекам.

– Слава ангелам, вы целы, поверить не могу, – хрипела Рита, изумленная, обрадованная, но по-прежнему не свободная от своей горечи.

– Виктория, – прошептал папа. Я скованно улыбнулась в ответ.

Радость при виде дочерей сменилась неловкостью. Папа вскинул руки и тут же сцепил за спиной: безумно хотел обнять меня, но не смел. От его любви, что обвивала мягчайшим шарфом и убаюкивала, закружилась голова. Новая улыбка получилась более теплой и искренней.

– Я рада, что с вами все хорошо, – произнесла Рита, но тут же шлепнула себя по губам и добавила: – В смысле... ну я имею в виду...

– Мы живы, – подсказала Ника, – и это здорово.

Еще несколько мгновений мы переводили друг на друга сияющие взгляды, но из коридора вползло отвратительное беспокойство. Колючими щупальцами оно проткнуло радость и облегчение, растерзало и вышвырнуло вон. Восторг растаял, я пожалела, что мы вообще сюда явились. Так странно и обидно: секунду назад я радовалась встрече, а теперь хотела оказаться как можно дальше от этих людей. Их чувства были невыносимы.

– Но как? И зачем вы пришли, – прошептал папа и обернулся к окну: убедиться, плотно ли оно закрыто. – Дом охраняют целый день, нам даже двери запираться не разрешают.

– Что? – возмутилась Ника.

– Вы же разыскиваемые преступницы, – с печальной гордостью произнес папа. – Вас ищут после того, что случилось в доме вашей бабушки. Нас допрашивали, каждую неделю обыскивают комнаты и проверяют компьютеры.

– Вот ведь уроды, – вскипела Ника.

Я хотела ее поддержать, но от горечи, которую источала Рита, свело язык.

– Мне так не хочется вас отпускать, но лучше бы вам уйти, пока никто не заметил, – сказал папа.

– Да, но нам кое-что нужно. – Ника мигом настроилась на деловой лад. – Завещание, оно у тебя?

– Конечно. Вот только я позабыл, куда...

– В столе, – мягко подсказала Рита.

Папа хлопнул себя по лбу и, покраснев, принялся копаться в ящиках.

– Вот оно. Простите, родные, какой же я глупый.

– Брось, пап, – улыбнулась Ника, а я слабо кивнула. Стоять рядом с Ритой было тошно. – Ну-ка, что это здесь.

Она открыла конверт и вынула сложенный лист бумаги. Разумеется, только бабушке могло прийти в голову потратить немислимые деньги на бумагу, а потом еще выводить строчку за строчкой, когда можно за пару минут наговорить все компьютеру. Убористые буквы покрывали кремовую поверхность листа так тесно, что ни слова не разобрать.

– Как это вообще прочитать? – пожаловалась я и протянула руку, собираясь забрать листок у сестры. Когда пальцы коснулись плотной бумаги – Ника все еще сжимала ее, – чернила потекли, стали собираться каплями и соскользнули на пол. Вместо влажного «кап» раздался звон – на полу лежал потемневший металлический ключ с резной головкой.

– Ловко, – произнесла Ника и подобрала его. – Бабуля была той еще прохиндейкой.

– Ты знала? – недоверчиво спросила я.

– Ну, подозревала что-то подобное.

– И как это понимать?

– Магия, смерть предыдущего владельца, совершеннолетие и прочие мелочи. Как я и говорила, – самодовольно заявила сестра и сунула ключ в карман.

– Не слишком ли удачно? – продолжала допытываться я, радуясь нахлынувшей злости – помогало бороться с Ритиной душевной болью. – Мы договорились действо...

– Ладно, пап, Рита, очень жаль, но нам надо уходить, – засуетилась Ника. – Вот только... м-м-м... загляну в дамскую комнату.

Она выскочила в коридор.

– Ладно, с ней я разберусь потом, – прокурорским тоном заявила я и повернулась к Рите. – Что случилось?

– Н-ничего, правда, – перепугалась та.

– Не забивай голову, – как ему показалось, беззаботно сказал отец.

– У меня зубы сводит от горя и вранья, а дом похож на пыльный подвал. Говорите.

Не знаю даже, откуда взялось упрямство, мне и своих проблем хватало. Но казалось, если узнать причину несчастья, оно не будет так сильно давить и отравлять воздух.

– Скажи ей, а я пойду приготовлю девочкам бутерброды в дорогу, – выкрутилась Рита, проскользнула мимо меня и унеслась на кухню.

Отчаяние волочилось за ней как подол траурного платья.

– Э, ну, понимаешь, мы, – заблеял отец. Бегство жены выбило его из колеи. – Ну, в общем... Мы не можем завести ребенка.

Я ожидала услышать что угодно, только не это. Краска стыда залила лицо и шею, сердце смущенно сжалось. За десять минут я успела дважды влезть в настолько интимные сферы, что и придумать страшно.

– Извини, – пробормотала я. – Надеюсь, э-э-э, все получится.

– Не уверен, – покачал головой папа. – Мы уже все перепробовали, но... Выкидыш...

Он судорожно сглотнул и провел рукой по лицу.

– Ладно, можем отправляться. Что такое?

Ника вернулась из «дамской комнаты» и теперь, прищурившись, переводила взгляд с меня на папу. От неуклюжих объяснений нас избавила Рита.

– Бегите! Они знают, что вы здесь! – Она побледнела, тряслась и комкала в руках кусок хлеба.

– Но как? – остоленела Ника.

– Говорят про следы или что-то такое.

Я перевела взгляд на мокрые джинсы, перепачканные землей кроссовки. Наверняка мы нанесли кучу грязи. Да и демон когтями попортил лужайку.

– Проклятый брюнд! Мы идиотки!

– Сидите здесь, – приказала Ника, вытолкала меня из комнаты и закрыла дверь.

– Только бы их не тронули.

На спину давила холодная тяжесть, словно я опять тащила промокший насквозь рюкзак.

– Идем, – шепнула я. – Главное добраться до Рогача...

Но кто-то уже поднимался по лестнице.

Мы с Никой переглянулись и в ужасе раскрыли рты. Кожа покрылась мурашками, холодок...

Холодок.

Повинуясь мысли, страх покинул разум и тонкими слоями льда улегся на ступени.

– Приготовься, – шепнула я, выпрямляясь. Почти вся дрожь ушла, не осталось боязни, только уверенность.

– Руки! – вскрикнул инквизитор, но тут же поскользнулся и упал.

Я выдохнула остатки испуга на мужчину, и он покрылся инеем.

– Недурно, – похвалила Ника. – Или как сказать.

Инквизитор едва шевелился – тут я преуспела, но вот спускаться по скользкой лестнице было нелегко. Я цеплялась за перила, Ника – за меня. Прощай правило номер один.

Внизу уже ждали.

– Так-так.

Коренастый инквизитор вскинул ружье, еще один вышел из кухни и последовал примеру напарника.

– Сожри их, – спокойно произнесла Ника.

– Нет! – воскликнула я и, прежде чем демон напал, махнула рукой.

Мысли и эмоции размазались, сознание спуталось и померкло.

«Как просто. И как приятно»

– Не знала, что ты так можешь, – восхитилась Ника, а затем посмотрела в мое лицо и побледнела. – Но это жутко. У тебя глаза горят.

Я и сама чувствовала. Старой кожей сползли скованность и страх, сомнения, застенчивость и опасения. Сила поднималась изнутри, плескалась, пылала. Бабушка постоянно твердила о сдержанности, но...

«К брюнду все!»

– Они там, – встряхнулась я и пошла к выходу.

– Стой. Да стой, говорю! – звала Ника. Но какое мне до нее дело?

Вокруг загорались людские души, звенели и вспыхивали разумы, чувства пронизывали воздух, эмоции носились стаями птиц. Я отзывалась на них. Я могла сделать с ними что угодно.

– Виктория, да погоди ты! – в отчаянии воскликнула Ника.

Но я уже стояла под ярким солнцем. Весь газон разворочен – конечно они заметили.

– Вон они! А ну стоять!

Трое инквизиторов окружили нас и грозили ружьями. Какие уверенные, какие упорные. И глупые.

– Что у нее с глазами? – вырвалось у одного.

Они готовы были спустить курки, но я щелчком отбросила их уверенность, точно назойливую муху. Мужчины пошатнулись и отступили. Азарт вытеснялся испугом.

«Ну уж нет, так просто вы не отделаетесь»

Гнев хлыстом стеганул инквизиторов, и они рухнули на колени. Ружья бесполезными игрушками выскользнули из рук. Как волна размывает песочные замки, я стерла все чувства и выстроила новые. По своему усмотрению. Они были неказисты, уродливы, поросли темно-фиолетовыми цветами – отчаянием, безысходностью, страхом смерти.

«Чувствуйте, твари! Чувствуйте, что значит, быть слабыми, ничтожными!»

Мужчины, высокие, сильные мужчины, корчились на земле, плакали, стонали и звали на помощь. Бороды мокли от слез, крепкие тела сворачивались в клубочки.

Всемогущество, безудержность – как это приятно! Сила кипела и плескалась, ширилась и обжигала.

В какой-то миг жар стал невыносимым, в голове бухнуло и стало тихо. Холодно, пусто, одиноко.

«Нет, я не хочу, вернись!»

– Чтоб тебя, Виктория! – пропыхтела над самым ухом Ника. – Я тебя не для того звала.

Кто-то тащил меня, пихал, дергал. Слышалось отдаленное рычание. Встряска, головокружение. А затем вспышка боли.

– Да шевелись же ты хоть немного! – кричала Ника. – Давай!

Щеки горели от ее ударов, и это привело меня в чувство. В голове еще гудело, а легкие словно стали вдвое больше, но мысли немного прояснились.

– Залезай, залезай.

Ника подтолкнула меня к демону, помогла взобраться. Отовсюду доносились крики, плач. Рвануло – мы взлетели.

Холодный воздух отрезвлял получше сестринских оплеух. Постепенно я приходила в себя. И в ужас от того, что натворила и того, что едва не случилось. Понимала головой – сердце-то превратилось в камень.

– Это замечательно, что ты такая крутая, – ядовито шипела на ухо Ника. – Но в следующий раз будь аккуратней. Я тебя позвала, чтобы ты меня прикрывала, а не подставляла. И еще: не смей больше называть меня кровожадной.

Мы вновь неслись над городом, а позади, на мокрой траве, корчились и тонули в безнадежности инквизиторы. В этот раз полет не принес удовольствия или неудобств. После всплеска силы я онемела душой. Ни капли страха, предвкушения, надежд – ничего. Подобное уже случалось, и я вновь и вновь клялась больше так не делать. А потом срывалась. Слишком соблазнительно было дать себе волю, снести границы и... чувствовать жизнь – свою, чужую. Вертеть, как заборорассудится, вылепливать самые разные формы.

Вскоре мы зависли над плоской крышей бабушкиного особняка. Трое или четверо инквизиторов бродили по запущенному саду с ружьями наперевес. Демон на этот раз приземлился мягче, едва не задев каменные шишечки на парапете, и мы с Никой спрыгнули на толстый ковер мха.

– Где-то здесь, – бормотала сестра и рыскала по крыше в поисках люка.

А я пыталась унять головокружение. Слабость немного отступила, но руки и ноги слушались плохо. Подобные ощущения были после того единственного случая, когда я попробовала алкоголь: будто оказалась глубоко внутри собственной головы и никак не могла дотянуться мыслями до конечностей, чтобы отдать им приказ.

– Ага, – выдохнула Ника.

Она принялась отдирать куски мха.

– Помоги-ка.

Я опустилась рядом, стала терзать мох, хоть пальцы напоминали переваренные сосиски. Тем не менее пару минут спустя обнажились квадратная крышка – подгнившая, с ржавыми петлями – и замочная скважина. Ника вставила ключик и повернула. Попыталась.

– Брюнд! Не получается! – Она даже закричала от усердия.

– Осторожно, ты его сломаешь, – сказала я и попыталась оттолкнуть сестру. Вышло как с завещанием: стоило нашим рукам соприкоснуться, сработали чары, и ключ повернулся.

– Хм. Опять, что ли, допущение? – пробормотала Ника. – Изящно, но глупо. Ты, например, могла умереть. Я – вряд ли, но все же.

– Что? Какое допущение? О чем ты вообще?

– Да так, ни о чем. Получить ключ и открыть дверь мы могли только вместе. Своеобразная защита от воров.

Я все еще туго соображала, чтобы вникнуть в смысл ее слов.

В следующий миг раздался свист, шипение, и демон взревел от боли. Толчок невидимого крыла, я полетела головой вперед, попыталась уцепиться за сестру, но в итоге

мы обе рухнули на деревянный пол чердака. Из легких вышибло воздух, голова звенела как пустая кастрюля. Демон явился мгновением позже – в урагане щепок и мха проломился в люк и темной грудой рухнул возле нас и не шевелился.

Ника придушенно выругалась.

Из рассеченного надвое крыла демона текла кровь. А вместе с ней утекала наша возможность отсюда выбраться.

Глава 9. Оскорбленная Ева

Пятеро отвернулись от пылающего города и словно пытаются защитить от огня скорчившегося человека. Но нет, я понимаю, что они здесь не ради спасения, а ради мести. Каменные руки держат копья, пронзают ими несчастного.

– Хватит! – кричу я, но не могу пошевелиться, ведь меня тут нет. – Отпустите его!

Каменные головы поворачиваются из стороны в сторону. Темные глаза недобро прищурены.

Человек дергается, поднимает голову, и я кричу.

«Давно пора»

Я кричу.

– Ой! Успокойся! Да что с тобой?!

Сон вцепился в глаза. Даже с поднятыми веками я видела только изувеченное лицо Фабиана. Кожа сползла, мышцы и кости бесстыдно обнажились, один глаз исчез, другой превратился в кровавый сгусток.

– Ты как? – раздался взволнованный голос Тибальта. Он сидел на краю кровати и держал меня за плечи.

– Нормально. Выйди, – рыкнула я.

Отношения у нас были легкими, так что Тибальт скорее удивился, чем обиделся. Но послушно скрылся за дверью. Предстать голой – совсем не то, что растерянной и перепуганной. Одного я не стеснялась, а вот другого терпеть не могла.

После ночных приключений тело ныло, обида на Рагнара несостоявшимся чихом щекотала нос и глаза, да еще этот сон. До ужаса настоящий. Будто взаправду стояла на

крыше, вокруг вилось пламя, пожирало мир, а Пятеро мучили служителя. Того самого лапочку-служителя, который спас меня.

«Моего служителя, брюнд их подери!»

«Он прекрасен», – томно вздохнула Затейница.

«А вот ты – нет, – отрезала Вредина. – Иди умойся и причешись»

К палате примыкала небольшая ванная. Там я скинула одежду и как следует рассмотрела себя. Выглядело сносно: несколько синяков и разводы от бальзама не в счет. Под правой грудью чувствовался комок, но это уже была не раздирающая боль. После душа я плюхнулась на кровать, пару раз глубоко вдохнула, нацепила озорную улыбочку и только после этого позвала Тибальта.

Он нес перед собой, как щит, поднос, доверху заполненный едой.

– Хм, – протянула я и уперла руки в бока.

– Та-дам, – пропел Тибальт и поднял повыше ведро с мороженым.

– Ладно, можешь приблизиться и вкусить пищу в моем присутствии, – чопорно произнесла я и тут же добавила: – Садись, я тебе тако-о-ое расскажу.

– Еще бы не рассказала, – воскликнул Тибальт и забросил в рот виноградинку. – Я вчера получил психологическую – и не только – травму, так что требую возмещения. Вот, смотри. – Он закатал рукава футболки и показал несколько здоровых синяков на предплечьях – явные следы крупных мужских рук.

– Рагнар? – виновато спросила я. – А чего не исцелил?

– Тебе показать хотел, – пошутил Тибальт. – Само пройдет.

Он учился на целителя, но себя лечить не позволял.

– Сплю я, значит, почти голый, естественно, жарко ведь, и тут залетает твой дорогой брат, вышвыривает меня из палатки и начинает трясти. Не буду повторять все гадости, что он наговорил, да и ничего нового я не услышал.

– Прости, – покаялась я. – Так хотелось, чтобы все получилось классно, а в итоге всем влетело.

– Ну, ты спасла двух человек – не так уж плохо.

– Как они там?

– Нормально, – отмахнулся Тибальт. – Рассказывай.

Так, поглощая завтрак, я без утайки – почти, ведь о Затейнице и остальных он не знал, – поведала все, что произошло ночью.

– А ну не трогай! – воскликнула я и шлепнула Тибальта по руке, когда он потянулся к мороженому. – И тут...

– Хорош гнать-то! – воскликнул Тибальт, когда услышал про инквизитора-медвежонка. Пришлось приструнить его, дернув за стянутые в хвост волосы.

– Молчи и слушай дальше, это еще не все!..

– Да врешь ты! – снова перебил он, когда я рассказала про Фабиана. – Ай, прекрати, больно же!

– А ты не перебивай!

– Ты меня дуришь...

– А вот и нет! Спроси у этих, которых я спасла. Они там были, все видели.

Тибальт прищурился:

– Ладно, узнаю потом.

Как славно было валяться в постели бок о бок с Тибальтом, смотреть на его удивленное лицо, слышать завистливые вздохи. И кушать. Лучшее занятие на свете! После вчерашнего я никак не могла наесться.

– Ну ты даешь, – прошептал Тибальт. – Я просто в ужасе, и в восторге, и снова в ужасе. Знаешь, все-таки это было...

– Не смей! – закричала я и вскочила на кровати, выставив вперед ложечку. – Только попробуй сказать, что это было глупо!

– Ладно-ладно, молчу.

– Но это было глупо.

– Эй!

– А что? Да, я глупая. И великолепная.

– Кто ж спорит? Но я поверить не могу, что ты так легко попалась, – посетовал Тибальт, пока я накручивала на палец прядку его длинных волос. – Мы ведь решили, что от света надо держаться подальше. Ай!

– А то я не знаю. – Пришлось отпустить волосы: он такую рожу скорчил... – Случайно вышло. Я просто забыла.

– Ага, как же, – усмехнулся Тибальт. – Великолепная Ева-я-всегда-все-знаю-лучше-всех что-то забыла? Не верю, ты ж у нас чудо-девушка. Ну хватит!

Он подскочил, когда я снова попыталась дернуть его за хвост.

– Посмотрела бы я на тебя. Небось не ушел бы дальше парка.

– А вот и нет.

– А вот и да.

– А вот и нет.

– А я говорю... Да ладно, не важно. Чем сегодня займемся?

Тибальт на мгновение замер, а потом на его лице расплылось виноватое выражение.

– Что? Что? Что-что-что?! – затараторила я. – Говори. Все мой братец? Он еще что-то придумал?

– Не понимаю, почему вы с Рагнаром называете друг друга «братец» и «сестрица»? Это как-то тупо, – не слишком умело сменил тему Тибальт.

Я села на кровати, скрестила ноги и поджала губы, точно психотерапевт на приеме.

– Мы болезненно осознаем наше неродство, но стараемся поддерживать статус отношений. – Тут психотерапевт сдулся, и снова вылезла я. – Ну, и еще родителей не хочется обижать. Они надеются, что мы таки подружимся. Но это все чепуха. Что не так?

Тибальт вздохнул и повернул мои руки запястьями вверх.

– Всегда хотела татуировку, – преувеличенно спокойно сказала я, – но это уж слишком.

На левой руке чернел знак Принуждения, на правой – Сковывания.

– Ладно. Пустяк. Разберемся. Да? Мы ведь сможем?

Тишина.

– Тиба-альт.

– Сомневаюсь, – признался он. – Не мне тягаться в магии с Рагнаром. Да и не тебе.

– Ну... ну тогда я просто подожду. Да, точно. Не могут они быть крепкими. Сами растают. А мы пока фильм посмотрим.

Тибальт покачал головой.

– Меня Рен завалил работой с головой. Я улизнул, чтоб тебя повидать, но пора возвращаться.

– Ой, да знаю я, как ты работаешь, не заливай.

– Нет, серьезно, у меня дел куча и вообще...

– Прекрасно. Иди работай и думай, как от этого избавиться. А я пока найду братца.

– Да его нет, – крикнул вдогонку Тибальт, но я уже неслась прочь.

«Нет его, как же. Куда он денется»

Коридор остался за спиной, я бежала по приемному залу, мимо кроватей и шкафов, забитых зельями, ингредиентами и разными медицинско-целительскими штучками. Рен сидел за полукруглым столом и разбирал бумаги.

- Самочувствие? – спросил он, не отрываясь от чтения.
- Иду убивать Рагнара, – бросила я от самых дверей.
- Здорова, – решил целитель.

За окном разгорался новый день, солнце теплыми пальцами пробегало по армии палаток и спальных мешков, поднимало веки, дергало за носы. Утренняя свежесть находила неприкрытые части тела и, озорно щипая их, заставляла людей ворочаться и просыпаться. Но меня не отпускали ночные события. Вчерашняя вылазка казалась умной и дерзкой среди теней, хруста битого пластика и шагов инквизиторов, но при дневном свете обернулась чахлым уродцем. В придумках всегда можно было положиться на Тибальта, но в этот раз обычного восторга не выказал и он.

Где-то через час я поняла, что иногда следует прислушиваться к словам других людей. Отмотав не один километр по всем этажам Башни, пришлось признать: Рагнар действительно отлучился. Или отлично играл в прятки. Кожа под татуировками чесалась, непреодолимо захотелось... пойти на лекции. О, гадкие ангелы, за что?! Рагнар, чтоб тебя демоны надкусили!

Унизительным было даже не то, что придется сидеть на занятиях, а невообразимая наглость братца, который воспользовался магией и принудил меня к этому. Вообще-то я не была обязана учиться, тем более в Ордене, где готовили Великих Защитников Человечества. Раньше прекрасно обходилась книгами из библиотеки приемных родителей. Но тот случай, после которого у дома снесло половину крыши, а окрестности заполонили подозрительные розовые белки, вынудил их поставить ультиматум.

– Или ты учишься под присмотром, или больше ни одного заклинания! – приказала Орели.

А после отправилась вытаскивать мужа и собаку из-под завала и просить прощения у соседей за стухшую воду в бассейне. И, разумеется, заперла двери библиотеки.

Сначала я упрячилась, потом Мереш закрутил всю эту чушь с инквизицией, а затем все застряло в Башне. Рагнар постоянно напоминал, что теперь я могу обучаться у лучших магов королевства, и даже перезнакомил со всеми преподавателями. К облегчению последних – после нескольких занятий мы поняли, что нам не по пути, – чаще всего я прогуливала занятия и развлекалась с Тибальтом. Между прочим, наше общение не проходило впустую: взять хотя бы переработанный Ночной бальзам. Но у Тибальта все-таки была работа в Больнице, поэтому мне, чтобы убить время и не навлечь гнев братца,

приходилось иногда сидеть на уроках вместе с новым поколением Великих Защитников Человечества.

Оттягивая неизбежное, я бродила по коридорам и подыскивала аудиторию, где было бы не совсем уныло. Лаборатории обходила стороной – там одни ботаники. В спортзал тоже не тянуло – вчера набегалась. Через окошко понаблюдала за группой, которая практиковала «рассеивание». Один парень – невероятный крутяк! – воплотился огнем и смог сохранить форму тела. Я вспомнила кляксу, в которую превращалась сама и устыдилась. Но не нашла сил, чтобы присоединиться. Возле кабинета прикладной магии татуировки вспыхнули, будто на меня напали лишай и блохи одновременно. Тут-то и раскрылось все коварство Рагнара: он не просто вынудил меня заниматься, но заниматься под руководством Натана.

«Он об этом пожалеет», – изобразила мужской голос Затейница и мысленно похрустела пальцами.

«Согласна», – поддержала Вредина.

«Я в деле», – вставила Зануда.

Уж вчетвером мы покажем ему.

– Ладно-ладно! – завопила я и ввалилась в аудиторию. Жжение тотчас пропало. Все уставились на меня. – Чего вылупились? Сражены моей неземной красотой?

Натан – низкий, но крепкий, с вязью шрамов на лице, – которого мое появление прервало на полуслове, скривил рот и приказал садиться.

– Эй, Ева, – зашептал Леонид с задней парты. – Говорят, у тебя вчера была жаркая ночь с Тибом?

– Ага, точно, аж по стенам брызгало.

– Сидеть-то не больно? – похабно заржал Леонид и поерзал на стуле.

Я развернулась к нему и спокойно сказала:

– Хочешь узнать, каков Тибальт в действии, так и скажи. Но тебе-то уж точно будет больно сидеть.

Широкая физиономия Леонида налилась кровью, мускулистые руки напряглись, но тут вмешался Натан:

– Ева, твоя сексуальная жизнь, бесспорно, весьма интересна. Но могу я продолжить лекцию?

– Нет, она скучная, – без обиняков заявила я.

– Тогда почему бы тебе не выйти?

Я невольно покосилась на руки, и Натан ухмыльнулся:

– Если хочешь остаться, сиди тихо.

Леонид хихикнул.

«Придурок!»

Натан рассказывал то, что я давно знала, но уйти и страдать от чесотки, было выше моих сил. Хотя зуд нетерпения и скуки едва ли был лучше.

Мучения длились еще минут сорок, а затем мы приступили к практике. Натан раздал всем по обычной пластеклянной банке с водой и сказал, что мы должны применить новые знания: для начала вскипятить воду, потом заморозить, превратить в пар. Короче, выполнить стандартный набор трансформаций.

«Жалкие первокурсники», – со злостью думала я, выискивая в пространстве точку для приложения магии – так называемый пунктум.

Вокруг сидели напряженные парни и девушки, все, как наркоманы под блиссом, водили руками по воздуху. Пожалуй, стоило присоединиться к «рассеивавшимся» – куда веселей.

Я зевнула и надавила на точку магии слишком сильно: вода вырвалась из банки столбом пара.

– Осторожнее, Ева, – прогудел Натан. Он меня недолюбливал. Наверное, потому что пару шрамов получил именно после наших занятий.

Искать пунктумы – дело нудное и скрупулезное – требовало терпения, которым я никогда не отличалась. А вот Зануда была в своей стихии.

«Сюда, – бормотала она, от усердия высунув язык. – А теперь сюда»

Мизинец коснулся пунктума заморозки, я лениво выпустила магию, но тут...

*Блики зеленоватого света... Шелест и вздох... Белая кожа и холодное касание...
Такое холодное...*

– Ну хватит! – рявкнул Натан, схватил меня за локоть и вытолкал в коридор.

Я все еще была во власти видения – видения? да ладно! – поэтому не сразу сообразила, что произошло. Аудитория напоминала зимний пейзаж, а студенты хмурых гномиков. Всюду снег, целые сугробы снега.

– Миленко, – улынулась я, но Натан захлопнул дверь прямо перед носом.

«Что это было?»

«Ничего особенного», – отозвалась Вредина.

«Это было... проникновенно», – шепнула Затейница.

Точно, отличное слово: проникновенно. *Это*, чем бы оно ни было, казалось едва ли не более настоящим, чем стены и люди вокруг.

Закралась ужасная мысль: а что, если «рассеивание» прошло не так гладко? Вдруг я навредила себе и даже не поняла этого? Под грудью по-прежнему болело, но что насчет головы? Как знать, собрался ли мозг в нужном порядке, все ли вернулось на места?

Тибальт. Срочно к Тибальту. Уж он-то поймет, что произошло. Или хотя бы успокоит. Магия татуировок немного утихла, время есть. Скорее в Больницу к...

Нет, сначала за мороженым. Без мороженого такие дела не делаются.

* * *

«Интересно, он качается?»

«Вряд ли, служитель все-таки»

«Ну и что? Руки-то у него крепкие!»

«И плечи такие широкие...»

«А эти ямочки на щеках? Я балдею»

«О, да-а-а, ямочки...»

– Ева, ты меня вообще слышишь?!

«Вот бы их погладить»

– Ева!!! – заорал Тибальт, и мы испуганно умолкли. – Где ты витаешь?

– Что? Нигде, здесь, тут я, то есть... э, да. Ты придумал, как избавиться от ямочек...

Ой, татуировок, я имела в виду татуировки, да. Меня волнуют татуировки. Гхм.

– Иногда ты просто... Ладно, не важно. Смотри.

Он протянул планшет, на экране которого блондинка с неестественно гладкой кожей зачитывала новости:

– ...арестованы. Им предъявлено обвинение в пособничестве колдовству. Судебное заседание состоится на следующей неделе.

– Да это ж папа Виктории! – воскликнула я, наконец сообразив, чье лицо висело слева от блондинки. Затем ведущая, будто ареста было мало, перечислила все его «грехи»: отключение жены от аппарата жизнеобеспечения, Выдворение из Церкви после второй женитьбы, оппозиционные высказывания, даже припомнила дом на отшибе – и впрямь великое преступление.

– Тем временем завершаются приготовления к заседанию Совета Конфедерации. Главы стран-участниц прибудут в Первоград через пять дней: в субботу двадцать первого июля...

Тибальт выключил планшет и поделился еще одним известием:

– Твои подружки не просто навестили родителей...

– Отца и мачеху, – машинально поправила я.

– Да какая к брюнду разница! Так вот, там они напоролись на инквизиторов. Угадай что? Все они – четыре человека – теперь в психушке. А потом дикие сестрички забрались в дом своей бабушки. Их едва не подстрелили, но что-то не дало лазеру до них дотянуться, прикинь. Теперь там целая куча инквизиторов, ждут, пока девчонки покажутся.

– О эа а, – восхитилась с полным ртом лимонного мороженого. – Есть еще нормальные люди, не сидят сложа руки. Хотя ума не дам, что им там понадобилось.

– Смеешься? Дом Агаты Дроздовой? И правда, что им там понадобилось? – фыркнул Тибальт. – Да это пещера сокровищ. Лорд Ланкастер чуть ли не на руках старушку носил, у них какие-то свои дела были. Ты вообще, что ли, не в курсе?

– Неа, Орели с ней дружила и иногда таскала меня с собой, но всегда отправляла с Викторией и Никой играть в комнату.

– Я слышал, – Тибальт понизил голос и оглянулся: нет ли кого поблизости, – как Рен разговаривал с Мавериком. Лорд Ланкастер на взводе, вроде бы отправил людей к дому Дроздовых.

– Зачем? Чего он там ожидает увидеть? – удивилась я.

– Без понятия, но все ходят хмурые и напряженные.

– Ну, нам-то все равно никто ничего не расскажет. Я тут хотела с тобой поговорить кое о чем...

Мы закрылись в пустой палате, где я поведала о своих галлюцинациях, но Тибальта известие ничуть не удивило.

– Не беспокойся, – посоветовал он. – У тебя органы сместились, и было внутреннее кровотечение. Рен целое ведро снадобий в тебя влил, к тому же, – повысил он голос, отменяя возражения, – тот служитель что-то вколол. Кто знает, как лекарство и зелье уживаются внутри?

– Как скажешь, – согласилась я: все лучше, чем думать, что у меня мозги набекрень.

– Что там с татушками?

Тибальт сразу же посерьезнел.

– Порадовать тебя нечем, нужно это обмозговать как следует.

– Еще чуть-чуть и мне захочется сделать доклад по истории, – пожаловалась я.

Дверь распахнулась, в проеме появился Рен.

– Тибальт, работа, – напомнил он обычным бесстрастным тоном.

– Да-да, я уже.

– Хочешь? – протянула я целителю ведро с мороженым. Меня озарило.

– Нет.

– Рен, слушай, а ты не мог бы убрать вот это.

Он оценил татуировки профессиональным взглядом, но ответом не удивил:

– Это ваши с братом отношения, не стану вмешиваться и принимать чью-то сторону.

– Но ведь, если ты не помогаешь мне, то получается, что помогаешь ему, верно? –
выдала я блестящее умозаключение.

– Нет, – ответил Рен и пригладил светлые волосы. – Не будь меня здесь,
происходило бы ровно то же самое.

Плешивые ангелы! А ведь он прав.

– Но, но... Но я уже совершеннолетняя.

– Согласен.

– Взрослая и могу сама решать, что делать.

– Разумеется.

– Могу, если захочу прямо сейчас пойти на улицу и показать инквизиторам язык или
загорать на крыше голая.

– Это глупо, но да – можешь.

– Выходит, – с нажимом продолжала я, – что Рагнар ограничивает мою свободу, а
это незаконно... Да, точно, это незаконное удержание. Ты обязан меня освободить, ха!

С сияющей улыбкой я протянула руки, но Рен даже не посмотрел на знаки чар.

– Хорошая попытка, – с сочувствием сказал он. – Но Рагнар глава отдела
безопасности и вправе арестовывать людей, если посчитает, что они могут навредить
Ордену.

– Да какой от меня вред?!

– Ты слишком много знаешь и слишком юна, чтобы не выдать сведений, если... м-м...
тебя станут пытаться.

– Я, между прочим, людей спасла! И не попалась.

– Спасла, никто не спорит. Но ты *почти* попалась. Этого достаточно. Тибальт, за работу.

Рен ушел, а я в гневе смяла картонку из-под мороженого.

«Так бы и сломала что-нибудь!»

«Почему бы и нет», – откликнулась Затеяница и нарисовала в голове образ.

– Тибальт, у меня блестящая мысль.

– Ты чокнулась! – выдал он, когда я закончила.

– Сама сделаю!

– Еще чего. Подожди немного, я все приготовлю.

Спустя полчаса, притворившись, что в палате одиннадцать нужно восполнить запасы бинтов и мазей, мы с Тибальтом принялись за дело.

– Ты увер...

– Спросишь еще раз, и я придушу тебя подушкой!

– Ладно-ладно, я просто... На, закуси. – Он протянул плотный резиновый цилиндр

– Зачем?

– Чтобы криков слышно не было.

Я стиснула зубами кусок резины, а Тибальт со страдальческим вздохом взял скальпель и приложил к коже.

– Последняя возмо... Ай! Ну хорошо. Приготовься.

От магии лезвие накалилось, Тибальт чуть надавил, раздалось шипение, потекла кровь. Я выгнулась и замычала от боли, полились слезы, но оно того стоило – татуировка, рассеченная в самом узком месте, стала бледнеть, сила покидала ее.

– Давай, передохнем, – предложил Тибальт, но я замотала головой: пусть все кончится побыстрее.

Второй надрез дался тяжелее, я едва не свалилась с кровати от жжения и судорог, но Тибальт держал крепко.

– Что там такое? – послышался из коридора голос Рена.

– Ничего! – испуганно отозвался Тибальт. – Ева палец прищемила!

– Думаете, я не знаю, чем вы там занимаетесь?

– Мы молодые, нам нужно! – крикнул Тибальт первое, что пришло в голову.

– Две минуты, – произнес прямо за дверью Рен и удалился.

– Обожаю его, – простонала я, пока Тибальт смазывал и бинтовал раны.

– Ну конечно, его ты обожаешь, а я так, случайно забрел. Ты просто сумасшедшая.

– Правда? – фыркнула я и принялась баюкать замотанные руки. – Один меня режет, другой не собирается это останавливать. Кто еще псих?

От такой наглости Тибальт даже не нашел, что ответить.

«Ну а теперь ямочки», – пропела Затейница и – какая редкость – Вредина с Занудой поддержали ее.

* * *

Остаток дня я была паинькой: не грубила, не лезла с советами, не вынюхивала. Почти. Проходя мимо кабинета лорда Ланкастера, не удержалась – дверь-то была приоткрыта! – и прислушалась.

–... никаких сведений, они все удалили. Там отдельная вышка – не подобраться...

– Ева! Что ты тут забыла! – раздался голос лорда Ланкастера, и я унеслась прочь, пока не объявился его хозяин во плоти и гнев.

Кроме того я отыскала парня и девушку, которых спасла прошлой ночью. Мы немного поболтали: парня вылечили, так что он мог ясно выражаться, а девушка рассыпалась в благодарностях и трещала без умолку. Еле вырвавших из их доброжелательных пут, я поняла, что так и не запомнила имен. Парочка осталась просто «парнем и девушкой, которых я спасла».

Короче говоря, вела я себя на удивление примерно. Тем обиднее были слова дорогого брата.

– Ты что-то затеваешь! – заявил Рагнар, столкнувшись со мной в коридоре.

– Неправда! – возмутилась я.

«Как сказать», – вмешалась Зануда, но Затейница шикнула на нее.

– Ева, я прекрасно знаю, как ты выглядишь, когда собираешься что-то сотворить.

– Да я сегодня просто ангел!

– Вот именно. Я слежу за тобой.

«Может, стоит все отменить?» – предложила Вредина.

«Ни за что!» – откликнулись мы с Затейницей.

«Рагнар не позволит тебе...» – начала Зануда, но я уже все продумала.

Чтобы Рагнар не узнал о запланированном на ночь, пришлось немного разбавить гущу будней. Наведавшись в лаборатории, я умыкнула несколько пузырьков и состряпала презабавненькое зельице, а после дополнила его самодельным заклинанием.

В половине пятого меня с руганью заперли в комнате. Рагнар самолично зачаровал двери, после того как не смог даже слова вымолвить от гнева. Впрочем, не думаю, что всему виной была я: в Ордене весь день была какая-то суматоха, в суть которой не очень-то хотелось вникать. Меня занимали иные размышления.

«Чего они так разозлились?»

«Кому понравится, что серебряные хрюшки распевают песни, пока ты делаешь дела в туалете?» – риторически спросила Зануда.

«Мне!» – воскликнула Затейница и разразилась хохотом.

До часа икс было еще полно времени, поэтому я развалилась на постели и предалась мечтам о...

«Ямочках»

«Широких плечах»

«Крепких руках»

Немыслимо, но Фабиан не шел из головы. Где это видано, чтобы ведьма вздыхала по служителю? И все-таки я не могла думать ни о чем, кроме встречи, которая состоится сегодня после полуночи.

«Он будет ждать, я уверена»

«Еще бы не ждал», – буркнула Вредина, но что она имела в виду, так и не объяснила.

В коридоре слышались шаги, голоса, суета, но я была далеко, чтобы обращать на нее внимания. Слишком далеко, слишком мягко, слишком слишком...

«Проснись», – растормошили меня Затейница, Вредина и Зануда.

Снаружи все стихло, солнце укатилось за горизонт и утянуло за собой все до единого лучики света.

«Пора», – шепнула Затейница.

Окно – Рагнар слишком торопился и не подумал об этом – распахнулось, и свежий ветерок пронесся по комнате, взъерошил волосы, мягко коснулся пылающих щек.

Я была чересчур взбудоражена мыслями о скором свидании – свидании, подумать только! – чтобы сотворить «рассеивание», но все прошло на удивление гладко. К счастью, небо заволокли тучи, так что я могла спокойно слиться с ними, никто бы и не заметил. «Незримое рассеивание» я пока не усвоила.

И вот я-тень-дым-пятно выплыла из комнаты, проскользнула мимо темных окон, старательно избегая тех, за которыми горел свет, достигла высшей точки Сферы и

вырвалась на волю. Башня гигантским пальцем грозила неприятностями по возвращении, но все мои мысли устремились к другой крыше, той, что окружали пять крылатых фигур.

Все шло прекрасно, возбуждение нарастало, я уже продумывала разговор, когда что-то пошло не так.

«О нет!» – воскликнула Вредина: она почувствовала это первой.

«Сгущайся!» – вскрикнула Зануда.

А вот Затеяница, как ни странно, держала себя в руках и направила нас к одному из небоскребов. Некогда это был пентхаус, за одну ночь в котором выкладывалась кругленькая сумма, а теперь – просто темная, разгромленная квартирка – на такую и нищий бы не позарился.

По телу-туче одна за другой проносились изматывающие волны. Если бы у меня была голова, она бы кружилась так, словно пыталась оторваться от шеи. Останься на месте желудок, он бы уже избавился от обеда. Будь на месте сердце... в общем мне было брюндово.

«Воплощение» далось как никогда тяжело. Каждая клеточка с неохотой вставала на место, мысли путались, но хорошо, что только они. Девочки подбадривали меня, хотя их голоса звучали все тише, отдалялись и рассыпались на отдельные звуки.

– А-а-а!

Нога! Я забыла приделать ногу! Поганные ангелы! Как больно!

Но нет, нога на месте – сведенная судорогой, проткнутая ржавой железкой. Каждое движение огненно-ледяным стрелами отдавалось в теле.

«Вытащи ее! Чарами!» – билась в истерике Зануда. Затеяница уже растворилась в обмороке.

– Не могу, – выдавила я.

Магия ушла, не было ни искорки, ни капельки. Только темнота, кровь и боль.

Глава 10. Виктория и запретная дверь

Пока я вытряхивала из волос камешки и кусочки мха, вытаскивала занозы из руки и пыталась прочихаться от пыли, Ника вцепилась в демона и что-то ему нашептывала. Рогач метался и взрыкивал, уговоры его мало волновали.

– Не поможешь? – пропыхтела Ника, повиснув на чудище.

– Вряд ли, – ответила я и вытерла слезы: в локте застряла щепка, даже дотрагиваться больно. – Не хочу, чтобы мне откусили голову.

- Да ничего он не сделает. Просто приглуши его немного.
- Сейчас не могу.
- Почему это?
- Не могу, и все.

Ника выругалась, положила на рогатую голову ладонь и уставилась в дикие, рыжевато-черные глаза. Я, наконец, сумела выдернуть щепку из руки и теперь без особого интереса наблюдала за сестрой. В другой раз зрелище было бы любопытным, но сейчас я не чувствовала даже скуки – вообще ничего.

В конце концов демон притих и позволил заняться раной. Ника вынула из сумочки пачку пластырей и не слишком аккуратно скрепила две половинки крыла. Рогач зарычал, но даже не дернулся.

- Ну, как-то так, – оглядела свою работу Ника, – вроде ничего страшного.
- Что это вообще было? – спросила я, задрав голову: монстр проделал здоровую дыру в крыше.
- Стрелок, – предположила Ника. – Скорее всего, им сообщили, что мы побывали у папы. Вот они и отправили кого-то на соседнюю крышу. Похоже, они всю пользуются новыми игрушками.

Ника помолчала, затем, как бы невзначай, поинтересовалась:

- Ничего не скажешь?
- У?
- Мол, я же говорила, не стоило туда лезть? Нет?
- Неа. Мы ведь нашли ключ.
- Л-л-а-а-дно, – протянула Ника и вытащила из сумки пару фонариков. – Держи.

В книгах чердаки описываются как темные, захламленные места, в которых можно отыскать нечто таинственное и давно забытое, дорогое сердцу. Этот же был разочаровательно пуст – ни старой мебели или игрушек, ни альбомов или одежды, пыль, и та куда-то пропала. Словно перед нашим приходом здесь прибрались.

Спускаться в темный, давно не жилой дом, в котором я когда-то была почти счастлива, в котором жила и умерла бабушка, – что может быть волнительней?

Чудно: я бы пожалела, что ничего не чувствую, но и жалость стала недостижима – все эмоции на какое-то время останутся под замком. Может, так даже лучше. Не хватало только сентиментальных воспоминаний и глупых вздохов о случившемся.

Там, у папиного дома, я отпустила силы так далеко, как не отпускала никогда прежде. Они сорвались, подобно своре голодных собак, и кинулись куда глаза глядят. Терзали, грызли все, до чего могли добраться. И обратно не вернулись, разумеется. Страх, удивление, надежда, радость – все улетучилось. Теперь придется возвращать их заново, а пока этого не произошло, остается держаться за логику и здравый смысл. Иначе никак.

– Так, планы меняются, – распорядилась Ника. – Сначала нужно его подлатать.

– Еще чего. Возиться с демоном. Заберем книгу и улетим.

– На метле разве что, – огрызнулась сестра. – Полететь он сможет только вниз с крыши.

Я бросила взгляд на Рогача. Края раны были ровными и точно обожженными, но кровь все текла – на полу собралась небольшая лужица. Известие о том, что мы можем застрять здесь, не всколыхнуло испуга или раздражения. Но разум понимал – дело обернулось скверно.

– Будем надеяться, что у бабушки найдется книга по целительству. И ингредиенты.

Оставив демона хрипеть на деревянном полу, мы с Никой спустились на третий этаж. Кружки света любопытными глазами шарили по темноте.

Дом будто чувствовал наше присутствие. Казалось, обстановка истосковалась по людям. Половицы и двери приветливо скрипели, задетые шторы мягко касались плеча, озорники светильники, когда на них падал луч фонаря, подмигивали. Но тишина не собиралась легко сдаваться. Они висела плотной завесой, ее приходилось отталкивать и прогонять. А она все шептала на ухо, как умеет только тишина дома, в котором кто-то долго жил и потом умер. Воспоминания были свежи и, если бы не временная бесчувственность, наверняка бы ранили. Зато Ника выглядела подавленной и растерянной, фонарик дрожал в исцарапанных руках.

Она чуть не прослезилась, едва распахнула дверь в свою бывшую спальню. Похоже, любовь сделала сестру мягкотелой. А вот мне было все равно.

«Скучно, и жутковато, и немного боязно, и очень нетерпеливо», – говорила я себе, воображая, что бы чувствовала в обычном состоянии.

Верхние этажи вновь окунулись в безмолвие, а мы спустились по широкой, изогнутой лестнице и оказались в просторном холле. За узкими окошками по обеим сторонам парадных дверей мелькали инквизиторы, большие окна скрывались за тяжелыми бархатными шторами, некогда блестящий паркет потускнел, хотя нигде я не заметила пыли или паутины. Здесь даже пахло не затхлостью, а сушеными цветами и травами благодаря

многочисленным саше, разбросанным по всем углам. Свет с любопытством заглядывал внутрь, точно радовался нашему прибытию.

– Так и кажется, что бабушка просто вышла. Сейчас вернется и отчитает нас с тобой за... ну, не знаю, за... – шепнула я.

– Уж она бы нашла, на что поругаться, – ответила Ника и слабо улыбнулась.

Дверь справа вела в кухню, где бабушка готовила редко, и еще реже это оказывалось что-нибудь съедобное; слева – в гостиную с гигантским камином. Настоящим, в котором вечерами ревел огонь, и дом наполняло живое тепло. Бабушка презирала всю эту «электрическую чепуху», считала ее искусственной и блеклой, за что платила безумные налоги – на загрязнение воздуха, на растрату ресурсов и так далее. Но, надо признать, в дождливый день или зимним вечером было поистине восхитительно растянуться перед огнем и почитать книгу или просто подумать о своем.

– Ну ладно, пошли в библиотеку, должно там быть что-то по целительству. Или ветеринарии.

– В кабинет, – сухо поправила я. Останься эмоции на месте, голос прозвучал бы самодовольно. – В библиотеке волшебных книг сроду не было. Там же собирался книжный клуб: посторонние люди, беседы о литературе Старого мира, кофе.

– Кофе? – фыркнула Ника. – Разве что с ликером.

– Ликер с кофе, я бы сказала.

Когда-то меня завораживали ряды полок, заставленных книгами. Бумажными книгами, которые кто-то читал столетия назад. В обложках и переплетах, со страницами, которые нужно переворачивать, непропечатанными в некоторых местах словами, ляссе и неповторимым запахом – пыли, предвкушения занимательной истории, легкой грусти.

Даже заглядывать не стала – логично заняться поисками волшебной книги, а не увязать в воспоминаниях.

В кабинете было темно, поэтому мы нагло раздернули шторы – все равно инквизиторы знают о нас. Голубые обои скрывались за огромными шкапами – хранителями книг по истории, практике и теории магии, тубусов со схемами и альбомов, которые описывали всевозможные превращения.

– Ты поищи там, – махнула рукой Ника, – а я посмотрю здесь.

Совсем недавно ее приказной тон разозлил бы, но сейчас нужно было работать сообща. Однако быстро найти книгу не удалось. Их тут были сотни, да еще Ника то и дело натывалась на что-нибудь «любопытное».

– Гляди! – восклицала она и показывала атлас Старого мира, в котором континентов было пять, а не один. Или откапывала тубус с нашим семейным древом. – Ух ты, оно еще с тех времен, когда на всю семью была одна фамилия, до Кровного безумия! А ты знала, что по папиной линии мы в родстве с семьей Оргоглио? Ну, те психи, которые даже после Голода, женились только на своих, чтобы сохранить национальность. Идиоты, люди почти вымерли, а они еще привередничали. Все равно ведь все смешались. А у них, смотри-ка, род прервался еще двести лет назад. Поделом. А вот и я, глянь: Ника де Луна-Дроздова.

И все в таком же духе.

– «Единство и равноправие», ха! – заявила Ника, достав карту мира, выполненную тушью и красками, – бабушка обожала бумагу и рисунки от руки. – «Лицемерие и жадность» – больше подходит.

Пять государств сверкали разными цветами, вокруг каждой столицы вился девиз: Омнис – «Единство и равноправие»; Лександрия – «Закон и справедливость»; Аквилон – «Культура и история»; Механические острова – «Наука и развитие»; Южные племена – «Единение с природой».

– Ага, очень интересно. Держи. – Я сунула Нике книгу по целебным зельям. – Они для людей, но вряд ли тут есть книги по демонической медицине. Лучше ничего не найдем. Монстров лечат только больные на голову, и – как удачно – они все здесь.

* * *

– Мы будто местами поменялись, – заметила Ника, перерывая шкафчики и тумбы в поисках ингредиентов. Мы вернулись на кухню, чтобы приготовить снадобье. – Обычно я – ледяная стерва, а ты пристаешь со всякой ерудной.

– Это потому, что ты влюбилась и размякла, – заявила я.

Ника застыла.

– Ничего и не размякла, просто стараюсь найти хоть немного радости вокруг.

– А чему радоваться? Если Рогач не вылечится, мы недолго протянем. А через пару недель умрут и Соня с Варгасом. Либо от голода, либо отравятся чем-нибудь из «даров леса». Папу и Риту наверняка арестовали, кто знает, что ними теперь будет. До Мереша мы не доберемся, так что все зря. И да, мы сейчас в доме нашей мертвой бабушки. Ничего не упустила? Ах, вот еще, – добавила я и подняла руку, на которой будто в крестики-нолики гвоздем играли, – это если мы столбняк не схватим. Что ты так смотришь?

– С каких пор у тебя в голове столько чернухи? – тихо проговорила Ника. Она побледнела и сцепила руки, чтобы не дрожали. Испугалась моих слов?

– Всего-то часа два, ровно с того момента как перестаралась с инквизиторами и потеряла все чувства.

– Что значит перестаралась? Ты вообще что с ними сделала?

– С ума свела, – ровно ответила я. – Раскрошила сознание и наполнила его отчаянием. Хотела, чтобы они страдали. Готова спорить, ни один из них не оправится. Услышь это бабушка, он бы меня прикончила. Нет, серьезно. Она предупреждала. Мне ведь уже двенадцать исполнилось, когда она решила взять меня к себе. Думаю, не рассчитывала, что я доживу, большинство-то эмпатов редко дотягивают и до десяти: слетают с катушек и кончают с собой. Помню, я как-то разревелась и отказалась тренироваться, так бабушка ударила меня и сказала: или учишься сдерживаться, или я тебя убью, потому что такую силу оставлять на самотек опасно. Для окружающих. И как в воду глядела: я уничтожила разум нескольких человек и теперь спокойно рассказываю об этом на кухне. Что? Испугалась? Ну, давай, скажи, что думаешь, скажи, какая я ужасная. Знаешь, что забавно? Убивать нужно таких, как я, а Мереш заикнулся на магах.

Ника отступила на несколько шагов и с каждым моим словом бледнела все сильнее.

– Думала, ты девочка-опасность? С этими твоими «Смотрите, у меня демоны» или «Так-то, я завалила инквизиторов, хвала мне», – продолжала я просто потому, что могла сейчас позволить себе откровенность. Позже придется раскаяться за каждое слово, но сейчас – плевать на все. – Нет, не-е-ет. Что ты можешь? Отобрать жизнь? А я ее уродую, калечу и бросаю обратно, сломанную, никчемную и жалкую. И еще: я отправилась с тобой, потому что подыхала со скуки. Плевать мне на Воргаса, плевать на Соню – достали. Когда-то с ними было здорово, а потом они испортились, скисли, как молоко. Но знаешь что? Я боюсь, до тошноты просто. Ведь каждый раз творя *это* – ну ты поняла, – я теряю частичку себя. Но тебе-то все равно, главное, разобраться с Мерешем. А что станет с сестрой – да кого волнует?

Ника встала так, чтобы между нами оказался стол. Какое-то время ей понадобилось, чтобы взять себя в руки. И вот на меня смотрит не растерянная сестра, которую напугали «чернушные» речи, а та самая ледяная стерва.

– Ну и представление, – рассмеялась она натужным, искусственным смехом, который никого не обманул. – Сколько пафоса. Ты просто дрянь, Вик. Ой, Вик, прости. Ах, опять, случайно вырвалось. Но ты не в обиде, а, Вик?

Она склонила голову, наблюдая, как я восприму оскорбления.

– Строишь из себя непонятно что. Ах, бедняжка, ах, несчастная мученица. Я раньше думала о тебе вроде как о жертве изнасилования. Но теперь вижу: ты их тех, кто размалывается и оденется, как шлюха, а потом стонет что ее толпа отморозков отымела. А ведь все просто: будь скромнее, не шляйся ночью, где попало. Только бабушка и понимала, кто ты такая. А что ты? Не хочу! Не буду! Слишком тяжело! Конечно, зачем стараться, зачем трудиться, когда можно сделать жалобное личико, и папа готов на все. Ты по-настоящему ужасна, но не из-за того, что можешь разбивать души, а потому что ничего с этим делать не собираешься. Может, тебе это даже нравится. Видела я сегодня твое лицо. Это ты всех насилуешь, а не наоборот. Сколько времени прошло, сколько возможностей было, но до сих пор ты просто капризный ребенок, как когда...

Ника резко выдохнула и побледнела еще больше. Если такое вообще возможно.

– Когда что? – спросила я, и внутри шевельнулось... может быть, любопытство. Ведь несказанное, я чувствовала, несло самое большое обвинение. Но оно так и не прозвучало.

– Когда силы твои только проявились, – уже без прежней горячности продолжила Ника. Тем не менее каждое слово сочилось болью и обидой. – Ой, бедная Викулечка, такая кроха, как же она справится? Несчастная девочка не может спать, потому что ей снятся чужие кошмары – переезжаем. Люди ее пугают – пусть остается дома и прячется. Папа, а потом и Рита, носился с тобой, а про меня все забыли. Зачем обращать внимания на Нику, когда у Виктории новая истерика, или ей так смешно, что кровь носом пошла, или депрессия – это в семь-то лет! А я тоже хотела внимания, мне тоже нужно было, чтобы со мной возились, нянчились, утешали. Мама умерла, мне было страшно и одиноко, но тут ты со своими погаными закидонами. И папа всегда был занят. Кем? Правильно, тобой! Тобой, тобой и только тобой! А на меня у него сил уже не оставалось. Считаешь, твой дар – тяжелый? Представь, каково мне было! Я видела чудищ, которых больше никто не замечал, но все решили, что я выдумываю, пытаюсь привлечь внимания. Пришлось справляться самой. Ты по-настоящему растаптываешь жизни – мою ты стерла в пыль!

Грудь ее тяжело опускалась и поднималась. Ника словно пробежала марафон. И это действительно так. За пару минут она умудрилась промчаться по всей своей жизни, собрать все обиды и упреки, всю злость и несправедливость и швырнуть мне в лицо. В мое застывшее, безучастное лицо.

– Похоже, я и правда размякла, – тихо произнесла она, с удивлением вытирая щеки от слез. – На этот день семейных откровений объявляю закрытым. Помогите-ка мне. Тут ни воды, ни газа, ни электричества. Я нашла все для зелья, но это просто негде смешать.

Около получаса мы бродили по дому и в итоге вывалили на кухонный стол находки: медную кастрюлю, которая обнаружилась под тумбочкой в спальне, древнюю горелку и круглый аквариум с давно почившей рыбкой. Вода была на удивление прозрачной.

Ника с каменным лицом выловила из аквариума склизкий комочек, наполнила кастрюлю и поставила на огонь. А когда раздалось бульканье, принялась закидывать и смешивать порошки, веточки и листья, сморщенные ягоды и непонятные серовато-зеленые сгустки, напоминавшие мокроту.

– Странно, не находишь? Кругом ни пылинки, вода не стухла. Как так получается? – задумчиво протянула я, присев к столу. После ссоры в теле поселилась усталость.

– Наверное, заклинание хранит дом от разрушения в любом виде: все равно инквизиторы это или ветхость. Но меня кое-что беспокоит...

– Что же? – Лично меня в данную минуту не тревожило ровным счетом ничего.

– Магия должна покрывать дом целиком, но демон пробрался на чердак. Значит, заклинание ослабло. И вот вопрос: как сильно? И сколько еще оно продержится?

Ника делала зелье, сверяясь с книгой, а я положила голову на руки. Размеренные движения сестры напомнили, как несколько лет назад бабушка точно так же бродила по кухне и готовила кофе, как после мы устроились в гостиной, и как впервые я посетила собственный Мир-Внутри.

Мгновение назад я сидела на старом ковре и держала бабушку за руки, а теперь оказалась посреди моря неестественно зеленой травы. Вдалеке виднелись темные деревья, небо было любимого нежно-сапфирового цвета, ветерок ласково шевелил волосы. Всюду вертелись искорки: поднимались из густой травы и парили над землей. Некоторые едва ли не касались зеленых стебельков, иные взлетали так высоко, что не дотянуться. Искорки не обращали внимания на ветер и плели замысловатый узор, медленно воспаряя. Казалось, если собрать пригоршню сверкающих точек, можно поддержать кусочек неба.

– Закрой рот, – послышался сзади хриплый, чуть насмешливый голос. – Просто нелепо разглядывать себя – пусть и изнутри – с таким восторженным видом.

Бабушка стояла позади и странно выделялась строгим брючным костюмом на фоне волшебного пейзажа – хранитель здравомыслия посреди буйства фантазии. И, конечно же, курила.

За бабушкой виднелся очаровательный домик, словно выскочивший из сказки. Стены складывались из разномастных цветных камней, в соломенной крыше запутались солнечные прядки, окошки красовались ромбовидным переплетом, довершали картину печная труба и белая дверь с закругленным верхом – о таком жилище я мечтала лет в пять и умоляла родителей подарить его на день рождения. Отставая от дома на несколько метров, его со всех сторон окружала высокая ограда из наваленных друг на друга серых валунов. За оградой – клумбы с самыми разными цветами и кусты, которые никак не могли цвести в один и тот же момент и, тем не менее, радовали глаз целой когортой крепких свежих бутонов, кистей и цветков. Я заметила розы, тюльпаны, аконит, гвоздику, ирисы, колокольчики, азалию, гортензию и много других растений, названий которых не знала. Все это было удивительным, ярким и уютным, тут же захотелось распахнуть кованую калитку, пройти по выложенной разноцветной плиткой дорожке и вдохнуть запах трав, пока не закружится голова.

Не раздумывая, я направилась к дому. Чем ближе подходила, тем яснее понимала, что в идиллической картинке что-то не так. Темные окна, за которыми не горел свет, казались слишком мрачными для столь радостного и светлого жилища. Сколько я ни всматривалась, так и не смогла различить за стеклами внутреннего убранства. Дом внутри был пуст и безжизнен, наполнен лишь тенями и тишиной. От рассматривания темных прямоугольников поплыло перед глазами, и я устроилась на резной скамейке возле двери. Бабушка все это время наблюдала издали и курила.

– Заходи, – позвала я.

– Уверена? – с хитринкой в глазах спросила она, как человек задающий вопрос с подвохом.

– Ну конечно.

– И здесь неплохо, – ответила бабушка и выдохнула облако дыма, грязным пятном скользнувшее прочь.

– Что за глупости, – возмущилась я. – Конечно, ты можешь зайти.

– Пожалуй, для начала стоит объяснить, где мы очутились, – заявила бабушка и выпустила первоклассное дымное колечко.

– Ты уже объясняла: это мой Мир-Внутри. Мои сознание и душа.

– Верно. Но ты в самом деле понимаешь, что это значит?

– Думаю, понимаю, – после раздумья ответила я.

Ее раздражение вылилось рядом неровных дымных колец – похоже, я ответила неверно.

– Ну раз ты так думаешь, оставим это. – Бабушка глубоко вдохнула и продолжила: – Я не стану читать тебе лекцию об устройстве Мира-Внутри. Познание самое себя – одна из сторон жизни, и никто другой не сможет рассказать тебе больше, чем ты сама. Ограничусь общими принципами и помогу избавиться от лишнего. Дальше – уж как-нибудь сама. Ты смогла дотянуть до четырнадцати, а это о многом говорит. Я в своей жизни встречала двух эмпатов помимо тебя. Они умерли детьми. Так вот, все, что тебе нужно знать. – Она широко развела руки. – Здесь, за оградой располагается твое сознание: эмоции, мысли, воспоминания. Все поверхностное и наносное, рациональное и относительно легко управляемое. Там, – она указала на дом, – твоя душа: чувства, сама суть твоего существа.

– Боюсь представить, какой бы была лекция, – не сдержалась я. – Но, если честно, понятного мало. И не могла бы ты не курить?

– О-о-ох, – вздохнула бабушка и демонстративно затаилась. – Непонятно ей. Со временем поймешь, если будешь стараться. Запомни главное... Вряд ли стоит надеяться, что твои силы никогда не придется обернуть против людей. Не спорь! Никто не знает, что будет завтра. Так вот, когда придет время вторгнуться в чужой Мир-Внутри, обращай с ним бережно. Работай только с сознанием и никогда – слышишь меня? – никогда не трогай душу. Твоя душа – сложная материя даже для тебя самой, а уж чужие...

Ее слова невысказанной угрозой повисли в воздухе. Среди цветов, прижимаясь к стене, нагретой солнцем, я чувствовала себя легко и спокойно. Но слова бабушки тревожили.

– Правда думаешь, что мне придется... м-м-м... касаться других? Думаешь, у меня получится?

– Придется научиться. Но помни, что я сказала: не трогай душу. И покалеченное сознание – трагедия, что уж о душе говорить. Люди от меньшего умирают.

– Не собираюсь я никого убивать! – Горячий ветер хлестнул в лицо, краснота разлилась по небу, и оно вместо сапфирового стало рубиновым, искорки перепуганными феями ринулись в разные стороны, даже трава потемнела и пожухла.

– А ну прекрати! – рявкнула бабушка. – Выживает тот, кто борется. Уж поверь, я очень надеюсь, что тебе никогда не придется направить силу против людей. Но это невозможно предугадать.

– Почему я не родилась обычной? Я даже согласна быть скучной и прыщавой.

– Неужели? – хохотнула бабушка. – Смирись, Виктория, это просто есть. Твоя мама была чародейкой. Еще бы, она же моя дочь! – Гордость и грусть вырвались вместе с дымом. – А твой папа просто человек, смертный. Дети от таких браков почти всегда необычны. Очень редко отпрыски мага и человека не обладают силами. Часто дети рождаются со способностями к волшебству, потому что наши гены сильнее. С точки зрения биологии гены чародеев стараются улучшить то, что есть в человеке, поэтому, если ребенок рождается не чародеем, он обладает иными качествами: отличной памятью, гениальностью в искусстве, науке, необычным взглядом на мир, который позволяет менять его. Всякое бывает. А случается, что рождаются...

– Мы с Никой, – вставила я.

Бабушка поджала губы – терпеть не могла, когда ее перебивали.

– Точно, – произнесла она, одарив меня суровым взглядом. – Это очень редкий случай, но такое бывает. И это возвращает нас к тому, что ты должна научиться управлять своими силами. А теперь, давай избавимся от мусора. А то ты что-то слишком дерганная в последнее время.

Она заставила меня выбраться из-за ограды, перейти в часть «сознания». Затем велела отыскать то, что я посчитала бы лишним, не своим. Поначалу задача показалась глупой – мне нравилось абсолютно все. Но через некоторое время среди вновь налившейся цветом травы, отыскились разные разности: помпезное кольцо обожгло пальцы безразличным холодом; от записки с признанием в любви наоборот – стало жарко и печально; были там обычный сор и нелюбимые цветы. Все находило во мне отклик: восторженный или грустный, поверхностный или проникновенный. И, тем не менее, все это – лишь осколки чуждых эмоций, кусочки посторонних жизней, застрявшие в моей голове.

– Я и не думала, что здесь столько всякого. – Мусорная куча оказалась на удивление большой. Бабушка только усмехалась и курила.

– Что теперь? – спросила я, когда почувствовала, что ничего лишнего не осталось. Луг уносился вдаль, к угрюмому лесу, но это была просто иллюзия – Мир-Внутри безграничен и мал одновременно.

– А что делают с мусором? – спросила бабушка. – Только осто...

Пламя охватило кучу разнородных вещей, взвилось к небу, ожгло гневом, ревностью, презрением. Бабушка вскрикнула и уронила сигарету. А в следующую секунду мы очутились в разгромленной гостиной.

Посреди ковра появилось обугленное пятно. Лак на паркете шипел и пузырился, когда...

– Эй, очнись! – Ника пощелкала пальцами у меня перед носом. – Оно готово.

С кастрюлей, полной зеленоватой массы, мы потащились на чердак. В первое мгновение показалось, что демон все-таки умер: он лежал недвижно и вроде бы не дышал. По спине побежали мурашки. Я радовалась, что эмоции стали возвращаться, но в то же время страшилась того, что за этим последует.

«О чем ты думала, когда говорила все эти гадости?! И как теперь себя вести?» – содрогалась я.

Ника присела перед Рогачом, он слабо шевельнулся, царапнув когтем по полу.

Мне пришлось держать крыло, сводя вместе края, пока сестра обмазывала рану зельем. Монстр дрожал и порывивал, но вырваться не пытался.

– Не стоило сначала это зашить? – поинтересовалась я, когда Ника мазнула зельем и случайно попала мне на руку. Боль тут же унялась, царапины перестали щипать и гореть.

– Сомневаюсь, что у бабушки есть набор для шитья. Не представляю ее с рукоделием.

Мы одновременно прыснули: бабушку легче было вообразить с бокалом коньяка и сигаретой, чем с вязанием. И все-таки зелье делало свое дело: края раны слиплись, демон успокоился, задышал глубоко и ровно.

Солнце стояло прямо над головами, в его свете мириады золотистых пылинок носились вокруг, напоминая искры из моего Мира-Внутри. Будто в сказку попала! Сказку, в которой ненормальные принцессы пленяют сердце кровожадного принца (и все остальные

части тела в придачу), демоны заменяют верных коней, добрые бабушки распивают спиртное, а волшебство не так уж и чудесно.

Большая часть зелья ушла на демона, но хватило и нам с Никой, даже осталось немного. Затем мы отправились искать книгу. Называлась она «Оковы Гоэтии» и описывала всех известных демонов и ритуалы призыва. Все, что Ника могла о ней сказать: «Она очень старая». Идея сестры была проста: вызвать демона-телепата, который вложит Дану Мерешу мысль об убийстве отца и сотрет воспоминания о нас.

Время перевалило за полдень, тени начали расти, вокруг дома собралось с десяток инквизиторов. Они пытались пробить магическую защиту, а мы с Никой переворачивали вверх дном каждую комнату в поисках книги.

Старые маятниковые часы показывали половину пятого, позади остались разоренные кабинет, бабушкина спальня и все остальные тоже да большая часть библиотеки, в которой все-таки обнаружились книги по волшебству. Поначалу мы осторожничали, словно боялись окрика или требования выметаться вон, но затем усталость, нетерпение и голод пересилили уважение к бабушкиному наследию, и мы перестали церемониться: сваливали на пол ненужные книги, откидывали покрывала и диванные подушки, даже отодрали несколько подоконников.

Небо заалело, лужайка перед особняком утонула в сумерках. Инквизиторы бродили вокруг дома, заглядывали в окна, изредка выпускали голубоватые искры, которые таяли сантиметрах в тридцати от стен.

Распахнутые двери библиотеки провожали вандалок немим укором. В пустующих комнатах второго и третьего этажа не обнаружилось ничего, кроме романов. Мы обыскали даже ванны, но наткнулись только на полчища гелей для душа, масел и увлажняющих кремов.

– Бабуля, ну ты даешь, – присвистнула Ника, закрывая дверцы шкафа с тоннами косметики.

Темнота растеклась по улицам, а мы с сестрой – по дивану в гостиной. Так хотелось зажечь камин и подремать в тепле его пламени, но не нашлось дров, а ломать мебель – это как-то чересчур.

Ника жаловалась на голод, а меня тошнило. Все эмоции уже несколько часов как вернулись. Уже несколько часов я бросала виноватые взгляды на сестру и не решалась начать разговор.

«Неужели она правда считает меня такой? Неужели я правда такая?»

Вопросы крутились в голове, а в груди дрались стыд, злость, обида, непонимание, страх. Как так вышло, что первый честный разговор, который мог стать минутой единения, превратился в кошмар? Когда Ника одно за другим бросала обвинения, мне было плевать, но теперь каждое слово звенело в голове и не собиралось оттуда уходить.

– Не знаю, что делать, – устало произнесла Ника. – Где она может быть? Мы вроде все обыскали. Если у бабушки были тайники, то мы о них не узнаем – она слишком умелая ведьма.

– Нужны они ей, – отозвалась я, потирая виски, – все ценное в подвале хранилось.

Сияющее мгновение тишины.

– Почему мы раньше об этом не подумали? – разинула рот Ника.

– Спроси что полегче.

Но ответ был ясен. Если бабушка что и умела лучше, чем сетовать, так это вколачивать в голову многочисленные «нельзя». Мне просто на ум не пришло подобное святотатство: открыть запретную дверь и спуститься в подвал. Даже сейчас, когда никто не мог нас остановить или отругать, от одной мысли об этом по коже пробежал холодок.

Мы выскочили из гостиной, пролетели мимо лестницы и свернули в коридор перед кухней. Вот она, самая обычная дверь, которая ни разу на моей памяти не бывала открыта. Иногда, когда бабушка спускалась туда, я набиралась смелости, протягивала руку в надежде чуть-чуть проникнуть в тайну старого подвала. Разумеется, дверь оставалась непреклонной, как и бабушка.

– Заперто, – ничуть не удивилась Ника после того, как подергала круглую ручку. – Погоди секунду.

Она унеслась и буквально через минуту вернулась с молотком.

– Отойди-ка.

Удар – звон, удар – звон, удар – молоток крутанулся и ударил Нику по коленке – звонкое ругательство.

– Попробуй ты, – пропыхтела она, прыгая на одной ноге.

– Спасибо, оставляю пальцы целыми.

– Ты знаешь, о чем я, – огрызнулась Ника. На лице ее так и читалось: «Ты мне должна»

Как тут отказать?

Стыд оказался еще более едким, чем костная кислота. Ручка и петли растаяли, стекли по двери и застыли на полу металлической лужицей. Дерево скрипело и стонало, не

желало пускать незваных гостей, но в конце концов не удержалось и растрескалось. Ника закончила дело ударом молотка.

Мне стало немного легче, но стыда внутри еще было предостаточно. Надеюсь, я справлюсь, а не растаю, как дверная ручка.

– Вперед, – сказала Ника и нырнула в темноту.

– Еще чего!

– Ой, да хватит тебе.

– Не пойду. – Я замотала головой и отступила на несколько шагов.

– Ну и брюнд с тобой.

Если меня обуюл первобытный ужас – перед темнотой или мертвой бабушкой? – то Нику охватило алчное возбуждение. Она быстро спускалась по лестнице, подсвечивая фонариком. Вскоре огонек исчез из виду, и я осталась переминаясь с ноги на ногу у раззявленного, словно беззубый рот, прохода.

– Ты что там, умерла? – зло бросила я во мрак и тут же устыдилась своих слов.

Прошло уже полчаса, за окном исчезли последние отблески света. Ника не возвращалась. Казалось бы, чего проще спуститься в подвал и надавать ей по шее? Но нет, я сжимала кулаки и кусала губы, вздыхала, закатывала глаза, отсчитывала секунды, выписывала фонариком слова, даже приседала, но никак не могла заставить себя перешагнуть порог. Снизу поднимался жутковатый холод, он полз по ступеням, шептал, тянулся к ногам.

– Ну, Ника, – выдавила я и в который раз посветила на ступени. Их было так много, что низ лестницы терялся в темноте. – Эй! Ты там скоро!

Ни ответа, ни единого звука. Только мороз вытекает в коридор.

Снаружи закричали. Потом еще и еще, затем раздались звуки выстрелов: электрическое шипение и тонкий свист, как тогда, на крыше.

Решив, что ничего страшного не случится, если оставить подвальную дверь без присмотра – в самом-то деле, ну что, оттуда вылезет что-то? – я пошла на кухню и осторожно выглянула в окно. Инквизиторы и так знали, что мы здесь, да и с заклинанием им было не справиться, но не хотелось лишний раз привлекать злобное внимание – от него зубы сводило.

Снаружи метались огни, в их неверном свете я разглядела человек восемь. Все они вскинули головы и смотрели на небо, выпуская голубоватые сферы из электроружий или тонкие красные лучи из гладких стволов – они-то и свистели.

Разобрать что-либо в ночной выси было невозможно, но мне почудилось какое-то движение. Разглядеть получше не удалось, потому в этот миг дом содрогнулся, словно его пнул великан, и по стеклу разбежались трещины. Едва я нырнула под стол, как пол вздрогнул с такой силой, что меня подбросило и ударило головой об столешницу. Но это еще цветочки: стекла вылетели из окон, осколки заметались по кухне, все звенело, скрежетало и скрипело, падала посуда, хлопали дверцы шкафов, а воздух наполнялся густым, напряженным гулом, от которого закладывало уши и нестерпимо хотелось вынуть из тела все кости, лишь бы они перестали дрожать.

От большинства осколков прикрыла столешница, но несколько все же впились в лодыжку, оцарапали щеку и застряли в волосах. Гул продолжал набирать силу, будто готовился раздавить весь мир.

– Ника! – закричала я и бросилась к подвалу. Голос тонул в шуме, я даже не была уверена, что произнесла хоть слово. – Ника!

Фонарик остался валяться на кухне, но в нем уже не было нужды: из подвала лился сизый свет, они лип к стенам и ступеням, вырисовывая их контуры. Какое-то мельтешение, а через пару секунд раздался топот, и Ника – в порванной одежде, с обрубком «хвоста» вместо волос и книгой в дрожащих пальцах – вылетела в коридор.

– Валим! – крикнула она, схватила меня за руку и потащила за собой.

Если что-то так испугало Нику, то лучше не спорить и бежать со всех ног. Гул – теперь он походил на разъяренный вопль – поднимался из подвала. И не только он. Оглянувшись, я увидела, как наружу выплеснулся поток жидкого хрустального света. Все, чего он касался, начинало таять и расплываться. Едва мы вскочили на лестницу, сияющая волна пронеслась по холлу и превратила тумбы, вазы, низ штор в размытые пятна.

«Стены текут», – мысленно охнула я.

Дом скрипел и будто съезжал в сторону! Дерево теряло твердость и фактуру, картины размягчались и таяли, ступени под ногами проваливались подобно нагретому воску.

Мы только добрались до второго этажа, а первый превратился в пластилин, забытый на солнце. Хрустальный свет скользил по стенам, гнал за нами. Картины, торшеры, обои, стулья и ковровые дорожки – все плавилось и превращалось в жидкое ничто. Дом поплыл на размякшем основании. Стены трескались, паркет вздыбливался, окна лопались, а мы мчались во весь дух на чердак.

«Оно гонится за этой проклятой книгой!»

Если бы я не знала, что это бесполезно, потребовала бы у Ники выбросить ее.

Я оглядывалась так часто, что попросту не успевала следить за тем, куда бежала. Жидкость-свет текла по стенам и потолку, заглатывая особняк, словно гигантский рот.

«А мы – две живые карамельки»

– Вставай! – проверещала Ника, когда мы выскочили на чердак и захлопнули дверь, но она тут же смялась и комками унеслась вниз. Демон испуганно зарычал. Ника уже вскочила ему на спину, а я по колено застряла в тающем полу.

– Держись! – закричала сестра. В следующий миг меня поперек туловища схватили мощные лапы и рванули вверх.

Свет волной выплеснулся на крышу и накрыл дом целиком. Инквизиторы метались вокруг, выпускали алые лучи и голубые сферы, но все они вонзались в прозрачную поверхность, застывали там мазками цвета, как стены и обстановка.

Я едва дышала в когтистых лапах. Демон неся к небу... Небу, колыхавшемуся как море, небу, полному неясных силуэтов и шелеста. Издали особняк напоминал светящийся шарик с разводами краски внутри. Светохрусталь набухал, раздувался, стал напирать на лужайку и втянул инквизитора, который стоял слишком близко. А прямо над всем этим кружились тучи, наливаясь золотом. Ветвистая молния ударила в гигантский шар, которым стал бабушкин дом, и жидкий свет застыл с хрустальным звоном, по гладкой поверхности змеились золотые полосы, словно сдерживали мощь заклинания.

Демон летел нутужно, рывками. Лапы его то сжимали меня до хруста в костях, то едва не выпускали.

– Нет-нет-нет! – запричитала Ника. – Еще чуть-чуть.

Вылетели за город, понеслись над темным лесом. Впереди показались холмы, у подножия которых притаились лощина и наш дом.

Не успела обрадоваться, как демон нырнул в листву, захрипел и врезался в дерево...

Я летела, потом опять летела, ударилась обо что-то и упала. И продолжала падать, и падать, и падать...

– Очнись, – невнятно выговорила Ника и сплюнула. – Вставай, быстрее.

В глаза будто пальцем ткнули: Ника включила фонарик.

Всюду плясали разноцветные пятна, мозг превратился в комок ваты, набитый пластиком и гвоздями. На спине, похоже, расплылся здоровый синяк, а ноги тряслись так сильно, что пришлось ухватиться за сестру.

Кровь и слезы текли у Ники по лицу, она морщилась и всхлипывала, но, вроде бы поранилась несильно.

– Жесткая посадка, – выдавила я и ощупала нос.

Демон искореженной грудой валялся в нескольких метрах позади. Три рога обломились, остальные намертво застряли в клене.

– Пошли, – буркнула Ника, хотя сама едва двигалась, и говорила с пришептыванием: неужто зуб выбила?

– Куда теперь торопиться, – отмахнулась я.

– Домой, тупая башка, вожак умер.

Из груди вырвался пронзительный вздох, когда я сообразила.

– Соня!

Двумя калеками, поддерживая друг друга и шатаясь, мы брели по лесу. Не знаю, сколько времени утекло, но вот мы взобрались на холм и оглядели лошину.

Ника застонала:

– Нет, как же так, ну как же так.

– Святые ангелы, – выдохнула я и упала на колени.

– Вовсе не ангелы, – прошептала Ника, опускаясь рядом.

Мы прижались друг к другу – две растерянные девчонки в темном лесу.

Глава 11. Дан открывает глаза

– Да заткнешься ты или нет?! Достал ныть, как баба!

До поры я сдерживался, притворяясь спящим, но тут не выдержал. Когда парень-колдун по десятому кругу завел свои причитания, терпение лопнуло.

– Не вернутся они. Ничего у них не выйдет. Слушали бы меня, так нет же. Тупые... Что теперь делать? Что? Еды хватит на несколько недель, если ужаться, а дальше?

А потом снова, и снова, и снова.

Тем не менее за время мнимой отключки я узнал, что сестры – Ника и Виктория – отправились в город не то убивать моего отца, не то раздобыть оружие, которым могли это сделать.

Когда я впервые услышал об их планах, по спине пробежал холодок. Конечно, это всего лишь горстка перепуганных ребят, они даже колдовать в городе не смогут. Но уверенность, с которой они обсуждали убийство, тревожила. Теперь, валяясь на полу,

обессиленный настолько, что даже страха не осталось, я едва ли почувствовал хоть каплю испуга.

Кроме того, выяснилось, что меня остались охранять не только дрищеватый колдун и меланхоличная девица, покорно выслушивавшая излияния дружка, но и демон.

«Бред! Не бывает такого!» – подумал я, когда парень обмолвился об этом.

Но сомнения развеялись быстро: они трескались и рассыпались с каждым ударом огромного, невидимого сердца, с каждым вдохом могучих легких и тяжелым шагом несомненно когтистых лап.

Вскоре всплыла и еще одна подробность: только присутствие чудовища не давало колдуну избить меня до смерти, как он не раз обещал. Похоже, парочка боялась монстра едва ли не больше, чем я.

Все болело: горел локоть, словно в нем застряло жало, голову пронзала боль при малейшем движении, а уж про сведенную судорогой спину или затекшую руку и содранную веревками кожу я вообще молчу. И все-таки я с удовольствием стерпел бы сотню пинков и ударов, лишь бы не опозориться. По сравнению с унижением боль – ничто. Колдуны не озаботились моими надобностями, а тело требовало свое. Что может быть хуже, чем обмочиться перед врагами? Наверно, только попасть в плен. То есть еще немного, и ниже падать будет некуда.

– Кто это у нас вякает? – зло прошипел колдун.

– Мне надо в туалет, – сквозь зубы выговорил я. Голос вырвался из пересохшего горла резкими, обрывочными звуками, так что умоляющих ноток, надеюсь, никто не расслышал.

Ведьма сжалась и едва ли не под стол сползла, а вот колдун расхохотался.

– Правда? А отужинать не хотите? Или отдохнуть в мягкой постели? Или, как я сразу не подумал, сделать вам массаж? Завали, козел!

– Туалет! – прорычал я не хуже демона.

– Брюнд тебе! Под себя ссы!

Внизу живота нарастала боль, но что я мог? Скорчить рожу да отбиваться оскорблениями.

– А что это у тебя с лицом? Увлекся, когда прыщи выдавливал? – Не самая лучшая реплика, но хоть что-то. Тем более что парень залился краской и стал похож на помидор.

– Ублюдок!

Колдун сделал шаг, но тут же комната сотряслась от рева. Демон появился во всем уродстве: черный, мускулистый, с крыльями, как у летучей мыши, и когтями сантиметров десять длиной. Притом ростом едва ли обгонял дога.

Парень отскочил и забормотал ругательства.

«Спасибо, зверюшка»

Сколько валялся здесь, а так и не смог понять, что это за место. Обстановка, как в старомодной квартире, но за окном шумели деревья – парк? лес? – и совершенно не слышалось голосов, машин или других привычных звуков. Поэтому я решил, что мы за городом. Вполне разумно, ведь магазинчик стоял у кромки леса.

«Святые небеса, я сейчас лопну»

– А кто будет убирать, если он... ну... ты понимаешь? – внезапно подала голос ведьма. Сколь безразличной и слабохарактерной она ни выглядела раньше, теперь на лице девушки появилось упрямство и отвращение. Она словно говорила: «Уж точно не я»

Колдуна заклинило. Ему хотелось доставить мне как больше неприятностей, но подтирать лужу как-то не улыбалось.

– Да этот все равно не даст, – махнул рукой в сторону демона парень.

– Может, если попросить...

– Что? Буду я у твари разрешения спрашивать!

Но непреклонность застыла на лице девушки.

– Ладно, – неохотно согласился колдун. – Можно я свожу этого уroda в туалет? – обратился он к демону, глядя в противоположный угол.

Демон промолчал.

«Поднимите руки те, кто ждал ответа. Я бы с удовольствием, да вот беда – они связаны»

– Вставай! – рявкнул парень с безопасного расстояния.

– Интересно, как, придурок?!

Его аж перекосило. Но пришлось подойти, помочь мне подняться на ноги, что было нелегко. Задеревеневшие мышцы свело от ничтожного усилия. Колени ударились об пол, рот наполнился желчью. Голова кружилась, стены завертелись, словно я вновь уносился в место-грезу, где стояло волшебное дерево. Каждая минута превращалась в ступеньку боли, которую я преодолевал. Тело рвалось на части, кости трещали и грозили рассыпаться, но с посильной помощью колдуна – пинками и дерганьями – все-таки получилось встать.

Перед глазами еще плыло, когда парень толкнул меня из комнаты. Коридор, ванная. Ни одного окна, задней двери тоже нет. Проклятье!

– Вперед, – скомандовал парень.

– Совсем тупой? Вы колдуны, может, и умеете писать без рук, а я вот нет.

Он застыл и нахмурился.

– Руки развяжи, остолоп.

– Ага, щас! – расхохотался парень.

Я едва терплю, а этот гад еще издевается!

– Что, своего нет, решил на мой посмотреть? Или собираешься подержать?

Колдун скривился и выругался. Затем развязал веревку и тут же завязал: на этот раз спереди. А после отошел к двери.

– Чего ждешь?

– Ничего. Я уже понял, ты любитель попялиться.

– Заткнись, не то урою!

– Да ну?

Я демонстративно развернулся и начал возиться с ширинкой. Парень разинул рот и отшатнулся.

– Больной, – выдавил он и вышел в коридор.

Что ж, и так сойдет. Притворившись, что никак не управлюсь с молнией, я быстро нагнулся, едва не упав, и вытащил нож из ботинка. Слава Пятерым, его не заметили! Можно было бы избавиться от веревок и прикончить парня, по-тихому, чтобы ни ведьма, ни демон не услышали. Но куда бежать? Поэтому я спрятал нож в рукаве до поры до времени. А затем позволил себе расслабиться.

– Закончил? – донеслось из коридора.

– Почти. Все еще хочешь посмотреть или потрогать?

Ответом было ругательство.

Скоро я опять лежал возле визионной панели со связанными за спиной руками. Демон устроился рядом, но перед этим потоптался на месте, несколько раз становился видимым и вновь исчезал. И рычал. Несколько минут кряду уши раздирали комнатный гром.

– Что такое с ним? – пролепетала девушка. – Целый день он...

«Что он?» – хотелось спросить. Насколько я понял, чудище подчинялось не этим двоим, а Нике. Как далеко она отправилась? Действует ли ее магия на больших

расстояниях? Не решит ли в ее отсутствие монстрик перекусить? И кого он сожрет первым? Хорошо бы парня, меньше мороки.

Демон волновался еще несколько раз, что несказанно пугало колдунов. Я тем временем вытянул нож и ждал удобной минуты. С неба опустился вечер, тени в комнате стали гуще, фонари не могли полностью их разогнать. Вот и мой шанс. Пока колдуны перешептывались и предполагали, что случилось с их подружками ведьмами, я перерезал веревки на запястьях и ждал случая освободить ноги.

Смешно, однако колдунов подвело собственное оружие. В какой-то миг демон взревел и встал на задние лапы, забил крыльями, замолотил когтями по воздуху. Колдуны подскочили, начали отступать, но места было не так много. Пока три сверхъестественные твари отвлекали друг друга, я рассек веревку на ногах и приготовился. Адреналин превратил кровь в огонь, в голове немного прояснилось. Как никогда четко я осознал, что либо сейчас сбегу, либо умру.

Монстр распахнул крылья и бросился на колдунов. Те заговорили одновременно, воздух заискрился, трескучая фиолетовая дуга врезалась в демона и вышвырнула его в окно. Парочка выглядела изумленной, словно не ожидала от себя такого. Парень заметил меня уже у самой двери. Он вновь поднял руки, между пальцами метались искры, но я заученным движением метнул нож. Он застрял у колдуна над ключицей. Парень забулькал и рухнул на колени, девушка, вопя, кинулась зажимать рану, а я выскочил на улицу.

Тьма ударила по глазам. Вокруг шелестело, вздыхало и поскрипывало. Я метался из стороны в сторону, пока не привык к темноте. Из дома неслись отчаянные вопли. Ветер прошелся по кронам деревьев.

«Все-таки лес»

И тут я понял, что избавился от колдунов, зато остался без оружия, а где-то рядом бродит разъяренное чудище. До сих пор я до конца не осознавал этого, но, брюнд подери, это же демон! Проклятая тварь с крыльями, когтями и зубами, которая только и ждет, как бы полакомиться мясом!

Пробираясь во мраке, я чувствовал себя ожившей статуей – каменные ноги не желали расставаться с землей, каждый шаг давался с невероятным усилием. Через пару минут я уперся в стену и выругался. Пришлось тащиться в обход. Вот-вот зарычит чудовище и вопьется острыми зубами, а земляному валу конца и краю нет. Я покрылся холодным потом, воздух обжигал грудь слева – похоже, сломаны ребра. Трясущиеся колени грозили подогнуться.

«Где, где, где? Да где же?!»

Руки нащупали странный выступ, он тянулся в сторону, а затем нырял в землю. За спиной, разбавленные лесными звуками, плыли испуганные крики. Монстр не показывался, но вместо облегчения сердце сжималось от подозрительного страха. Оставалось только карабкаться.

Миг – и я валяюсь на мокрой земле. Руки не сумели подтянуть отяжелевшее, избитое тело.

«Давай! Давай!» – кричал я сам себе. Отчаяние вышибло слезу из глаз. – «Брюнда с два! Вставай!»

Невообразимым усилием я поднялся на ноги, ухватился за выступ и подтянулся.

«Еще раз»

Новый рывок.

«Еще»

Мышцы горят, левую руку сводит, если бы у нее был рот, она бы выла от боли – будто кожа превратилась в раскаленную пластину.

«Еще»

Дом остался внизу. Крики стихли. Тишину прерывало только хриплое дыхание – мое.

Пот, слезы, кровь. Царапины и порезы щиплет. Крутит живот. Не сдаваться! Ухватиться, рывок! Ухватиться, рывок!

Рывок! Я выполз на вершину. Никакая это не стена – обычный холм, но от этого не легче. Сил почти не осталось, а рядом разгневанные колдуны и не менее злой монстр. Кто доберется до меня первым?

Оттолкнуться руками, встать на колени, на ноги, опереться на дерево. Передышка. Куда идти? Вперед.

Что это? Шаги? Чье-то дыхание? Или просто ветер, просто кроны шевелятся?

Ничего не видно, вдруг демон уже тут, затаился в паре метров и ждет, пока я сам залезу к нему в пасть?

«Не думай об этом!»

Легко сказать, но что еще остается? Я глубоко вдохнул и застонал от боли – вновь ожгло бок. Шаг, шаг. Деревья стояли близко друг к другу, я отталкивался от одного, ковылял до другого, до следующего. Земля пошла под уклон, я споткнулся и полетел

головой вперед. Черда ударов, вышибло дух, лицо уткнулось в траву. Сил хватило лишь повернуть голову, чтобы не задохнуться.

«Вот и все»

Сознание потекло, как масло на солнце. Так надрываться, чтобы остаться почти под самым носом чудовищ.

Вот и они. На этот раз точно шаги. Огни. Значит, колдуны оказались первыми.

– Поднимите его. – Мужской голос. Слишком низкий и грубый, чтобы принадлежать парню. И знакомый.

Две пары рук подхватили меня и устроили спиной к дереву. Что-то мягкое ткнулось в лицо.

– Назад! – рявкнул голос. Поскуливание. Странно. – Взбодрись, парень.

Шею кольнуло. Под кожей расплылось приятное тепло. Волна прошла от горла через грудь, руки перестало жечь, усталость покинула ноги. Зрение прояснилось, и в свете фонариков я увидел несколько силуэтов. Двое – с массивными рюкзаками за спинами; рядом по овчарке; третий – без снаряжения, но и без того огромный. Лоркан.

– Встать можешь? – поинтересовался он. Левую половину лица скрывала черная повязка, зато правая кривилась в презрительной ухмылке. Она словно говорила: «Я ведь предупреждал, мальчик, не годишься ты, не годишься»

Вместо ответа я ухватился за дерево и встал на ноги. Боль не ушла, но точно ждала за толстым одеялом, чтобы навалиться с новой силой. Потом, так что пока можно над этим не задумываться.

– Отлично. Где они?

– На той стороне холма. Дом в низине. Двое: колдун и ведьма. Колдун ранен.

– Тобой что ли? – хмыкнул Лоркан и затопал вверх. Ответ ему не был нужен, лишь бы вытереть об меня ноги.

– Тут еще... – я замялся, понимая, как прозвучат слова.

– Что?

– Демон.

Двое, что пришли с Лорканом, промолчали, но обменялись удивленно-насмешливыми взглядами.

– Вот как, – сказал Лоркан. – Тогда тебе лучше не оставаться одному – отец расстроится, если тебя сожрут.

Я так и не понял, поверил он или решил, что я немного не в себе. Пришлось карабкаться обратно на холм. Болезненность и усталость отступили, но тело будто сделалось ватным, так что двигался я, как пьяный.

На вершине Лоркан огляделся и сказал:

– Тут ничего нет.

– Вот же дом, – возразил я и указал на хижину между дубами-великанами. – Прямо посередине.

Собаки дрожали, может, чувствовали неладное, а двое с рюкзаками, похоже, уверились в моем слабоумии. Но только не Лоркан. Он меня недолюбливал, но никогда не терял бдительности.

– Мощность – на полную, – приказал он. – Ждите здесь, я спущусь один.

Инквизиторы покрутили регуляторы на рюкзаках, оказавшихся переносными генераторами антимагического поля. Лоркан легко спустился на дно лощины и прислушался, затем направился к дому. Постоял несколько мгновений перед дверью и скрылся внутри.

Я привалился к дереву и ждал. Возвращения Лоркана, того, что случится потом. Демона. Не могло чудище уйти далеко, наверняка шныряло поблизости. Надеюсь, люди с ружьями его отпугнут. Теперь, в безопасности, мне стало стыдно. Что скажет отец? Будет разочарован, это точно. А потом?

От подножия холма долетел отчаянный вопль. Ведьма выскочила из дома и метнулась прочь, но натолкнулась взглядом на нас и застыла. В проеме показался Лоркан, он даже не стал вынимать ружье, словно никакой опасности не было. Он схватил колдунью и развернул к себе. Свет фонариков высвечивал их, словно актеров на подмостках театра. Можно было вообразить романтическую сцену, но лицо девушки скривилось не от любовных страданий, а от вполне себе телесной боли: гигантская рука Лоркана сдавливала локоть.

Ведьма пыталась отбиваться, умоляла, кричала, но Лоркан отвесил ей пощечину и спокойно что-то говорил. Казалось, он объяснял ученице, в чем она ошиблась. Вот только слова явно были полны угроз. Девушка побледнела и осела бы на землю, да только Лоркан не отпускал. Он достал из кармана шарик, оранжевым огоньком блеснувший на свету. Девушка дернулась и снова закричала:

– Нет! Не надо! Пожалуйста!

Безумный взгляд метался по лощине, уперся в меня, полный мольбы и безнадежности. Мне стало не по себе, нетрудно представить, что сейчас случится. Но чем я мог помочь?

«Помочь? Из ума выжил? Она ведьма, она пыталась тебя убить»

Да, вот только ее ужас не вызвал ничего кроме отвращения и жалости. Точно не удовольствие. Чего не могу сказать о Лоркане – он наслаждался. Совсем как Дэдрик. Но Дэдрик мертв – из-за этой самой ведьмы.

В какой-то миг девушка сдалась, сломалась. Это было видно по тому, как потухли глаза и лицо потеряло всякое выражение. Лоркан отпустил ее, и девушка поплелась к дому. Движения ее были деревянными, точно у куклы с плохо смазанными шарнирами. Девушка скрылась внутри. Лоркан отошел подальше, к самому склону, и точным броском запустил оранжевый шарик прямо в дверной проем.

От грохота заложило уши, земля задрожала под ногами, огонь вырвался из двери и окна, пару секунд ревел, лизал дубы по сторонам и сгинул, оставив лишь пятно перед глазами.

Лоркан карабкался вверх, а я пытался осознать произошедшее. Он поведал девушке, что случится, когда она вернется под крышу, а после заставил ее сделать это. Возможно, таким ему представлялось очищение – у Лоркана на шее красовались вытатуированные ключи. Какая, казалось бы, разница: привести ведьму в Зал сожжений и казнить или сжечь вот так, в лесу, в ее собственном доме. Вроде никакой, но у меня в голове не укладывалось. Эта бессмысленная жестокость, это удовлетворение на лице Лоркана, радость в единственном глазу, почти счастье.

– Слабак, – сказал он, – даже колдуна прикончить не смог.

В голосе его мешались злорадство и презрение. Но мне, как ни странно, стало легче после его слов.

«Значит, я никого не убил»

Важно ли это? Да. Почему? Кто знает. Но увидев, как все обстоит на самом деле, я уже не был уверен, что хочу быть частью инспекции. Одно дело понимать свой долг, другое – видеть такое. Сегодня это произошло впервые, но мне предстоит наблюдать подобное изо дня в день, пока все колдуны не умрут. Хочу ли я этого? Смогу ли вынести? Теперь и не знаю. Инспекция оказалась, как и форма – солидная, желанная, а в итоге тесная, неудобная. Не по мне.

– Пошли, отец хочет с тобой поговорить, – сказал Лоркане, и мы потащились через лес. О демоне я и думать забыл. Рядом был кое-кто пострашнее.

* * *

В отцовский кабинет я попал перед рассветом. Вколотое средство выдыхалось, и боль отвоевывала тело, устраиваясь в нем, как я устроился в удобном кожаном кресле. Отец сидел напротив и ждал, пока врач закончит осмотр.

– Ничего серьезного. – Тон безразличный, словно речь не о живом человеке, а о деревяшке, которую уронили на пол. – Больше колоть не стану – организм молодой, сильный, сам справится. Ребра сломаны, так что придется ехать в больницу.

– Обязательно, – сказал отец. – После.

Врач кивнул и скрылся за дверью.

– Докладывай.

Отец смотрел прямо в глаза. На лице ни гнева, ни интереса, ни волнения.

– Я уже Лоркану...

– Докладывай.

Пришлось рассказывать все в подробностях: от вчерашнего ночного дежурства, которое обернулось катастрофой, до встречи в лесу с Лорканом. Если я рассчитывал, что странные сестры и их способности впечатлят отца, заинтересуют, то жестоко ошибался. Это вызвало не больше любопытства, чем остальное. Отец сидел с таким видом, будто уже все знал, просто хотел меня наказать, оттягивая отдых. К концу доклада уверенности в голосе поубавилось, а потому замечание о жестокости Локана прозвучало бледно и неубедительно, почти по-детски. Отец пропустил слова мимо ушей.

– Эти девушки... Они... – начал я, желая оправдаться.

– Они были сегодня в городе.

– Их поймали?

– Нет. Ускользнули. Напали на четверых наших людей и уничтожили дом своей бабки.

– Что?

Но и этот вопрос остался без ответа.

– Это не должно было случиться, – сказал отец задумчиво.

– Твои приборы не работают! – вскинулся я. – Они ничего не показали. А может, эти девицы и не ведьмы вовсе.

– Дело не в приборах, – отмахнулся отец. – Только дурак полностью полагается на технику. Дело в тебе. Ты ошибся, позволил себя схватить.

Жар бросился в лицо. Мне еще не было так стыдно, так обидно и так... зло.

– Дэдрик и Талкотт погибли, когда пытались схватить ведьм. Ты проследил за ними до убежища и вызвал подкрепление. Лоркан помог тебе с ними. Никто не знает, что произошло на самом деле, поэтому придерживайся моих слов.

– Что? И все?

– Мы потеряли шестерых людей за два дня – это больше, чем за три предыдущих месяца. Я не хочу, чтобы все узнали, что мой сын... провалил первое же задание. Мне нужна уверенность. Мне нужно убедить Совет Конфедерации в своем успехе.

– Но...

– Знай: если подобное повторится, я и пальцем не пошевелю.

– Понял, – после заминки ответил я. Глупо было рассчитывать на что-то еще, я получил больше, чем надеялся. Больше, чем заслужил. – А что насчет Лоркана?

– Он выполнял свою работу. Выполнял безукоризненно.

Невысказанное «В отличие от тебя» повисло в воздухе.

– Иди. Тебя отвезут в больницу.

С трудом я поднялся из кресла. Отец окликнул, когда я уже собирался повернуть дверную ручку.

– Ты ведь хотел уехать, учиться в Архитектурном, – поразительно мягко сказал отец. Сейчас он действительно был похож на моего отца, человека, которым был, пока не возглавил инспекцию. – Еще не поздно. Никто не осудит, я все устрою.

Вот она, возможность все бросить, никогда больше не сталкиваться с темной стороной инспекции. Выучиться на архитектора, устроиться на работу, жить обычной жизнью.

«Сбежать»

– Нет, – прохрипел я, сжигая мосты. – Я остаюсь.

Отец помолчал, затем произнес «инспекторским» тоном:

– Тогда больше не подводи меня. И помни, ради чего мы это делаем. Ты ведь помнишь?

– Да, – ответил я и открыл дверь.

Вот только я не помнил. И не был уверен, что вообще когда-то знал.

Глава 12. Виктория и рыжее бедствие

Ключья дыма потерянными душами скользили по дну лощины. Обгоревшие дубы скорбно поникли над остатками дома. Мерзкий запах поднимался и ввинчивался в ноздри. Запах раскаленного камня, сгоревшего дерева и... плоти. Я надеялась, что больше никогда его не почувствую.

– Пошли отсюда, – невыразительно сказала Ника, поднялась и побрела прочь.

Брюнда с два я бы встала, но вонь липла к мокрой коже, заполняла легкие, путалась в волосах. Казалось, еще немного, и от нее не избавиться никогда.

Мы устроились на другой стороне холма.

– Это не демон сделал, – прошептала я. Увиденное было ужасно, просто не укладывалось в голове. Все чудилось сном, обычным кошмаром, от которого можно отмахнуться по пробуждении. Но к непониманию примешивалось еще кое-что. Стыдно было думать об этом вблизи тел, но смерть Варгаса и Сони стала облегчением. Один пункт вон из списка «О чем стоит беспокоиться».

– Нет, – согласилась Ника. – Похоже, их нашли инквизиторы.

– Но как?

– Откуда я знаю? Может, Варгас сделал какую-нибудь глупость, или Мереш сбежал и нажаловался папочке.

– Да как он смог бы?

– Ну, возможно, точно не скажу, демон мог... э-э... разорвать пути. Взбунтоваться.

– Но ты сказала, он подчиняется вожаку! – Я уставилась на сестру. В Нике не осталось и следа былой уверенности. Сейчас она выглядела едва ли не растерянной меня – такого еще не бывало. Или бывало?

– Подчиняется, да не совсем, – тихо ответила Ника и принялась возиться с остатками волос. – Рогача ранили, ты видела, как мне было трудно его успокоить. Связь тогда могла разорваться или ослабнуть. Ну и... и вот.

Она спрятала лицо за спутанными, неровными прядями, а я пыталась унять бурю негодования. О, Пятеро, как мне хотелось высказаться, обвинить Нику во всем, переложить вину на нее, только на нее. Но вряд ли бы от этого стало легче.

– Знаешь, никогда об этом не задумывалась, – начала я. – Но почему ты просто не собрала всю стаю и не напала на Лазара Мереша? Не обязательно это было делать среди бела дня, на площади. Можно было проследить за ним до дома, верно?

– Да, но там охрана и...

– А у тебя целая стая невидимых монстров.

Пару минут Ника молчала. Холод опускался с ночного неба, поднимался от непросохшей земли. Несмотря на нелюбовь к прикосновениям, очень хотелось прижаться к сестре, чтобы хоть немного согреться. Но сделать это раньше, чем получу ответ, я не могла.

– Я немного... ну, приукрасила, когда говорила о стае, – призналась Ника. Голос ее звучал жалко и виновато. Уж не собралась ли она снова плакать? Надеюсь, нет, потому что в противном случае я ей врежу. Мне хотелось рвать и метать. Откуда только это взялось? Из воздуха разве что.

«А может, и так»

Только сейчас я сообразила, что ароматы деревьев, земли и трав перебивались не только гарью, но и металлическим привкусом ненависти. Был еще какой-то след, слишком острый, чтобы постичь его, но от того не менее ощутимый.

– Когда я очаровала вожака, – продолжила Ника, прервав мои размышления, – стая не пошла за ним. Они – животные, почувствовали слабость и заупрямились. Там было еще два самца с претензиями, они устроили драку, и один стал новым вожаком. Мне удалось увести за собой только самого никчемного соплеменника. Вот и все. Не было у меня стаи. И толку от вожака – ноль. А теперь Соня и Варгас мертвы. Прости.

Стыд выплескивался через край. Ника извинялась за смерть Варгаса и Сони, а я жалела, что дом сгорел. Что со мной не так?

– Мы обе хороши, – повторила я слова, которые Ника сказала вчера. – Я тоже не слишком о них пеклась. Нет, я бы их не бросила совсем, но с радостью бы отдохнула от обоих. Отвратительно звучит. Ты правда думаешь, что я избалованная и всех мучаю?

Слова вырвались прежде, чем я успела их обдумать.

– Да, – честно ответила Ника и посмотрела мне в глаза. – Я так думаю. И не жалею, что сказала это, тебе давно пора было услышать что-то подобное. Хотя, конечно, можно было выразиться мягче, ведь ты была не в себе, и все такое. Просто меня взбесило твое безразличие. Мне холодно, – закончила она, ясно давая понять, что разговор окончен.

– И есть хочется, – сдалась я и подползла к сестре. Ни искорки, ни цвета, ни звука – ничего в ответ на близость. Как всегда. Именно сейчас стало грустно от этого. И так темнота кругом, рядом ни души. Точнее, одна-то есть, но и та далека, будто по другую сторону ночи.

Несмотря на правило номер один, в тот миг я радовалась, что могла просто прижаться к кому-то и почувствовать тепло. Давно такого не случалось.

– Извини, не хотела, чтобы так получилось, – тихо сказала я. – Просто я думала, если не замечать это, оно само как-нибудь исчезнет. Или выйдет отгородиться от всего.

Какое-то время Ника молчала.

– Ну, может, я немного перегнула палку, – прошептала она наконец. – Я не знаю, каково это, а ты была ребенком, да и вообще. Мои-то силы проснулись с твоими одновременно. Вдруг это как-то связано. Я помню, как было страшно, когда ночью ни с того ни с сего ты начинала смеяться. Или могла разреветься за обедом и не успокаивалась по несколько часов. А я боялась из дома высунуться: заметила краем глаза демона и перетрусилась. Они-то к дому не совались – бабушка, понятное дело, позаботилась об этом. Но в семь лет это настоящий кошмар. Потом привыкла.

– А мне до сих пор страшно, – призналась я. – Не представляю, чем все это кончится. Раньше у нас хоть что-то было за спиной, а теперь мы будто в лесу заблудились. Образно говоря.

– Мне тоже страшно, – откликнулась Ника.

– Ой! Это еще что?

Устраиваясь поудобнее, я задела сумочку, которую мы чудом не потеряли, и наткнулась на что-то острое.

– А, – чуть оживилась сестра, – «Оковы Гоэтии». Не все так плохо.

– Давай посмотрим.

Луч фонарика осветил ветхий том с железными уголками на обложке. Заглавие давно стерлось, страницы выглядели странно, словно это и не бумага была.

– Кожа, – пояснила Ника. – Телячья, скорее всего. Точно не человеческая, – добавила она, увидев отвращение на моем лице. – Интересно, что все это значит?

Она просматривала ряды витиеватых символов, схемы и рисунки. Щурилась, крутила головой, но явно не знала, с какой стороны подступиться к чтению.

– О, так гораздо теплее, – сказала Ника, разглядывая изображение гигантской змеи с крыльями. – Не могла раньше так сделать. Эй!

Книга вылетела из ее рук.

– Вот ты сейчас что хочешь сказать? – Я едва удержалась от крика, голос дрожал, а от сжатых кулаков расходились волны жара. – То есть мы подставили папу и Риту, бросили

Соню с Варгасом, разрушили бабушкин дом, подняли на уши всю инквизицию ради книги, которую ты не можешь прочесть?!

– Есть словари, я хотела взять один из бабушкиного дома! Не думала, что все обернется так!

– Да ты вообще не думала! О, Пятеро, почему я верю тебе каждый раз? Ты ведь все время если не врешь, то недоговариваешь!

Кнуты ярости разматывались и приготовились хлестать без разбора. Мы с Никой зло уставились друг на друга.

– Так бы тебя и укусила! – крикнула я.

«Укусила? Откуда это взялось?»

– Чувствуешь? – прошептали мы одновременно и повернулись к маковке холма.

Гнев застыл, потух и превратился в лед. Оно было там. Черное пятно, невидимое для всех, кроме нас с Никой.

– Иди-ка сюда, – позвала она.

Рядом будто птица пронеслась. Демон и впрямь был ничемным: воля сестры хомутом сомкнулась на мускулистой шее, а чудище даже не сопротивлялось. Кружение мутных чувств замедлилось, голод утих. Из-за деревьев шагнула приземистая тень.

– Ну вот, – довольно произнесла Ника. – У нас прибавление.

– Бесплезная крылатая обезьяна, – скривилась я. – Он не сможет нести двоих. Да и куда нам идти?

Ника задумалась, склонила голову и внимательно осмотрела демона. Затем сощурилась и положила ладонь ему на голову. Минуту-другую ничего не происходило, а потом уродец коротко рыкнул и унесся ввысь, сшибив нас с ног.

– Отлично, – сказала я, поднимаясь и выплевывая сухие листья, – и куда он?

– Искать кого-то большого и крылатого, – просто ответила Ника и снова уткнулась в книгу.

– О, конечно, как я не догадалась, что кругом полно демонов, которые только и ждут, как бы покатасть двух полоумных девиц.

– Да их тут целая куча, – отмахнулась Ника, словно говорила о комарах.

– Seriously?

– Ну да. – Она подняла голову и удивленно посмотрела на меня. – Ты не знала? В горах, лесах и городах.

– Городах? – ужаснулась я. – Что ж это выходит, твари целыми толпами разгуливают по улицам, и никто ничего не знает? А почему они не нападают на людей?

– Нападают, просто те, что живут в городах, они не такие, как эти. – Ника взглянула на темное небо. – Эти – едва ли умнее животных. А городские – намного сложнее. Ни одного поймать не смогла, чересчур сильные.

– Но что они едят? Люди пропадают, и никого это не интересует, что ли?

– Ой, я тебя умоляю, они едят не мясо! Кому-то нужны сны, другие питаются чувствами, третьим хватает детского дыхания.

– Детского дыхания? – пробормотала я. – Нет, стой, не хочу ничего знать. И ты послала одного демона, чтобы он привел тебе другого?

– Ага.

– А как он поймет, кто нам нужен.

– Я постаралась объяснить, надеюсь, он сообразил.

– Надеешься?

– Он, конечно, может притащить кого-то совсем не того, но в нашем ли положении привередничать?

Ника водила пальцем по странице, позабыв, похоже, обо всех горестях, а я пыталась осмыслить новые истины.

«Лучше бы сидела в своей хижине, все само бы уладилось как-нибудь»

Текли минуты, древесные листья словно откликались на шорох книжных страниц. Ночь выморозила воздух, а ветер холодным языком проходил по коже – и не скажешь, что июль.

Я почувствовала демона задолго до того, как он объявился. Будто гигантское облако, наполненное угрозой и голодом, спустилось с неба. Земля содрогнулась под шестью лапами, испуганный скрип деревьев разогнал тишину. На высоте метров трех-четырех замаячила уродливая морда: глаза, как у змеи, широкий жабий рот, не закрывающийся от обилия зубов, едва заметный бугорок носа. Две мускулистые лапы-руки разводили в стороны ветви. В каждом движении чувствовалась мощь, уверенность, необузданность. И ни капли покорности.

– Ой, – только и сказала Ника. Она вскочила на ноги и отступила на несколько шагов, чтобы рассмотреть нового питомца.

– Давай быстрее, – шепнула я, – не нравится мне, как он смотрит.

– Как будто съесть хочет.

Судя по тому, что предыдущего демона поблизости не было, а тонкие губы и подбородок нынешнего чернели от крови, она была недалеко от истины.

Ника храбро вскинула голову и уставилась в оранжево-золотистые глаза. Все застыло, даже ветер не теребил крон. Тем не менее у подножия холма разразилась нешуточная схватка. Я чувствовала, как сгустился воздух, как столкнулись в противоборстве две воли. А еще я поняла, что это чудовище так легко не сдастся. Его упорство напоминало панцирь, свободолюбие могучими крылами отгоняло любую попытку сковать его, а от голодной ярости слезились глаза.

– Помоги, – выдавила Ника, будто тщила поднять валун.

«Это ведь не человек», – хотела возразить я, но, увидев пот на лице сестры и вздувшиеся вены на шее, почла за лучшее промолчать. Какая разница, в конце концов?

Проникнуть в эмоции демона – такого странного ощущения я не испытывала за всю жизнь. Неудержимые, как водопад, тягучие и размеренные подобно меду – так легко увязнуть. Я словно месила огромный ком не до конца застывшей глины. Часть осыпалась, часть преобразилась в гротескное уродство, но общая форма постепенно проявляла себя. Со стороны, наверно, казалось, что мы просто уткнулись друг в друга взглядами, но внутри сила растекалась вместе с кровью, одна воля заглатывала другую, пока, наконец, демон не покорился. Чудище согнуло три пары коротких, мощных ног и отвесило некое подобие поклона. Морда скрылась в тени, чему я несказанно обрадовалась: довольно насмотрелась в жуткие, немигающие глаза.

– Ай да мы, – простонала Ника, переводя дыхание.

Я схватилась за грудь, в ладонь застучало сердце, точно сердитое, что его так нещадно напрягают. По лицу тек пот, в ушах звенело, но – неожиданная приятность – я осталась собой. Не слетела с катушек, не засверкала глазами, не попыталась высосать из демона все чувства до последнего. Может, Ника права, может, дело в тренировках и усердии. Если так, давно пора было это понять. Несмотря на успех, я чувствовала себя виноватой и разбитой.

– Только после вас, – криво ухмыльнулась Ника и принялась запихивать книгу в сумочку.

– Куда мы?

Ника ответила.

– С ума сошла?!

– А что? – возмутилась она. – Папу наверняка арестовали, дома сейчас пусто, нам бы немного передохнуть, поесть. Придумать, что делать с книгой.

Идея была хуже всех других вместе взятых.

– Мы ходим по кругу, – возразила я. – Мечемся от одного дома до другого. Ничего хорошего из этого не выходит.

– Пусть так, – начала злиться Ника, – есть другие предложения? Как я и думала. Можно было бы остаться здесь или устроиться в Центре – там полно пустых зданий. Но я хочу есть! Нам нужен дом с холодильником.

Если бы не голод, я бы сопротивлялась дольше, но после слов Ники в животе резануло, и теперь думать о чем-то другом было выше моих сил. И вот мы – три невидимки – летим сквозь ночь. На востоке, небо чуть посерело – скоро рассвет. В животе пусто, то же – в голове. Усталость и обреченность гирями тянут к земле.

Показались дома, вдали переливалась огнями Башня. Наверняка под Куполом вдоволь еды, и люди, которые снимут проблемы с наших плеч и уложат на свои, а нас уложат в кровати. Но туда не добраться.

«Брюндовы маги, все беды от вас!»

– Смотри! – крикнула я в ухо сестре.

Верхний этаж одного из небоскребов в Кольце скорби полыхал красками. Бурое, как засохшая кровь, предвкушение, алый, как свежая кровь, азарт, бордовое с фиолетово-черными проблесками – смесь из безнаказанности и ненависти, приправленная некоей первобытной, дикой страстью, которую современные люди давно позабыли, но которая всегда просыпается, стоит «сильным» загнать в угол «слабого».

И все это вокруг безумной пляски искр, похожей на вертушку фейерверка. Не понять, один там человек или несколько, трясется ли он от страха или хохочет в исступлении.

Мы были слишком далеко, чтобы ощутить вкус, но я вполне представляла его: металлический, с горечью.

– Ничего ж не видно, – откликнулась Ника.

– Давай туда.

Она заворчала, но направила демона к небоскребу. Через остатки окон мы увидели, как двое мужчин приближаются к хрупкой фигурке. Фигурке с безумно-рыжими волосами, загнанным выражением на лице и слабым голосом, который выкрикивает одно за другим ругательства.

– Почему именно она, – прошептала Ника. Или мне только показалось. – Действуй.

Демон проломился сквозь стену и могучим ударом снес инквизиторов. Обхватив замотанную куском футболки ногу, на полу корчилась Ева. Во все стороны от нее летело крошево облегчения, страха, недовольства, радости, боли, надменности, опасливости... Чего там только не было, даже смотреть больно.

– Помоги ей, – сказала я Нике.

– Сейчас-сейчас, – откликнулась она.

Пока Ника пыталась вразумить Еву, хлестала ее по щекам и осматривала рану, я оставалась возле демона. В какой-то миг в нем мелькнула и пропала настороженность. Шаги я уловила слишком поздно.

Из тени выступил инквизитор. Он был весь в черном, и я имею в виду не только одежду. Мужчина походил на Нику – ни капли цвета, ни капли жизни. Но если сестра будто отгородилась стеной, то инквизитор был совершенно пуст внутри.

«Как будто у него нет души, а эмоции настолько слабы, что их не видно»

Демон ринулся на врага. Свист резанул по ушам, сверкнуло алым, а затем монстр вместе с инквизитором пробили пол и скрылись в облаке пыли. Во все стороны разбежались трещины, Ника едва успела отволочить Еву, как на том месте, где они только что сидели, образовалась дыра.

– Вернись! – крикнула Ника. Ева повисла у нее на плечах. Огоньки сонно потухли. – Вернись!

Минуту или две мы вглядывались в темный провал.

– Вот он! – с облегчением воскликнула я.

Демон с трудом выполз вверх. Оружие инквизитора рассекло широкую грудь, в бок застрял кусок арматуры. Если чувства Евы просто притихли, побледнели на время, то из монстра они уходили насовсем.

– У меня это, – бормотала Ника, усаживая Еву впереди себя. – Как его – да сиди ты! – жу де вю? Старое слово, когда кажется, что такое уже было.

– Оно и было, пару часов назад, – ответила я, так и не поняв, что за слово такое она имела в виду.

Мы взгромоздились на дрожащую спину, и демон распахнул крылья.

– Нам сегодня повезло, – сказала Ника, – так пусть повезет еще раз. Что она там бормочет?

– Не пойму, – ответила я. – Вроде фасоли просит.

Той ночью я впервые молилась. Глупость, конечно. Но если ты второй раз за вечер летишь на подышающем монстре, пора что-то в жизни менять.

Часть третья. Девушки, которые играли с огнем

Глава 13. Безданная Ева

Сокрушительно милая. Именно так можно было описать комнату, в которой я проснулась. Вечерний свет с трудом пробивался сквозь золотистые шифоновые занавески и растекался по стенам (персиковым с золотым узором) как варенье.

«Зато кровать удобная», – сказала Затеяница.

«Ортопедический матрас», – тут же откликнулась Зануда.

«Мы вообще где?» – задала главный вопрос Вредина.

Кровать и впрямь была мягкая, уютная, из нее не хотелось вылезать. Подушка нашептывала разные милости на ухо. Голос ее был такой теплый, убаюкивающий...

«Соберись!» – воскликнула Вредина.

«Да, давай-ка вставай», – подхватила Зануда.

Голову начинили битым стеклом и металлоломом. Тонкое кружево мыслей рвалось об острые углы, не успев сплестись. Нога не болела, но двигалась с трудом. Откинув одеяло, я осмотрела рану. Кто-то обмазал дырку в голени простейшим целительским составом и замотал тряпкой. Из-под повязки выглядывало красное пятно, горячее и пульсирующее.

«Воспаление», – пояснила Зануда.

«Да что ты говоришь?»

Обстановка навевала думы о пожилой паре с хорошим достатком и отсутствием вкуса (и чувства меры). Помимо гигантской кровати и комода здесь теснились три пуфика, мягкое кресло у окна, узкий стеллаж, заполненный всякой ерундой вроде фарфоровых пингвинов, встроенный шкаф, из приоткрытой дверцы которого стыдливо выглядывала лиловая юбка. Ей там явно было тесно.

– Уф, девочки, – пробормотала я, – вперед.

Три коротких вдоха – рывок! Подняться с постели оказалось труднее, чем представлялось. Правая нога, словно пришитый к живому телу кусок плюшевой игрушки, подогнулась. Я вцепилась в занавески, но все равно упала. Следом рухнул карниз.

«Спасибо, что не по голове»

Выпутавшись из складок шифона, я приспособила карниз по собственным нуждам: деревянный и крепкий, он сошел за отличную трость. Со второй попытки удалось встать. Затухающий свет ударил по глазам.

«Вот это да», – поразилась Зануда.

«Интересные люди тут обитают», – одобрила Вредина.

«Все лучше садовых ангелочков», – хихикнула Затеяница.

За живой изгородью метра три высотой прятался садик. Цветочки, кустики, поилка для птиц, кованая скамейка, труп демона – просто мечта, а не задний дворик.

Я повернулась к двери и вскрикнула: мозг будто забыл повернуться вместе со мной. За глазами бился пульс, точно маленький гномик пытался выбраться наружу через глазницу.

Кое-как я вывалилась из комнаты и заковыляла по светло-голубому коридору, как и спальня, загроможденному мебелью, шторками, картинками и прочей дребеденью. Несмотря на карниз, приходилось держаться за стену, поэтому я то и дело цеплялась за лампы, гобелены, или как там это тряпка называется, натыкалась на комодики и тумбочки. За первой дверью оказалась ванная комната, которой я не преминула воспользоваться. Затеяницу весьма повеселило мое отражение в зеркале: бледная девица с всклокоченными волосами, в штанах без одной штанины, диким взглядом и похожей на посох палкой – ну чем не королева неудачниц?

Дальше была еще одна дверь – кладовка, а ближе к арке – спальня, сиреневая, фу, какая мерзость.

На высокой кровати трепыхалась престарелая парочка. Мужчина и женщина были связаны лицом друг другу и лежали так плотно, что их дерганья выглядели весьма двусмысленно.

– Простите, не буду мешать, – вежливо сказала я, закрыла дверь и потащила в гостиную.

Слева доносились голоса.

– ... пустой!

– Нет, я сказала: подходящий!

– Подходящий?! Да мы чуть ли не в Центре!

– Я не виновата, что ему приспичило сдохнуть именно здесь! Какая разница вообще?

Тут есть еда, мы помылись, поспали – чем плохо? Можно двигаться дальше.

– Куда дальше? Книги у нас больше нет!

– В этом тоже я виновата? Если бы ты не решила спасти эту полоумную швабру, мы бы ее не потеряли!

– А вы все так же дружны, – улыбнулась я и шагнула в кухню.

Виктория и Ника стояли по разные стороны стола и готовы были вцепиться друг другу в волосы. Виктория, надо признать, оказалась в менее выгодном положении, потому что ее сестра...

«Что у нее с прической?» – удивилась Вредина.

«Кто ее мастер?» – скривилась Зануда.

«Маньяк с газонокосилкой», – предположила Затейница.

Я хихикнула.

– А ты все такая же чокнутая, – закатила глаза Ника.

– Рада тебя видеть, – обратилась я к ней, – ах нет, не тебя. Тебя.

Виктория в ответ лишь пристально вглядывалась в меня.

– Что? У меня рога за ночь выросли?

– А? Нет, нет, я просто... Как нога?

– Пока на месте.

Я взгромоздилась на табурет и с облегчением выдохнула.

– Ну а ты чего уставилась? – спросила я у Ники.

– Что у тебя с волосами? В банку с краской упала?

– А с твоими что? В блендер затянуло?

– Обсудим прически в другой раз, – осадила Виктория. – Кто хочет есть?

Вскоре я набивала живот тостами с шоколадным маслом, пирожными, творогом и запивала все сладким чаем. Почти идеальная картина: две подруги и стерва беседуют (читай: две беседуют, одна язвит), пьют чай, едят вкусности. Все замечательно, если не обращать внимания на дырку в ноге да связанных хозяев, которые так расшумелись, что Нике пришлось подняться и утихомирить их.

– Что ты с ними сделала? – спросила Виктория сестру, когда та вернулась.

– Уверена, что хочешь знать?

– Нет, пожалуй.

– Так вы расскажете, что тут делаете? – не удержалась я. – И как вы меня нашли, да вообще, где были, что творили? О, кстати, это правда, что вы разнесли дом своей бабушки?

– А то, мы такие, – с бравадой ответила Ника.

– Не мы, а ты, – отрезала Виктория.

– О,о,о! – запричитала я. – Хоть раз узнаю новости из первых рук!

Ника демонстративно отошла к визионной панели и стала листать новости, а Виктория принялась рассказывать. Когда она поведала о том, что демон уже не первый, я расхохоталась.

– А-а-а! До этой минуты я считала себя неудачницей года! Грохнуть двух демонов за одну ночь – да таким не каждый в Ордене похвастаться может!

– Очень смешно, – буркнула Ника из своего угла. – Могла бы и спасибо сказать. Мы тебя спасли вообще-то. Теперь у нас есть ты, и нет книги!

«Про какую книгу они твердят?» – полюбопытствовала Затейница.

– Да, кстати, – согласилась я, – тоже не пойму.

«Ты это вслух сказала», – отчитала Зануда.

– Что? – прищурилась Виктория. Чего она так смотрит?

– А, ну, это, что за книга, говорю?

– «Кандалы Готии».

– «Оковы Гоэтии», – страстно поправила Ника. – Единственный экземпляр. Мы так рисковали, чтобы его достать. И так глупо проср... потеряли.

– Это круто, конечно, – осторожно заметила я, – но на кой он вам сдался. Вы даже не ведьмы.

Виктория бросила на сестру злой взгляд и процедила:

– Ника решила убить Лазара Мереша.

В застывшем безмолвии было слышно, как Ника скользила пальцем по экрану.

– Ну, ничего так планы на выходные, – наконец ответила я. – Ника, можно я тебя Рагнару покажу? Он считает меня больной на всю голову, так хоть будет знать, что ошибся.

– Ха-ха, – откликнулась та. – Чтоб ты знала, инквизиторы усилили поле, оно теперь покрывает – внимание – все крыши, так что никто, твой брат в том числе, не сможет выкинуть тот же фокус, что позавчера.

– Какой фокус? – удивилась я.

Виктория рассказала о туманных фигурах, которые носились среди туч и вызвали молнию.

– Надо же, я думала, они только болтают и ничего не делают. – Вот так новость! Рагнар, оказывается, не врал, когда говорил, что Орден не сидит на попе ровно. Аж голова закружилась.

«Выходит, мы тут уже два дня», – протянула Вредина.

– Ты как? – забеспокоилась Виктория.

– Как шашлык. Нога горит, и все как в тумане. У вас нет лекарства или еще чего?

– Мы и так все зелье на тебя потратили, – проворчала Ника.

– А в доме ничего, кроме годового запаса слабительного, – подхватила Виктория.

– Жаль, мне бы не помешало взбодриться. А ты не можешь позвать еще одного демона? – обратилась я к Нике.

– Извини, потеряла волшебный пульт. Демоны, вот несчастье, не выстраиваются в очередь под дверью.

– А говорила, их полно. Опять преувеличила? – выплонула Виктория.

Мне становилось все хуже, а их грызня начала утомлять.

– Было бы проще, если бы вы послушались и отнесли меня к Фабиану, – попеняла я.

– К кому? – не поняла Ника.

– К Фабиану, знакомому служителю, – пояснила я. – Говорила же вчера.

Виктория медленно произнесла:

– Так ты не фасоль просила?

Мы уставились друг на друга.

– Служитель, серьезно? – фыркнула Ника.

– Заткнись, облезлая, он не так плох, я же рассказывала.

– Не рассказывала.

– А, ну тогда...

Пришлось выложить историю ночных походов, которые и привели к знакомству с Фабианом.

– Он церковный врач, – закончила я. – У него точно есть лекарства.

Виктория задумалась.

– Так себе идея, – сказала она.

– Полная чушь! – вставила Ника.

– Ну, куда уж мне до покушения на главного инквизитора!

– Это неважно, – перебила Виктория. – До него несколько кварталов топать. Надо выйти из дома, добраться до церкви, найти его там. Да ты посмотри на нас.

Ну да, выглядели мы не очень. Виктория и Ника в драной, грязной одежде, я в половине штанов, да еще шатаюсь, как пьяная. Можно было бы переодеться – в спальне полно одежды, но вряд ли три девицы в старушачьих нарядах вызовут меньше подозрений.

«Девочки! Мозговой штурм!»

Несколько минут мы придумывали и отметали один за другим варианты. Я хмурилась, вздыхала, фыркала и скидывала брови, пока спорила с троицей.

– Мы решили, – возвестила я под испуганно-удивленными взглядами сестер.

«Опять вслух», – прошептала Вредина.

– Гхм, не обращаем внимания, у меня жар. Вот что мы сделаем...

Вкратце я обрисовала план.

– Это сработает? – с отвращением поинтересовалась Виктория.

– Без понятия, только что придумала. Ничего не могу обещать. Хотя нет, могу – расстройство желудка нам обеспечено.

– Отлично, – фыркнула Ника.

– Соглашайтесь, – пробормотала я. Волны жара скользили по ноге, под коленкой точно кошка на ночлег устраивалась.

«Наверняка инфекция», – встревожилась Зануда.

– Не торопи нас, – огрызнулась Ника.

– Через час-два я вырублюсь, и тогда вы застрянете тут.

От Виктории полз холодок, но это было приятно: немного успокаивало огонь в ноге.

– Что вы на меня смотрите?! – возмутилась Ника. – Придумали невесть что, а мне вся грязная работа?

– Твоя зверюшка, – заметила Виктория.

– Ты, можно подумать, им не пользовалась...

Спор грозил затянуться, но все решил случай – ...

Затейница усмехнулась, но Вредина и Зануда шикнули на нее.

... звякнуло, и на небольшой визионной панели в углу кухни появилось худощавое женское лицо.

– Если вы решили снова меня продинамить, ничего у вас не выйдет! – обиженно заявила женщина. – Жду вас в ресторане, если не появитесь там через сорок минут, я приеду и притащу вас силой! Хотите или нет, но вы познакомитесь с моим женихом!

Пока с еще одним сигналом лицо не исчезло, мы боялись вдохнуть. Конечно, женщина не могла нас видеть – никто не ответил на вызов, – но казалось, что ее маленькие недовольные глазки смотрели прямо на нас.

– Ну хорошо, я сделаю это, – вздохнула Ника, набираясь решимости.

Двенадцать минут спустя она вернулась и поставила на стол стеклянную банку, заполненную мерзостью, которую в лучшем случае можно было принять за полусгнившее вишневое желе. Все время, пока Ника возилась на улице, Виктория не спускала с меня пристального взгляда. Хотелось бы надеяться, что ее волновало мое самочувствие, но подозрение так и застыло в карих глазах. Вредина, Зануда и Затейница даже начали спорить: не видит ли Виктория их. Я притворялась, что мне слишком плохо, и нарочно не обращала внимания ни на гомон в голове, ни на Викторию.

– Итак... – сдавленно протянула Ника. Казалось, ее вот-вот стошнит.

– Не свежая, но сойдет. Ну, Пятеро нам в помощь, – пролепетала я и сунула палец в банку. – Фу-у-у! Как слизняку массаж делать!

Здрав футболку, я нарисовала под грудью символ. Кожу начало жечь, но по сравнению с кислотой в ноге, это ничто.

– Теперь вы.

Виктория и Ника со страдальческим выражением на лицах по очереди макнули пальцы в демонскую кровь и вывели на животах магический знак.

– Инквизиторы точно этого не засекут? – с тревогой спросила Виктория.

– Точно, точно. Это магия из внешнего источника, как подземные течения. А инквизиторские штучки видят только, когда творится живое чародейство. Рагнар говорил про мозговые волны или что-то такое. Но предупреждаю: магия крови вытягивает много сил.

– Как же тогда ты справ... – начала Виктория, но Ника перебила ее.

– Когда оно подействует? – спросила она, тщательно вытирая руку о полотенце.

– М-м, ну, это еще не все.

– Как это не все? – воскликнула Ника. – Ты сказала...

– Нужна реакция, а чтобы была реакция... придется принять внутрь.

Виктория глянула на банку, а затем метнулась к раковине. Ника справилась с желудком, а вот в словах сдерживаться не стала. Столько оскорблений и ругательств я даже от брата не слышала.

– Ой, какие ж вы нюни! – не выдержала я, зачерпнула темный комок и проглотила. – Ням-ням, стерва! Ам и нет. Даже вкуса не чувствуете... Ой-ой-ой!

Горло ожгло, как после виски (раз в жизни пила и зареклась), а желудок, похоже, решил переселиться и ползал внутри, искал место получше.

«Давайте поспорим, – неожиданно предложила Затейница, – до сколько Ева проживет?»

«Лет?» – уточнила Зануда.

«Скорее часов», – сказала Вредина.

– Нормально, – выдавила я. – Никто ж не думал, что будет легко. Она вообще могла ядовитой оказаться. Теперь вы.

Девчонки еще какое-то время сомневались, но как справедливо заметила Виктория:

– Хуже быть не может, верно?

Она смогла проглотить лишь со второго раза, а Ника – крепкий орешек – даже не моргнула.

– Я иногда ела бабушкину стряпню, – сдавленно пояснила она, – у меня повышенная сопротивляемость к ядам. Когда подействует?

– Скоро.

Но вот прошло десять минут, двадцать, сорок. Солнце потухло и звезды как цветы стали раскрываться прямо посреди кухни. Одна стена растаяла и превратилась в океан, другая разлетелась стайей птиц. Нет... Кругом лес и синий мох ползет к небу... Облака в банках... Осы с алмазными жалами...

– Ау, проснись! – Ника трясла меня за плечи и выглядела не то разозленной, не то испуганной. – Да тебя колотит.

Виктория стояла поодаль, она спрятала в ладонях лицо и старалась не глядеть на меня.

«Она что-то знает», – прищурила Затейница.

«Не до того»

– Эй! – Ника пощелкала пальцами у меня перед носом. – Соберись. Уже работает.

– А?

Вместо ответа она выдохнула и тут же растаяла в воздухе.

– А ты? – Виктория кивнула и тоже исчезла.

«Девочки, поднапряглись»

Никогда еще чародейство не давалась так тяжело. Я обессилела, а магия крови – почти запретная область.

«Мы по таким только и ходим последнее время», – подала голос Вредина.

– Отлично, – сказала Виктория. – Пошли.

Путь до церкви я провела у Ники на плечах в полуобморочном состоянии, а потому не очень запомнила. Очнулась, лишь когда кто-то двинул локтем в бок и зашипел:

– Ты видима! Сосредоточься!

Но куда там, я едва держала глаза открытыми.

– Святые небеса! Что с ней делать? – перепугалась Виктория.

– Бросим здесь и уйдем? – предложила Ника.

– Прекрати.

– Найдите Фабиана, – пробормотала я. Почему вокруг там темно? – Он высокий, красивый и добрый. – И цветные пятна кругом, откуда они? – У него ямочки на щеках. – Скамейки? Мы уже внутри, что ли?

Спорить было некогда, так что меня сгрузили на лавку подальше, в темном углу и ушли искать служителя. Мне было холодно и странно, будто потерялось единство с телом. Свет лился через витражи, расцвечивая темное пространство яркими мазками. Почему они не зажгут лампы? Пара десятков прихожан сидели в первых рядах и внимали служителю – старому мужчине с доброй улыбкой и одухотворенным лицом. Может, Фабиан не единственный хороший служитель? Ага, они все милашки, а сжигают ведьм от большой любви! Хватит, ей и так плохо. Я чуть не упала со скамейки, ногу прострелила боль. Вокруг двигались тени, или только одна, или не тень. Может, лучше улечься, тогда никто не заметит. Тень идет. Что это?

– Добрый вечер, – произнес мужчина с острым лицом. Руки он прижал к груди, из-за чего выглядел так, словно все вокруг вызывало у него брезгливость. Или только я. – Вам помочь? Не хотите ли подойти ближе и послушать Сервия? Он сегодня рассказывает, как родился Новый мир, весьма занимательно и поучительно.

Даже наполовину оторвавшись от реальности, я поняла, что этот служитель точно не был «хорошим». За ласковым тоном и милой улыбкой скрывался хитрец и завистник. И откуда такая проницательность?

– Эм-м? Нет, нет, спасибо. – Я постаралась улыбнуться и сесть поправее. Как трудно языком ворочать, облезлые ангелы. Они смотрят или нет? Вчера точно смотрели... Соберись, *он* смотрит! – О, знаете, мне иногда бывает плохо, поэтому я обычно сижу подальше... поближе к выходу, ну, мало ли что. Бывали случаи, я бывало, бывало... Бывало, в общем. У вас тут очень красиво и... умиротворительно... Ой, я хотела сказать, умиротворительно, хах, да, именно так.

– А сейчас вам не плохо? – поинтересовался служитель. Улыбка напоминала оскал. Чего он смотрит? Ногу он не видит за скамейкой, может, на лице что, кровь, о, брюнд, кровь на лице осталась или... Тише, он что-то спрашивает!

– А? Извините, я задумалась.

– Вы кого-то ждете?

– А, да, Фабиана. Мы с ним иногда...

Брюнды и демоны, что ты городишь?! Зачем ты сказала про Фабиана? А что если он пойдет за ним?

– ...иногда молимся вместе, он мой... духовный наставник.

– Разумеется, – протянул служитель, даже не пытаясь скрыть хищного взгляда. – Что ж, могу позвать его, если хотите.

– Ой, да не стоит, – пролепетала я, понимая, что... Что? Что-то я понимала, но забыла.

– Тогда не буду мешать. Пусть Мортис присмотрит за вами.

– Кто? А да, спасибо, спасибо...

Он ушел, а я, наконец, выдохнула.

– Ева, – раздался взволнованный голос.

Вот он, вот он, это он, Фабиан, мои ямочки, о брюнд, я падаю, или нет, что происходит... Он несет тебя, меня, нас, коридор, дверь, голоса, кровать...

– Очнись! – он нежно коснулся моей щеки.

– Как ты? – Рядом появилось бледное лицо Виктории.

– Их арестовали! – воскликнула Ника, уставившаяся в планшет, и уже тише добавила: – Суд будет после заседаний Совета Конфедерации. Ох, хотя бы живы. Что там с ней?

– Все очень плохо, – без обиняков заявил Фабиан. – Серьезное заражение, тут нужны сильные лекарства, у меня таких нет. Придется обращаться в больницу или к вашим людям. Надеюсь, Григ ничего не заподозрил.

– Нам туда не попасть, – объяснила я, но, кажется, никто не понял. Нику занимали родители.

– Скорее всего, посадят в тюрьму. Не будут же их сжигать, верно?

– Ходят слухи, что Мереш подумывает о смертной казни для предателей, – сказал Фабиан, словно в этом была его вина, продолжая возиться с моей ногой.

– Их будут сжигать? – схватилась за горло Виктория.

– Нет, усыплять, так гуманней.

– Гуманней?

– Это только слухи. Но сегодня был пикет на площади... задержали...

Они говорил о чем-то еще, голоса перетекали один в другой, эхо сердца болью отдавалось в ноге... Очнулась я от грохота распахнувшейся двери. За окном почти стемнело, а на пороге...

На пороге застыл светловолосый парень с ружьем в руках. И выглядел он удивленной беременной девственницы.

Глава 14. Дан борется с собой

Почти весь день я провел в больнице. По стенкам восстановительной камеры скользили знаки, диаграммы и линии. В голове копошились сомнения и тревоги. Медленно заживали синяки и трещины в ребрах. Душу захватила растерянность. До прошлого вечера я был полностью уверен в том, чего хочу от жизни. А оказалось, даже не представлял, что такое жизнь. Тело оставалось неподвижным, а вот мысли пустились в пляс. Уж лучше бы с больными ребрами походил!

После заживления, когда спустил ноги на плиточный пол, я даже удивился – в мире еще осталось, на что можно опереться. Полжизни готовиться к тому, что в итоге окажется совершенно тебе не подходящим. Блеск! Я утратил ориентиры и решимость, не знал, что говорить и делать. Ругал себя за то, что не отказался от всего, когда была возможность. Но там, в кабинете, как можно было показать страх, растерянность? Отец хотел видеть меня сильным и волевым, и я старался быть таким. Отказаться, уйти – сбежать! – это ли не предательство? Это ли не трусость?

«А разве не трусость притворяться, что все нормально, когда ты знаешь – ничто не нормально?»

Нет, я не жалел ведьм – видел, на что они способны. Но стал думать: не повел ли отец себя неправильно с самого начала? Ведь, по-честному, кому было плохо, пока колдуны жили в тени? Страдали мы так сильно, как говорил отец? Или это всего лишь предлог для... Чего? Бойни? Жестокости? Но отец не был жестоким человеком, таким он стал в последние годы. А я слишком доверял ему, верил слепо, истово и не заметил, как он изменился.

И увиденное в лесной хижине тоже не добавляло спокойствия. Почему никто не знает о монстрах, которые могут исчезать и служить колдунам? Те девицы, странные

сестрички, ведьмы они или кто? Если и ведьмы, то таких раньше не было – ничем их не возьмешь.

А еще Лоркан и его... методы. Никто не удивится, когда услышит его рассказ, наоборот, люди станут восхвалять бравого инспектора, который на самом деле всего лишь убил девчонку, неспособную себя защитить. Свет костра, в котором она сгинула, высветил иную сторону инспекции: то, что раньше казалось правильным и благородным, обернулось грязью, кровью, уродством. Неужели я хочу посвятить свою жизнь этому? Но вот вопрос: а что делать-то?

Позже, сидя дома перед компьютером, я узнал, что странные сестрички были внучками Агаты Дроздовой – первого «успеха» инспекции. После ее смерти Тайный совет передал отцу огромную власть. Именно тогда люди перестали коситься на него и начали слушать с раскрытыми ртами, следить за каждым шагом. Во многом благодаря ролику, в считанные часы разлетевшемуся по Сети и вложившему почти в каждую голову мысль об опасностях, о которых люди даже не задумывались, а также о необходимости и важности инспекции. Еще бы, видео длительностью меньше пяти минут запечатлело, как интеллигентного вида пожилая дама мечет молнии и расшвыривает мужиков взглядом – трудно не поверить, что ведьмы – вселенское зло. С того дня Лазар Мереш стал народным героем. С того дня мы почти перестали общаться.

За несколько часов сестры Дроздовы наворотили дел: свели с ума четверых инспекторов (один покончил с собой в клинике) и уничтожили дом своей бабушки. Последнее было странней всего: зачем? Особняк скрывала сила наподобие Купола в Центре. Никто не мог ее пробить, так зачем лишать себя прекрасного убежища, которое в разы лучше халупы в лесу?

Смешно сказать, раньше многие в инспекции жаловались, что колдуны попрятались, видите ли, заниматься нечем. Однако стоило мне на день «отлучиться» произошло много интересного. Например, некая ведьма две ночи подряд бродила по городу и отправила в больницу почти двадцать человек: кого с ожогом, кого с переломом. Схватить ее так и не смогли, а газеты раздули шумиху: мол, главный инспектор теряет хватку прямо перед заседанием Совета Конфедерации. А тут еще поползли слухи, что всех обвиненных в пособничестве колдовству будут казнить. Вчера почти четыреста человек устроили на площади Пятерых митинг.

Я долго ждал, пока отец вернется, хотел поговорить с ним. Возможно, отказаться от службы. Но время перевалило за полночь, а отца все не было, и я со смесью разочарования

и облегчения улегся спать. А на следующее утро выбора уже не оставалось: пришло сообщение от Лоркана.

«На работу»

Зеленые буквы светились на предплечье. Сорвать бы браслет линкера и вышвырнуть в окно. Вместо этого я покорно собрался и выехал в инспекторский центр.

Лоркан встречал на пороге – будто специально, чтобы не дать мне поговорить с отцом! Он то ли не ночевал дома, то ли ушел слишком рано, повидаться не удалось. И вряд в ближайшее время получится: через три дня заседает Совет Конфедерации, и отцу предстоит держать перед ним ответ. Поговаривали, что президент Лександрии собирался объявить инспекцию вне закона и потребовать ее роспуска. Сплетни сплетнями, а отец поручил специалистам подготовить юридическое обоснование. Основной идеей должно было стать, что колдуны – не люди, то есть гражданские права на них не распространяются.

– Наконец-то, – буркнул Лоркан, завидев меня. – Я тороплюсь, так что слушай и не перебивай.

Двое инспекторов вышли из дверей и поздоровались с ним, а на меня будто бы не обратили внимания. Что и говорить, с друзьями у меня негусто. В школе вместо вечеринок я тренировался в зале или занимался с отцом, да и в инспекции завязывать отношения не с кем было – ровесников раз, два и обчелся, а остальные считали меня слишком молодым и негодным. Теперь вот, похоже, правда о первом задании просочилась наружу, несмотря на усилия отца.

– Они знают? – спросил я.

– Нет. Просто многих удивляет, что Дэдрик и Талкотт погибли, а ты жив-здоров.

Единственный глаз смотрел с ехидным прищуром, в голосе звучало удовлетворение. Уж не сам ли Лоркан «проболтался»?

– В общем так, сегодня передохнешь немного, ты ж герой, заслужил, – усмехнулся он и покрутил браслет на запястье. Мой тут же откликнулся и на ладонь выскользнул список. – Проверь адреса, скорее всего, там ничего особенного, но мы обязаны отзываться. И да, я подключил тебя к корпусу стражи, так что они могут скинуть какую работенку. Ну, вперед, а у меня дела. Тут опять недовольные нарисовались.

С этими словами он еще раз ухмыльнулся и укатил. А я так и остался на пороге, вне себя от злости. Мало того, что он издевается, так еще дал самые тупые поручения. Алые буквы «Инспекция по противодействию колдовской угрозе» мерцали над входом, и я поспешил скрыться в машине, словно боялся, как бы кто не заметил меня под ними.

Первую половину дня пришлось мотаться по городу и проверять вызовы: сколько времени прошло, а все равно каждый день находились параноики, уверенные, что их сосед колдун. Или люди просто чего-то не поделили и решили устроить друг другу неприятности. Поэтому я тратил время на разрешение споров и угрожал штрафами, если подобное повторится. Как ни странно, это было даже немного приятно.

Некоторые улицы перекрывали митингующие: молчаливые фигуры выстраивались стеной и не двигались с места. Над сотнями голов висели голограммы открытого глаза. Зрелище должно было казаться смешным, но выглядело жутковато. Ни движения, ни звука. Только безмолвие и глаза. Кое-где начинались драки между сторонниками и противниками отца, и не всегда инспекторы успевали вмешаться.

Волнения начались несколько месяцев назад. Я и не думал, что люди смирятся с подобным, тем более в Первограде – столице мира, колыбели возрождения и так далее. Многих ужасала мысль, что инспекция возникла в государстве, чей девиз «Единство и равноправие».

Пару раз приходило сообщение от стражи: пришлось разнимать пьяную драку, вытаскивать котенка из-под крыльца и улаживать семейную ссору. Глядя, как мужчина кричит на женщину, а там в свою очередь потрясает сковородкой, я вспомнил слова какого-то поэта: «С тупыми предметами в руках, речами острыми на языках».

«Как приятно осознавать: большее, что может сделать эта женщина, – огреть тебя по голове, но никак не сжечь дотла одним лишь взглядом»

Так, занимаясь обычными делами, я почти забыл о своих тревогах. Инспекция отошла на задний план, воспоминания последних дней чуть померкли. Я радовался, что не приходится сталкиваться с магией и прочей сверхъестественной дрянью. Но реальность выбила из головы дурь о спокойной жизни. Около двух часов напомнил о себе Лоркан, как всегда лаконично:

«колд. реб. церк. на пл. рек-ции. заberi»

Оставив семейную пару выяснять, кто будет платить штраф за разбитый в процессе склоки уличный фонарь, я поехал на площадь Реконструкции. Люди с глазами над головой попадались везде: где один-два, где несколько десятков. Понятное дело, пытались привлечь внимание Совета. Отцу это не понравится.

На площади тоже застыли несколько «глазастых». Около десятка мужчин и женщин просто стояли у абстрактного пластеклянного уродства, которое должно было воплощать идею возрождения, ноставляло напоказ лишь безвкусицу и неумелость скульптора.

Двери церкви стояли распахнутыми, но я не торопился заходить. Отец не был слишком религиозен, службы посещал лишь, чтобы задобрить Хранителя ключей. А потому и я не очень-то благоговел перед Пятерыми. А вот само здание восхищало: готические арки и шпили, вимперги, пинакли, порталы. От подобной красоты голова шла кругом. По сторонам дубовых дверей красовались витражи. Еще один, я знал, переливался над алтарем. Приблизившись ко входу, я заглянул в полумрак. Потолок уносился вверх, резные колонны притягивали взгляд и... И забудь об этом, ты здесь по делу.

Зал был почти пуст, только несколько первых рядов занимали дети. Служитель стоял за кафедрой и рассказывал о рождении Нового мира:

– ... и Пятеро явились, они удержали небо и землю от краха, а затем одарили нас благодатью. Витария – несущая жизнь – исцелила раны и болезни; Мортерис – повелитель смерти – позаботился об умерших; Амара – сама любовь – помогла воссоединиться семьям; Церебрий – хранитель мудрости – и Иллюдо – судья без пола и пристрастия – принесли небесный закон и передали первый ключ. Какой ключ был первым? – спросил служитель.

– Деревянный! – пропищала девочка в первом ряду.

– Верно! Умница! Первый ключ – деревянный – Пятеро дали людям спустя десять Черных дней после гибели Старого мира. «Вы возродитесь, как феникс», – сказали Пятеро. И человечество возродилось, ибо деревянный ключ оживлял землю. Вторым ключ – серебряный – Пятеро дали людям в разгар Войны. «Вы познали Голод и Войну, настало время мира», – сказали Пятеро. И настал мир, ибо ключ серебряный обладал силой объединять души людские. Последний ключ – хрустальный – люди получают, когда души станут чисты в земной жизни. И тогда человечеству позволено будет узреть царство Пятерых – священную Обитель.

Даже издали я чувствовал трепет и восторг, с которым дети слушали историю, и немного завидовал: какая искренняя вера в чудо! Но скоро они вырастут и поймут, что чудес не бывает, а Пятеро – их статуи – только смотрят на все с крыш храмов. Хотя, первые два ключа я видел собственными глазами. В серебряном ничего интересного, а вот деревянный – та еще головоломка. Гладкий, словно его вырезал не человек, а сотворила природа, с головкой в форме птицы и – загадка загадок – тонкой веточкой с зеленым листком. Хранитель ключей утверждал, что они передавались из поколения в поколение с самого начала мира, и даже ученые не смогли опровергнуть их подлинность. Но, насколько я знал, ученым не давали исследовать ключи как святые реликвии, так что многих вполне

устраивало считать их подделкой, а явления Пятерых галлюцинациями. Ведь первое случилось после падения Кометы и десятка землетрясений, когда целые континенты исчезали, и в воздухе было полно ядовитых веществ. А второй раз Пятеро посетили Землю во время войны, а там брюнд его знает, какое оружие использовалось. Может статься, и психотропное.

– И старые боги погибли, ведь жили они лишь в людских головах. И только Пятеро, сущие и благородные, достойны поклонения.

– Но ведь не все верят в новых богов! – воскликнул мальчик. – Моя сестра говорит, что те, кто живет в Южных племенах, верят в природу!

– Пятеро принимают разные формы, – мягко заметил служитель. – Кому-то нужно больше времени, чтобы их принять. Что есть природа как не суть Пятерых? А теперь давайте откроем Белую книгу...

– Вы за девочкой? – послышался напряженный голос.

– Что? А, да, мне нужно забрать ребенка, – с запинкой ответил я.

– Это девочка, ее зовут Диона.

– М-м, ну хорошо...

– Я приведу ее, – сказал служитель и подошел почти вплотную. – Но сначала хочу кое-что узнать.

– Ладно, – промямлил я. Впервые встречаю такого напористого служителя! Они должны такими быть?

– Что с ней будет? Куда вы ее увезете?

«Тебе-то какая разница?»

– Не могу сказать, – ответил я.

Служитель прищурился и открыл рот, но я не дал ему заговорить:

– Это секретная информация. Но уверяю вас, с ребенком... с девочкой все будет нормально. – Чего вообще я перед ним отчитываюсь? Но остановиться было выше моих сил. – Она будет жить с такими же, как она.

– Где?

– Не могу сказать.

– Она точно будет в безопасности? Ей не причинят вреда?

Он напирал все сильнее, будто надеялся, что я испугаюсь и убегу. Очень хотелось, но отца я боялся сильнее.

«Кого он видит перед собой, похитителя детей?»

– У них просто берут кровь на анализ и делают разные тесты, – прошептал я. На самом деле не стоило этого говорить, но надо же было как-то успокоить служителя.

– Над ними ставят опыты?! – возмутился он.

– Что?! Нет! Их просто обследуют, чтобы понять, откуда все это берется и можно ли это остановить. Колдовство, я имею в виду.

– Я знаю, кто вы, – внезапно произнес служитель. – Вы обещаете, что с Дионой все будет хорошо?

– Я... Да, я обещаю.

Не знаю, как, но я собирался выполнить обещание. Должна же быть хоть какая-то польза от высокого положения.

«Ты просто пытаешься сделать хоть что-то правильное»

– Хорошо.

Служитель ушел, а я остался стоять на ступеньках и думать, во что ввязался. Несколько минут спустя девочка показалась в обществе служителей: того, который взял с меня обещание, и второго, узколицего и неприятного.

– Леди Тамара ждет тебя, – обратился к первому остролицый. – Иди, Фабиан, мы справимся.

Первый служитель бросил на коллегу короткий взгляд, а затем посмотрел мне в глаза и одними губами произнес: «Ты обещал» и только после этого ушел.

– Идем в машину, – как можно мягче я обратился к девочке.

Она была совсем мелкая, лет пять-шесть, и чумазая. И как только выживала столько времени, не попала? Грязные волосы превратились в сосульки, драная одежда висела на тощем теле. Девочка обхватила себя руками и склонила голову. Служитель стоял рядом, прижав руки к груди и теребя цепочку с двумя ключами. Он точно боялся, что девчонка может вцепиться в них.

Возле машины девочка обернулась:

– Вы не добрый! – крикнула она служителю. – Вы вран и гадина!

А после уселась на заднее сидение, отгороженное решеткой, и расплакалась.

– Подождите! – окликнул служитель. Похоже, когда маленькая колдунья оказалась заперта, он расхрабрился. – Я знаю, кто вы!

«Еще один»

– Какой сюрприз, – холодно отозвался я.

– У меня... м-м-м... Гхм... Так сказать, есть подозрения, по поводу... Кхм...
Некоторых моих коллег.

Он все крутил цепочку, едва не отрывая ее, а затем быстро глянул на открытые двери церкви.

– Неужели?

– Да-да. Некоторые, как бы сказать, слишком сочувствуют.

– Это же ваша работа – сочувствовать и помогать, разве нет? – удивился я.

– Но не Темным же чадам! – взвизгнул служитель. – Существуют определенные пределы, границы, которые мы не можем... не должны переступить. Если вы меня понимаете.

– Вообще-то нет, – сердито ответил я. – Если у вас есть доказательства, буду рад помочь, если нет, то извините.

Я уже отвернулся к машине, когда этот тип схватил меня за руку и развернул к себе.

– Церковь всецело поддерживает вашего отца, молодой человек, – прошипел он. – Вы тоже должны нам помогать.

– Безусловно, – прорычал я и вырвался. – Если у вас будут доказательства, вот.

Пришлось пожать его холодную руку. Служитель некоторое время смотрел на ладонь с оставшимися на ней цифрами, затем кивнул.

– Но помните – серьезные доказательства, – произнес я, сел за руль и поскорее убрался оттуда, пока этот чокнутый еще чего не придумал.

Служитель так и застыл у подножия лестницы, всматриваясь в ладонь, словно не я, а Пятеро оставили ему свой номер.

* * *

До вечера я застрял в инспекторском центре. Лоркан «разобрался» с недовольными, и теперь коридоры полнились молчаливыми людьми и жутковатыми синими глазами под потолком. Когда я проходил мимо них, по спине бежали мурашки. До вечера пришлось заполнять протоколы и досье на задержанных. Лоркан иногда заглядывал и спрашивал, как продвигается дело, но на самом деле просто хотел позлорадничать. Работа была бессмысленной хотя бы потому, что почти все на допросе молчали. Кроме одной бабульки: она попросила принести ей чай, а потом выплеснула мне в лицо, заявив, что ее внучка была ведьмой, и она гордится своей девочкой.

Оставляя номер придурковатому служителю, я не думал, что он позвонит в тот же день. Но он позвонил:

– Это Григ, – раздался дрожащий голос в серье линкера, когда в туалете я отмывался от чая.

– Кто?

– Из церкви, мы разговаривали сегодня днем.

– А, да, я вас слушаю.

– Как я и говорил, у меня есть подозрения насчет некоторых коллег...

– Как я говорил – мне нужны доказательства!

– Да-да, – затараторил служитель, – сегодня к одному из коллег пришла девушка.

«Брюнд тебя раздери! Долбанный моралист, позавидовал, что ли?»

– И? – я не дал отбой лишь потому, что не хотел возвращаться к злобной бабке.

– Она очень странная, – полушепотом сказал служитель.

– Это преступление?

– Вы не поняли. У нее безумный цвет волос и странная одежда. А еще она, как будто пьяная: то слушает, то смотрит в потолок...

«Я бы тоже в потолок смотрел, лишь бы не на твою рожу»

– ... а когда я упомянул имя ангела, она даже не поняла, о чем речь.

– М-да. Вы не думали, что она действительно пьяна? Или под блиссом? Сейчас полно этих...

– Я знаю, как выглядят наркоманы! – взвизгнул служитель. – Почему вы меня не слушаете? Она ведьма, точно говорю!

– Да откуда вам знать, ведьма она или нет?! – не выдержал я. Из кабинки за спиной раздался смешок.

Никто не заговаривал со мной, ни разу я не слышал даже шепотка. Но, судя по взглядам, все не просто догадывались, что произошло в лесу, а точно знали.

– Пятеро ведут меня, – с достоинством изрек служитель.

– Знаете, что...

«И правда, что?»

– ... я сейчас буду, и сам все проверю.

– Да, это было бы оч...

Но я уже отключился. К брюндам этого служителя с его подозрениями! Представилась возможность увильнуть от допросов, а там кто знает, сколько времени потрачу? Может, не придется возвращаться.

Лоркана новость не обрадовала.

– Я пошлю кого-нибудь, – сказал он, – а ты продолжай...

– Нет, Григ очень просил, чтобы приехал именно я. Ему хочется знать, что инспекция с вниманием относится к делам церкви. Ведь Хранитель ключей так нас поддерживает. Не отцу же ехать, верно?

Лоркан скривился, от злости, казалось, у него лопнет второй глаз.

– Ладно, – выдавил он и затопал по коридору.

Едва сдерживая идиотскую улыбку, я выскочил на улицу и побежал к машине. Солнце почти зашло, редкие синие глаза, парящие в воздухе, меркли на фоне вывесок и афиш. Люди заполнили кафе и рестораны, возле Механического театра собралась целая толпа.

Служитель ждал на порогах. Он крутил цепь и что-то бормотал.

– Ну наконец-то, – прошипел он. – Что так долго? А если бы они ушли?

– Но они еще там?

– Разумеется! – оскорбился служитель. – Берите ружье.

– Я знаю, что нужно делать!

– Тогда идемте!

Странной, семенящей походкой, он повел меня через двери. Последние лучи касались витража над алтарем. Словно предвещая беду, алым раскрасилась нижняя часть, та, что изображала кару Ребелисса – изменника, который пытался уничтожить ключи. Пятеро заточили его в яме, полной его же грехов: каждый воплотился монстром и терзал предателя, а ангелы поражали его молниями. Закатное солнце усилило красный цвет стекла, и оно стала казаться кровавым.

Я передернул плечами и под удивленными взглядами прихожан последовал за служителем.

– Еда, развлечения, разврат, – бормотал он. – В такие времена надо задумываться о душе, но нет, люди предпочитают набивать брюхо. Скамьи пусты, а стульев в барах не хватает! Вот так!

– Сейчас почти девять, люди хотят отдохнуть после работы, – бросил я.

– Нельзя отдыхать, когда враги близко! – взвизгнул служитель. – Тише, почти пришли.

Он пересек коридор и остановился перед дверью. Из комнаты доносились голоса: больше двух.

– Давайте же, – подтолкнул меня служитель.

– Вам лучше отойти.

Я снял ружье с предохранителя и установил самую малую мощность.

– Не медлите!

Пришлось сдержаться, чтобы не огреть его прикладом. Вместо этого я ногой толкнул дверь. Увиденное оказалось грандиознее всех предположений. В комнатке было не продохнуть: слева на кровати лежала девушка с чудовищно-красными волосами; над ней склонился слуга Фабиан. Изумление быстро сменилось сосредоточенностью: он явно размышлял, как бы выпутаться из всего этого. В углу, возле стола с планшетом, застыли странные сестрички. Сейчас они были особенно похожи: бледные, с распахнутыми глазами.

– Ага! – завопил Григ и полез в комнату. – Так и знал! Предатель! Мерзкий предатель!

– Отойди! – рывкнул я и локтем выпихнул взбесившегося слугу в коридор.

Следующие события заняли считанные секунды.

Виктория вскинула руки, но я опередил ее: заряд пронесся по комнате, наэлектризовав воздух, и ударил в грудь. Без единого звука девушка сползла на пол.

– Прекратите немедленно! – вскричал Фабиан. – Вы не можете... Это же церковь...

– Которую ты осквернил! – захлебывался Григ. – Демоны будут рвать твою душу за это предательство!

– Он здесь? Твой монстр здесь? – спросил я у второй сестры.

– Да, – с вызовом ответила она, но яснее ясного было: врет.

– Не обязательно... – начал Фабиан.

– Предатель! – вопил Григ. – Тебя сожгут вместе с ними!

Голос слуги звенел в голове, мешая сосредоточиться. Отправляясь сюда, я и предположить не мог, чем все обернется. Я этого не ждал и уж точно не хотел. Но теперь. Вот они, те, кто собирался убить отца. Те, кто отправил в больницу или убил инспекторов. Ведьмы, твари...

«Тогда почему ты стоишь?»

Пот тек по лицу, руки сводило от тяжести ружья, я стоял, просто ждал.

«Чего? Собираешься их отпустить? Не дури. Хочешь гореть вместе с ними?»

– Я вызвал подмогу, – прошипел Григ. – Для вас тут, похоже, многовато. Не спускайте с них глаз!

Так мы и стояли, уставившись друг на друга, пока не пришли другие. Они надели наручники на ведьм и Фабиана, похлопали меня по плечу и даже похвалили, но я ничего не понимал.

– Бери эту, – сказал кто-то и кивнул на Викторию.

Один нес Рыжую, еще двое выталкивали из дверей Фабиана и Нику. Подхватив Викторию, я старался не касаться ее кожи – мало ли что. Пока грузили их в машину, из церкви неслись разъяренные причитания Грига о том, что зло может проникнуть даже в святое место, и гудели разговоры людей на улице. Событие, сенсация! Меня фотографировали, о чем-то спрашивали, но я лишь бездумно укладывал ведьму на сидение.

– Поехали, – с довольной улыбкой сказал инспектор. Я не мог вспомнить его имени, да что там, лицо и то не разглядел. Все лица были одинаково серыми.

Когда я сел в машину, пристегнулся, завел мотор и положил руки на руль, не решаясь трогаться, слева вспыхнуло. Мужчина лет сорока на вид просто пялился на меня, а над головой его висел синий глаз. Линии подернулись рябью, налились вишневым – и вот уже в воздухе висит гневное, словно раскаленное, око.

Машина рванула вперед, едва не сбив зевак. Меня трясло и тошнило.

«Нормально. Все нормально. Нормально?»

* * *

Наверно, если бы к ребрам прицепили два крюка и потянули в разные стороны, было бы не так погано.

Одобрительный гул, удары по спине и пустые фразы, удивление на перекошенном лице Лоркана – разве не замечательно? Но я видел лишь растерянность, испуг и злость на лицах тех, кого еще не успели допросить. Под их взглядами хотелось сжаться, спрятаться.

– Хорошо, – сказал отец и хлопнул по плечу, когда я отчитался о задержании. – Теперь Тайный совет у меня в кармане.

Словно раньше было иначе. Но он прав: служитель, помогающий ведьмам, в главной церкви Первограда – тот еще скандал.

Позже вечером мы с отцом впервые за долгое время ужинали вместе. У меня ком стоял в горле, слова не выдавишь, а отцу, занятому своими мыслями, было не до разговоров.

– Сегодня ты отлично справился, – сказал он и положил руку мне на плечо. А затем, нахмурившись, посмотрел на мамину фотографию. – Она бы гордилась тобой.

– Нет, – трусливо прошептал я, когда отец ушел и не мог услышать, – не гордилась бы.

Он давно убрал руку, а мне казалось, что на каждое плечо навесили по мешку с песком.

Ночью простыни выползали из-под тела, подушка больше напоминала грелку, а в комнате стояла невыносимая духота! Вскочив с кровати, я метнулся к окну и распахнул его. В лицо ударила горячая волна, точно неполная луна каким-то образом превратилась в солнце. Жар сзади, жар впереди – какая ирония! Ведь я чувствовал себя в ловушке, и даже ночью от этого не отделаться. Некуда бежать, негде спрятаться. Можно принять холодный душ, но облегчение не продлится долго. Труднее чем от духоты было убежать только от собственных мыслей.

Откуда они вообще взялись? С чего вдруг меня стали волновать судьбы ведьм? Да они убийцы! Странные сестрички путались с демонами, калечили разумы и рушили дома – запросто! Та ведьма – Рыжая – ничуть не лучше сестер – отправила два десятка мужчин в больницу.

«Так почему ты не успокоишься? Почему не забудешь про них и не ляжешь спать?»

Отличный вопрос. Почему? Почему, почему, почему? Почему почему почему проклятье ибрюнды почему?!

В порыве бессильной ярости я вышвырнул подушку в окно и скинул матрас с кровати – не помогло. Хотелось кричать, крушить, размозжить голову, лишь бы это прекратилось.

Внезапно меня обдало холодом. Может, ответ в самом вопросе? Ведьмы – и этим все сказано? Кто знает, на что способна эта Виктория? Кто знает, в какое место она меня отправила, какие мысли внушила? Что, если внезапно проснувшееся сочувствие к ведьмам – ее работа, только и всего?

«Только и всего, – усмехнулся я про себя. – Правда, пустяк, так, ерунда, и волноваться не о чем»

Отец спал в нескольких метрах за стеной, но я и помыслить не мог, чтобы пойти в его комнату и поделиться опасениями. Попросить выслушать, выговориться, открыться – даже в воображении это выглядело смешно. А больше и обратиться не к кому. Мама умерла, других родственников у меня не было, а друзья... Я почти не знал, что такое друзья.

Но мама, сверкнула мысль, как бы поступила она?

«Не гордилась бы», – прозвучали в голове собственные слова, сказанные после ужина.

Точно. Она бы никогда не позволила такому произойти, а вот отец... А что отец? Разве был он раньше таким: жестким, молчаливым, безжалостным? Я помнил его смех, хоть давно не слышал, помнил игры, в которые мы играли. Помнил, каким сломленным он выглядел, когда мамы не стало. Но ведь и я скорбел, мы были вместе, вместе переживали горе. А потом что-то изменилось. Внезапная одержимость, отец загорелся идеей разузнать о ведьмах как можно больше и открыть правду о них людям. Но откуда это пришло? Неужели это связано со смертью мамы? Но ведь она даже не знала о колдунах. Или знала? Отец уже тогда этим интересовался или нет? Я не помнил. Да сейчас это было и неважно.

«Что делать?» – вот вопрос, который следовало решить.

«А что ты можешь?» – закономерно возникал другой.

И ответ был лишь один – ничего.

Остаться верным отцу, следовать за ним, подчиняться, затолкать подальше сомнения? Или взбунтоваться, высказать все ему в лицо и присоединиться к протестующим? Меня не привлекали оба пути. Нужно найти нечто иное, то, что устроит меня, именно меня, новое, неизведанное, нехоженная дорога. Где б ее найти? Как ступить на нее?

А ведь она уже здесь, ты мельком взглянул на нее и прошел мимо. А что, если вернуться? Уехать – сбежать, ну и пусть! – далеко, туда, где меня не знают, туда, где нет инспекции. Пока нет.

«Я просто испугался тогда»

«Чего? Ведьм или отца?»

Сколько вопросов – и ни одного ответа! Голова раскалывается, а за окном небо уже сереет. Ночь пролетела, не дав облегчения, ни на шаг не приблизив к истине. Через пару часов придется вновь отправляться в инспекторский центр, вновь видеть эти лица – одни самодовольные, другие обозленные, – притворяться.

Я бросился на кровать, но так и не уснул. Когда солнце скользнуло в комнату и коснулось кожи, просто поплелся в ванную, истерзанный ночными метаниями.

Завтракали мы вместе. Еще неделю назад я был бы сам не свой от радости, а теперь только и мечтал о том, как бы оказаться подальше от безразличного человека напротив, которому когда-то доверял.

На визионной панели промелькнула заставка новостей, появилась ведущая и начала выпуск:

– Безусловно, главной новостью дня стало предстоящее сожжение, которое пройдет в центре инспекции по противодействию колдовской угрозе сегодня в семь вечера. Накануне ведущие СМИ, а также общественные деятели и политики получили пресс-релиз и приглашения на...

– Сегодня? – выдавил я. Оперативно у них все.

– Да, – ответил отец, не отрываясь от планшета.

– Я думал, их нужно допросить, узнать, что им известно.

– Мы допросим. Позавтракаем – и поедем.

– Времени хватит? – промямлил я, глядя на кружку.

– Дроздовы жили в лесу – что с них толку? Стоит заняться другой ведьмой, она может что-то рассказать о Куполе, да служителем. Но он меня мало интересует.

– А что будет с ним?

Отец с легким удивлением посмотрел на меня и кивнул в сторону панели. Слева от ведущей висели портреты сестричек, Рыжей и служителя, а под ними шла красная надпись: сожжение в прямом эфире.

Несколько кусочков хлеба и пара глотков чая попросились обратно. В голову ударила кровь.

– И его тоже?..

– Да. Тайный совет и Хранитель ключей полночи совещались. Решение пришло утром.

– Теперь мы будем убивать всех причастных?

– Дан, мы будем казнить их, а не убивать, – поправил отец и встал. – Это не одно и то же. Собирайся, жду тебя в машине.

В центре было пусто и тихо: то ли с протестующими разобрались, то ли разогнали по домам в преддверии вечернего события. Только мы ступили на порог, к отцу подлетела Джина – его личная помощница – и стала обсуждать детали сожжения: от работы техников по подготовке камер до количества мест в зале:

– Стоит добавить пару рядов? – спрашивала она так, словно на детский утренник должно было прийти больше родственников, чем предполагалось вначале.

Джина тараторила, задавала один вопрос за другим, успела, казалось, решить сотню задач, а мы ведь всего лишь прошли коридор до отцовского кабинета. Там поджидал Лоркан.

– Проблемка, – сказал он, но не выглядел при этом взволнованным или злым.

– Позже, – бросил отец Джине, и та умчалась, раздавая поручения направо и налево.

– Что там?

– Пошли посмотрим, – лениво отозвался Лоркан.

Меня поражало, что отец терпит подобную фамильярность от подчиненного, но пришлось свыкнуться с этим.

– Плохо спал? – злорадно поинтересовался Лоркан и прищурился.

– Нормально, – ответил я, а у самого голова точно ватой набита, да песок в глазах.

– Вот и наши проказники, – воскликнул Лоркан и распахнул дверь к камерам.

Это была продолговатая комната, вдоль стен которой на полу и потолке – точно друг над другом – располагались плоские металлические рамки. В первое мгновение могло показаться, что трех ведьм и служителя ничто не сдерживает, но на самом деле между рамками проходило силовое поле. И лучше бы арестантам не пытаться его пробить.

При виде обеспокоенного служителя и девушек, в беспамятстве валявшихся на полу, мне стало не по себе. Хотя куда уж больше. Ника и Виктория корчились и стонали, а Рыжая вовсе не шевелилась.

– Что с ними? – без особого интереса спросил отец. – Ты вызывал врача?

– Ага. Говорит, похоже на отравление. А у той, – он указал на Рыжую, – рана на ноге. Но ничего, до вечера не сдохнет.

– Хорошо, – отозвался отец. Во мне всколыхнулось отвращение: разве можно говорить так бездушно, волноваться только о том, как бы они прожили еще несколько часов лишь ради красочного шоу? – Приведи младшую Дроздову в комнату допросов через полчаса, – распорядился отец. – Мне нужно обсудить кое-что с Лорканом.

Они ушли, а я как дурак остался стоять возле клеток. В голове заметались мысли: помочь, и думать не смей, отпустить, тебя самого казнят, что делать, что делать, что делать? Из-за нерешительности, слабости, безвольности я чувствовал себя еще хуже. Как можно было столько передумать всего за одну ночь? Как можно опротивить самому себе?

«Хватит!!!»

«Думай о том, которая из них младшая»

Этот вопрос занял меня ненадолго, ответ был очевиден: Виктория. Недоведьма-создательница галлюцинаций, после которых мозг вскипает.

«Вот оно!»

Озарение столь яркое, что закружилась голова. Других инспекторов здесь нет, никто не подслушает и не помешает. Я осторожно приблизился к клетке Виктории и присел на корточки. Преграда была невидима и неощутима, поэтому страх подавить не удалось. По спине пробежали мурашки, когда я чуть наклонился и прошептал:

– Ты меня слышишь?

Никакого ответа.

– Эй, поговори со мной.

Протяжный стон.

– Виктория. – Как странно произносить ее имя вслух! – Послушай, мне нужно знать...

Но она только мотала головой и скулила. Сколько я ни бился, сколько ни звал, она не откликалась. Фабиан наблюдал за нами, но молчал.

А вскоре пришло время вести ее на допрос. Девушка с трудом держалась на ногах, мне пришлось за одежду волочить ее по коридору. И все это время я безостановочно шептал ей на ухо. Сослуживцы, которые встречались по пути, испуганно раскрывали глаза и торопились уйти, другие смотрели зло, третьи улыбались и снова хвалили меня.

В комнате допросов я усадил Викторию на стул и отошел в угол. Разочарование жгло каленым железом. Вот же она, сидит здесь, так близко, но ни слова не хочет сказать. А скоро ее не станет, и ответы – почему-то я был уверен, что только она их знает, – исчезнут в огне.

Впрочем, ничего от Виктории не добились и отец с Лорканом. Если первого это хоть немного раздосадовало, то второму явно было скучно. Наверняка он уже предвкушал вечернее развлечение.

Еще раз вызвали врача, он с опаской осмотрел девушку и вколол ей тонизирующее.

– И сыворотку правды, – предложил Лоркан.

– Не уверен, что стоит смешивать, – вяло запротестовал врач, но быстро умолк и сделал, как было велено.

В итоге я едва успел отскочить, когда Виктория сдавленно охнула и согнулась пополам. Ее стошнило черной, вязкой дрянью с резким металлическим запахом.

– Убери ее! – распорядился отец и вышел вон. Лоркан коротко хохотнул и последовал за ним. Ну а мне пришлось подхватить Victорию и оттащить обратно в камеру. Нику стошнило еще в коридоре, а Рыжую прямо в клетке. Надо ли говорить, что ни от одной не удалось добиться ни единого внятного слова.

Когда вдвоем с еще одним инспектором мы внесли Рыжую и бросили на пол камеры, я остался, якобы чтобы проверить клетки. А сам, стоило сослуживцу скрыться за дверью, подошел к Виктории. Выглядела она слабой, но уже могла сфокусировать взгляд и окатить меня ненавистью.

– Скажи, что ты со мной сделала?

Злоба в глазах сменилась недоумением. Девушка прищурилась, но промолчала.

– Что ты сделала? Там, в хижине?

Она только помотала головой.

– Почему я думаю об этом? Я не могу спать? Что ты сделала? Ты что-то вложила мне в голову?

Но она только вскинула брови.

– Брюнд тебя раздери! – не выдержал я и бросился из комнаты.

– Я ничего не вкладывала, – раздался тихий голос.

Виктория села прямо и глядела на меня. В глазах ее светилось понимание.

– Я ничего не вкладывала. Я кое-что забрала, случайно.

– Что? – прошептал я, покрываясь холодным потом.

– Воспоминание.

А затем она отвернулась и не издала больше ни звука. До самого вечера.

* * *

До казни осталось полчаса. Зал сожжений наполнялся гудящей толпой. В итоге дополнительные места не понадобились: некоторые из приглашенных придумали отговорки, другие открыто заявили, что не собираются участвовать в подобном. И все равно яблоку негде было упасть. Гости рассаживались по местам и переговаривались. Восклицания, шепотки, приветствия, разглагольствования на самые разные темы, отрывки интервью толкались в воздухе, полном напряженного предвкушения.

Журналисты при входе в Зал подбрасывали камеры, и те разлетались во все стороны в поисках лучшего ракурса. Потолок кишел черным глазами-камерами, с люстры свешивались целые грозди, похожие на гнилой виноград.

С бесстрастным лицом я стоял у края сцены и наблюдал за происходящим. Пока не началось основное действие, камеры пялились на меня с потолка и стен, пара-тройка носились возле лица, как мухи. Репортеры подходили, задавали вопросы, тыкали под нос диктофоны. Каково же было их разочарование, когда я молча смотрел перед собой и только крепче стискивал ружье, едва сдерживаясь, чтобы не ударить одного из этих болтунов.

– ...следуете за отцом...

– ...не считаете ли, что нужно ужесточить...

– ...первая охота...

– ...погибли напарники...

– Господа, – вмешалась Джина, – осталось десять минут, прошу, садитесь.

Репортеры ушли, а Джина бросила на меня сочувственный взгляд.

Но даже сидя на местах, люди не успокаивались. Обсуждали, например, мозаику на левой стороне зала: верхнюю часть занимали пять крылатых фигур; середину отвели людям, верным заповедям Пятерых; самый низ – темное и страшное место, полное пламени и чудовищ, досталось ведьмам и грешникам. А теперь туда же отправятся и «содействующие колдовству».

Вечер еще горел солнцем, но окна переключили в ночной режим, так что казалось, будто снаружи царил тьма. В глубине сцены, возле самой стены расположились восемь труб из закаленного пластика. Они выходили из пола и упирались в потолок. Четыре средние трубы подготовили для сегодняшней казни.

Двери закрылись. Голоса стихли. За моей спиной раздались шаги, запечатались трубы, сопровождающие отошли к краям сцены. Вот сейчас, через мгновение, отец даст знак, и...

Но он просто сидел с чуть скучающим видом. А наверху кто-то шептал. Знакомый голос, если бы можно было повернуться, хоть на секундочку.

– ... законы Белой книги, заветы Пятерых, предал веру...

Точно, как это я забыл: Фабиану позволено раскаться.

– Раскаиваешься ли ты?

«Можно подумать, ты его услышишь»

Но ответ, судя по всему, был дан. Наверно, Фабиан кивнул, точнее, покачал головой, потому что среди собравшихся поднялся возмущенный ропот.

– Бездна Тортюра ждет тебя. Предатель.

Шаги стали удаляться, но вдруг запнулись, короткий вздох смял тишину. Не утерпев, я оглянулся, и в лицо бросилась кровь: на сцене, возле трубы, в которой дрожала Виктория, замер Григ. Затем он резко выпрямился, сбежал по лестнице и скрылся за дверью. Я наткнулся на недовольный взгляд Лоркана, снова стал по стойке смирно.

Отец поднялся на сцену и поприветствовал гостей. Он произнес целую речь о единстве общества в борьбе с колдовской угрозой, напомнил о самых ужасных преступлениях ведьм, даже меня помянул: сообщил, как горд, что сын поддерживает его. А у меня сводило шею от напряжения. Вот-вот речь кончится, а после – только гул огня. Криков слышно не будет, чтобы не растревожить чересчур впечатлительных зрителей. Хотя, судя по их лицам, они бы не возражали против криков и крови.

Отец спустился и устроился в первом ряду – в каком-то метре от меня, но смотрел только на приговоренных. Темная масса на потолке зашевелилась, «глаза» единым движением устремили взоры на преступников. Почти нестерпимо хотелось развернуться и посмотреть.

«Она так и не ответила на мои вопросы»

Силовое поле с легким шорохом отделило зал от сцены.

Зрители застыли, многие наклонились вперед, хотели рассмотреть все в мельчайших подробностях. Сотни белых лиц, полные блеска глаза. Казалось, воздух в комнате – само пространство – устремился к сцене. Или не казалось?

– Включайте огонь! – крикнул отец и вскочил на ноги.

Не заботясь более о церемониях, я развернулся. Виктория уже не тряслась. Наоборот, стояла прямо, гордо. Из глаз ее тек рубиновый свет. Под сценой защелкало – ожили механизмы, загудело – пламя готово было вырваться наружу.

Но Виктория опередила всех.

Она закричала, и крик ее услышал каждый. Трубы разлетелись на куски, я едва успел пригнуться, как над головой пронеслась волна из раскаленного ветра, пластика и яростного вопля. Неведомая сила в клочья разорвала силовое поле. Меня словно кувалдой по голове ударило и швырнуло на пол. Ружье вылетело из рук. Люстру сорвало с креплений и отбросило к стене. Началась суматоха, в темноте люди плакали, вскакивали, отталкивали друг друга, неслись к выходу. Ведьм и служителя разметало в стороны, и в тот же миг три

огненных столба вырвались из пола, устремились к потолку, а там растеклись во все стороны. Рев пламени перекрыл гвалт и топот. Инспекторы пытались пробиться к сцене, но затерялись в толпе.

– Папа! – закричал я, срывая голос. – Папа!

Камеры раскаленными каплями падали с горящего потолка, люди толкались в дверях. Отца нигде не было. Затем среди метущихся теней и отблесков я увидел, как Лоркан вытолкнул его из боковых дверей и обернулся. Единственный глаз, похоже, искал меня. И весьма разочаровался, увидев живым. Лоркан презрительно изогнул губы и скрылся за дверью.

Система пожаротушения не сработала, должно быть, крик Виктории ее повредил. Техники отключили огонь, но было поздно: испепеляющие волны катились по стенам и потолку.

Я пополз к боковому выходу, чуть не выbleывая легкие. Рядом плюхнулась расплавленная камера. Из глаз лились слезы, я почти ничего не видел, тошнило от гари и дыма, нос забился, рот превратился в пустыню.

«Вот и тебе – за предательские мысли»

И тут словно на стену наткнулся. Сантиметрах в тридцати, на краю сцены, стояла на коленях Виктория. Лицо ее изрезали осколки, кровь капала с подбородка, глаза мерцали алым светом. Девушка глядела прямо на меня, и я похолодел, несмотря на ярившееся вокруг пламя.

Фабиан – левая сторона лица превратилась в сплошной ожог – подбежал к Виктории, что-то закричал. Сначала она не обращала на него внимания, но затем прислушалась, кивнула. А после еще раз взглянула мне в глаза – и будто забрала несколько ударов сердца. Руки подогнулись, я ткнулся лицом в пол.

Все, даже охранники, разбежались, везде были дым и жар. Каждый вдох становился пыткой, каждый вдох мог стать последним. С трудом я перевернулся на спину и увидел, как Виктория вытянула вперед руки. Повинуясь ее движениям, огонь притих, но лишь на пару секунд. После, подобно дикому зверю, он завыл еще неистовее. Виктория без чувств рухнула со сцены. Мы лежали друг рядом с другом, оба бессильные, задыхающиеся.

Внезапный грохот и протяжный треск за ним перекрыли вой пламени. Внешняя стена обрушилась, исчезла в облаке пыли, сквозь пролом виднелись металлические перекрестия и балки.

А потом тьма шагнула внутрь, и я тоже стал тьмой.

Часть четвертая. Непостижимая женщина, разгневанный мужчина

Глава 15. Виктория и все не так

«Чудовища за стеклом»

Так, наверное, мы думали друг о друге. Глаза были везде: блестящие предвкушением людские, безразличные у камер на потолке и стенах, даже решетчатый пол под ногами, казалось, уставился на меня. Слева Ника прислонилась к прозрачной стенке. По другую руку скорчилась Ева в своей трубе. Чуть дальше – Фабиан, служитель, который помог нам и поплатился за это.

И он.

Светловолосая голова Дана Мереша маячила над краем сцены. С прямой спиной, вскинутым подбородком, он даже ни разу не взглянул на нас. Зато другие пялились без стеснения. Яркие, живые, такие горячие, что можно обжечься. Но я не могла дотянуться ни до одного из них. Демоническая кровь тому виной или лекарства, вколотые инквизиторами, – силы не слушались. Я старалась умыкнуть хоть каплю эмоций у сопровождающих, но едва сумела вытянуть несколько нитей сосредоточенности. Нас заперли. Словно в насмешку, впереди бурлило, кишело гнилой, скользкой жизнью болото.

Я пала духом. Холод страха больше не вырывался наружу, а замораживал нутро. Ноги дрожали, беспомощность грозила перерасти в ужас, я совсем растерялась, когда служитель прошествовал мимо. Он был мерзок: кисло-ядовитый, завистливый и шершавый. Но не время привередничать. Трубу, по которой совсем скоро пронесется огонь, наполнила вонь мстительности, но я с благодарностью вдохнула ее и почувствовала прилив сил. Служитель глумился над Фабианом – это было видно по лицу, отвернутому от зрителей. На обратном пути он бросил на меня высокомерный взгляд – и это было ошибкой. Стоило мужчине приблизиться, я потянулась изо всех сил. Служитель запнулся, испугался – его страх мятой скользнул по языку – и убежал.

На сцену вошел Лазар Мереш. Высокий, стройный, в белом костюме и уверенности. Дан будет точной его копией лет через двадцать. Если доживет. Пока главный инквизитор произносил речь, я устремила к чувствам лысого мужчины с повязкой на лице – он стоял ближе всех. Единственный глаз сверкал мрачным озорством.

«Везет мне на мерзавцев»

Но с ним не выгорело (ха-ха, самое время для каламбуров). Эмоции лысого прошивали насквозь. Они были острыми, тонкими, алмазно-крепкими, словно клинки. Прежде такого встречать не доводилось. Я отпрянула и попыталась ухватить Лазара Мереша, но он уже спускался по лестнице. Зато внимание сотен зрителей перетекло с главного инквизитора на меня. Пузыри любопытства, отвращения, дрожи, возбуждения, ненависти, даже печали и жалости поднимались из глубин болота, лопаясь, выбрасывали облака ядовитого газа. Будто сладчайшие ароматы я втянула их и почувствовала искры в крови. Сомнения слетели, как листья с деревьев, спина распрямилась, безысходность больше не давила на нее. Мереш вскочил, закричал. Под ногами защелкало.

Я сторицей вернула им все. Вложила в крик каждую потерю, эхо слез и отчаяния. Мир померк, когда сила вырвалась наружу. Гигантские крылья унесли все печали и тревоги. Только свет, только нега, только... Когти на щеках, дыхание Тортюра за спиной. И бледное, покрытое черным жемчугом пота лицо Дана Мереша.

Ружье валялось в полуметре от него, но инквизитор даже не помыслил расправиться со мной. В голубых глазах плескались страх, беспокойство и – подумать только – капли облегчения.

«Он – как блики на воде»

– Останови огонь! – закричал Фабиан.

С трудом оторвавшись от лазури и золота, я огляделась. Вокруг никого не было, огненные зубы сдирали уродливую мозаику, потолком стал дым.

«У меня лицо тает? Что-то по лицу течет. Ох, огонь! Но я отдала все»

Остался только человек-солнечный луч. Один за другим я собирала в пригоршню блики. Судорога выгнула тело, свет теперь бежал по венам. Но этого было мало – огонь не послушался, а я не удержалась на ногах. А после...

Запах дыма сменился цветочным ароматом. Жар превратился в прохладную мягкость. Я парила во тьме, а вокруг скользили созвездия. Серовато-зеленая, неустойчивая, как туман поутру, скука. Темно-синяя надежда, уверенность, подобная глыбам мрамора. Алые гнев и ярость, горевшие особенно ярко. Насыщенные пурпурные и вишневые тона, от которых сердце начинало биться сильнее и внутри становилось сладко. Были там испуганные льдисто-голубые цвета, хрусткие, как ноябрьский ледок, и глубокое отчаяние – обрывок зимней полуночи, и фиолетовая безысходность, от которой щемило в

груди. И золото солнечного света. Теплое, живое, неудержимое, в легкой окаемке серебряной растерянности, наполненное силой, негибамостью и верой.

И щекотный, сладко-горький, скользко-хмурый, дымно-песочный, лимонно-ветренный, бруснично-летний...

– Охо! Проснулась! – раздался пронзительный вопль, когда я открыла глаза не в силах сдержать любопытства. Ну конечно – Ева! Она плюхнулась на кровать и встряхнула красными волосами. Я машинально отодвинулась на самый край и подтянула ноги. Ее восторг стаей щенков носился вокруг, впрочем, напор почти сразу стих.

– Да ладно-ладно, – затараторила она. – Я-то помню-знаю, ничего не трогаю. Сейчас. – Она скорчила напряженную рожицу и спросила: – Так лучше?

– Намного, – сипло ответила я. Как будто Ева завернулась в прозрачный кокон: огни бурлили и переливались всеми цветами радуги, но больше меня не касались. От одного взгляда на эту круговерть начинала болеть голова.

Мы очутились в небольшой комнате, которая скорее напоминала больничную палату с бледно-голубыми стенами. Кровать, тумбочка да узкий шкафчик – вот и вся мебель. Зато из большого окна открывался чудесный вид на город и чистое, свежее небо. Точнее, он был бы чудесным, не маяч там обугленные и покореженные небоскребы.

Ева прилипла ко мне взглядом и лучисто улыбалась.

– Как ты их, а? Это было кру-уто! Как ты прямо бахнула-жахнула-шарахнула, все в клочья! Ийаа!

Она взмахнула рукой и снесла лампу, стоявшую на прикроватной тумбочке. Затем хихикнула, пробормотала: «Упс!» и очень строго посмотрела на обломки. Те словно испугались взгляда и быстренько собрались вместе, а потом целая лампа прыгнула на место.

– Ты в порядке? – прохрипела я. В горло будто пепел набился, очень хотелось пить, но еще больше хотелось узнать, где я оказалась и что с остальными.

– А то, – закивала Ева, поддернула шортики веселенькой расцветки и вытянула худенькую ножку: целую и невредимую, словно не было воспаленной раны с запекшейся кровью. – Рен просто умничка, залечил в две минуты.

– А Фабиан, Ника, – не унималась я. – Целы?

– Ну да, с Фабианом все в порядке, – ответила Ева. Внутри «кокона» замерцали малиновые искры. – Немного в шоке, но уже почти оправился: сейчас доказывает Тибальту, что в религии есть сила, ну, пытается, – скука, в общем.

Она продолжала болтать, перескакивала с одной темы на другую и смотрела куда угодно, только не на меня.

– А Ника? – наконец удалось вклиниться мне.

Улыбка застыла на бледном лице. Разглядывая потолок, Ева произнесла:

– Она осталась там.

В груди забились морозные крылья. Не может быть! После всего потерять Нику – невозможно! Мы в стольких передрягах побывали, чтобы в итоге разлучиться? Сердце медленно покрывалось льдом. И не только оно: по одеялу, тумбочке и стенам пополз серый иней.

– Эй, подруга, ты это, полегче! – воскликнула Ева и соскочила с кровати, отряхиваясь. – Ничего с твоей сестрицей не станет. Наверно.

– Что значит «наверно»? – сорвалась я на крик. Мы с Никой почти не виделись последние месяцы, но ее отсутствие никогда еще не чувствовалось так остро. Раньше-то сестра могла заявиться в любую минуту, а теперь – заявится ли она вообще когда-нибудь куда-нибудь?

– Ты разнесла все в зале, а потом наши парни взорвали вышку на площади. Представляешь, в городе еще полно магов, и все они работали на Орден, а я-то думала... Короче, они забрали нас, но Ники там не оказалось. Лорд Ланкастер думает, она у Мереша.

– Почему?

– Да кто его разберет.

– А кто такой лорд Ланкастер? Ой, подожди, это который...

– Ну да, глава Ордена. Мы сейчас в Башне, – пояснила Ева и неопределенно махнула рукой. – Соображай давай.

Пришлось схватиться за голову и сжать изо всех сил, чтобы мысли не разбрелись кто куда. Близость Евы и внезапно вырывающиеся из «кокона» эмоции мешали сосредоточиться. Думать я могла лишь о том, жива ли Ника, а если так, сколько это продлится?

– Не переживай ты, – успокаивающе произнесла Ева. – Наши ребята все осмотрели, не было ее там, значит, кто-то Нику забрал.

– Чуть какая-то, – пробормотала я. – Зачем же тогда было устраивать представление, если ее не собирались убивать. Могли бы сказать, что убили, или вообще ничего не говорить.

Ева только пожала плечами.

– Слушай, если ты себя более-менее нормально чувствуешь, то лорд Ланкастер хотел с тобой поговорить, и чем скорее, тем лучше. Как знать, вдруг он тебе поможет. Так ты как, нормально?

– Пить хочется.

– О, да ерунда.

Ева щелкнула пальцами, и на тумбочке возник высокий стакан.

– Ах, все-таки здорово это, – мечтательно протянула она. – Щелк, и все. Без всяких там полей этих уродских...

Вода была восхитительно-освежающей, но пила я медленно. Башня – наконец-то! Теперь все проблемы лягут на плечи лорда Ланкастера. Наверняка он поможет, поэтому и хочет поговорить. Ведь они с бабушкой были старыми друзьями. Надежда с опаской раскрыла первый бутон.

– Птица! – завопила Ева так, что я выронила стакан. – У Ники была птица? В клетке над морем из стекла?!

Она широко распахнула глаза, зрачки превратились в две точки цвета фуксии.

– Только попугай, – испуганно пролепетала я. – Ника перекормила его, и он умер. А что?

– Какой еще попугай? – нахмурилась Ева. Зрачки вновь залило чернотой. – Ты головой ударилась, что ли? Пошли, покажешься Рену.

– Л-ладно. – В теле не было и следа усталости, будто я проспала неделю. – Хотя, мне бы немного... освежиться.

– Ванная там, – махнула Ева рукой на неприметную дверь слева от кровати. – Что, здорово, когда тебя исцеляют, а не приходится пить лекарства и ждать недели напролет? Я это обожаю!

– Ага.

Ванная была едва ли больше гардероба, но в ней нашлось все необходимое. Я ополоснула лицо, пригладила волосы, посмотрела в зеркало и охнула: напротив стояла девушка с чуть опухшей, в красноватых прожилках физиономией. Кое-где кожа бугрилась застарелыми шрамами. Но у меня сроду не было шрамов!

– Все нормально! – прокричала Ева. – Так бывает после «рассеивания», скоро пройдет. Нас просто было слишком много! Такое исцеляют постепенно! Тебе еще повезло! Само пройдет, честно-пречестно! А, ты уже все, чего я кричу тогда? Ладненько. – Она высунулась в коридор и позвала: – Рен, Виктория проснулась!

На пороге возник высокий блондин с печальными серыми глазами. Ева бурлила эмоциями, как забытая на огне кастрюля, а вот Рен наоборот, казался едва ли не мертвым: только в самой глубине, около сердца, притаился осколок черного авантюрина – темный, искрящийся, бесконечный. Он был тугим и твердым, но, казалось, стоит коснуться его, и наружу вырвется целая вселенная.

– Добрый день, – бесцветно сказал он. – Как самочувствие?

Мужчина был настолько странен, что ответ потерялся по пути ко рту.

– Н-н-ничего вроде, – проямлила я, после того как Ева многозначительно кашлянула.

– Он прекрасный, но не стоит так пялиться, – шутливо, но с ревностью посоветовала она. – Что там с попугаями?

– Никаких попугаев. Все отлично. – Я совсем смутилась и покраснела.

Рен не обратил на нас внимания.

– Тогда идем, – просто сказал он.

Ева томно закатила глаза и последовала за целителем. По сторонам коридора было много дверей, одни закрытые, другие – словно шкатулки с чудесами.

– Из лабораторий, – поясняла Ева на ходу. – Экспериментировала с зельями, неудачно, как видишь. Хотя мне нравится синяя кожа! А эти тренировали парное «рассеивание». – Двое парней, срослись пятками. – Дуэль. – Замотанная бинтами фигура. – Моя работа. – Алмазная глыба посреди комнаты. – А этот разозлил Тибальта. – Грустный кактус на кровати.

– А тут что? – остановилась я перед очередной дверью. За ней было одновременно тепло и прохладно.

– О-о-о, – кокетливо захлопала ресницами Ева, – там...

– Девушки, – окликнул Рен. Голос звучал без выражения, намек на чувство, но послушаться его было невозможно.

Коридор вывел в длинное помещение. Вдоль одной стены выстроились незанятые кровати, под каждой был нарисован круг с завитками и символами. Другую стену покрывали полки и шкафчики с бутылками, коробками, мешочками, пакетиками и – странно было видеть их здесь – таблетками, бинтами и шприцами. Посреди комнаты стоял массивный стол, заваленный склянками, тряпками и разным мусором. Яркий свет лился через большие, от пола до потолка, окна.

– Тебе с нами нельзя, – сказал Рен Еве.

– Почему это? – надулась та.

– Лорд Ланкастер распорядился.

– Ну и ладно! Виктория все равно мне расскажет потом!

– Сначала мы поговорим наедине, – не стал спорить Рен. Казалось, его невозможно разозлить или заинтересовать.

– Да и пожа-а-луйста. Схожу-ка в столовую, принесу еды. – И она умчалась.

Странно, но по пути нам от силы человека три встретилось, хотя разноцветные «коконы» сияли и вспыхивали со всех сторон.

– Столовая в другой стороне, – заметил Рен.

– Знаешь, ты просто суперцелитель и красавчик, но иногда бываешь занудой, – обиделась Ева, прятаясь за углом, а потом засопела и отправилась восвояси.

– Виктория! – позвала она. – Лорд Ланкастер бывает злокой, не дай ему себя запугать!

Я думала, что по дороге к таинственному лорду Ланкастеру Рен прояснит положение дел или станет задавать вопросы, но он неумоимо шагал вперед. Только пару раз кивнул знакомым.

Из приоткрытых дверей вырывались обрывки разговоров, лекций, а порой кое-что поинтереснее. Так, мне удалось понаблюдать за боем на мечах, взрывом в лаборатории, от которого стены покрылись белым мхом, и меланхолическим сиреневым облаком – оно плыло по коридору и вздыхало. Вокруг было столько чудес и странностей, что я, стыдно признаться, на время позабыла о Нике. А вот Рена происходящее ни капельки не удивляло, он-то привык уже.

Башня изменялась с каждым поворотом: вот обычные офисные помещения с белыми стенами и цветами в горшках, а вот изысканный зал с паркетным полом и лепниной. Здесь словно собрались комнаты из разных эпох.

Молчание мага немного смущало, но не могло задавить любопытства.

– Я думала, Орден – что-то вроде магической стражи, а не университет для чародеев.

– Мы сами готовим людей.

– А здесь всегда так пусто?

– Это для тебя.

Казалось, какой вопрос Рену ни задай, ему не понадобится больше пяти слов для ответа.

– Ух ты!

Кольца галереи в сердце Башни уходили вниз до самого вестибюля, на полу которого была изображена гигантская звезда, и вверх до пластеклянной крыши, исписанной магическими формулами.

– Лифты? – разочарованно протянула я, когда Рен остановился около двойных дверей и нажал кнопку. – Извините, просто я рассчитывала на что-то более волшебное.

Губы чародея легко изогнулись в улыбке.

– Мы не чураемся техники.

«Похоже, ему хватит и четырех слов»

Тем не менее, лифты оказались не так просты. Им не понадобилось и пары секунд, чтобы доставить нас этажей на двадцать выше: вид отсюда был еще головокружительней.

Да и людей больше. Они шагали по своим делам и не обращали на меня внимания. Некоторые, правда, позволяли себе бросить один два любопытных взгляда, но быстро отворачивались. Каждый завернулся в «кокон»: чьи-то походили на стеклянные шары или аквариумы, а у других напоминали драные одеяла. Мне стало неловко.

Перед массивными дверьми красного дерева Рен остановился.

– Ева, – сказал он одно лишь слово, в котором смешались предостережение, легкий упрек и даже нотка веселья.

Из-за угла донеслось раздосадованное: «Арргх! Да что ж такое», а следом топот. Двери распахнулись сами по себе.

Почти от самого входа начинался длинный стол, окруженный стульями. Вплотную к противоположному концу, перпендикулярно, стоял еще один: столешница вздыбилась и покрылась травой. Над миниатюрными холмами возвышался, как божество, седой мужчина.

– Добрый день, Виктория. – По одному приветствию я поняла: он недоволен. Мной. Радужные мечты о мудром волшебнике, который щелчком пальцев обратит проблемы в бабочек, смяла реальность. – Меня зовут лорд Ланкастер. Садись.

Сглотнув, я примостилась на ближайшем к нему стуле. Рен сел напротив.

Лорд Ланкастер был стар, могуч и бородат. В жемчужно-сером костюме он больше напоминал директора частной школы, чем главу магического Ордена. Впрочем, широкие плечи явно чувствовали себя не слишком уютно в пиджаке, словно их обладатель предпочел бы более практичный наряд, но должность обязывала. В отличие от Рена,

который мог позволить себе свободную рубашку с расстегнутым воротником, светлые брюки и растоптанные туфли.

А еще лорд Ланкастер не привык сдерживать эмоции. Нетерпение билось в нем высокими волнами, жажда действия трещала подобно угольям, в глазах блестела уверенность. Старый чародей напоминал клинок, по поверхности которого скользили отблески света и тени.

Плавным движением руки он превратил холмы в обтянутую кожей столешницу. На ней царил идеальный порядок: аккуратная стопка бумажных листов соседствовала со встроенной визионной панелью.

– Мы с твоей бабушкой были знакомы, – сказал лорд Ланкастер, сев на место. Стена за его спиной была прозрачной, из нее открывался вид на палаточный город и сотни людей. Слева расположился плоский аквариум с таинственной зеленоватой водой и без единой рыбки. – Жаль, что она умерла.

– Да, – буркнула я, стараясь не смотреть на чародея.

Одно присутствие лорда Ланкастера заставляло чувствовать себя глупой и незначительной.

Рен рассеянно крутил пальцами и вроде бы не прислушивался к разговору.

– Итак, – перешел к делу старый маг. – Что вы взяли из подвала?

Даже глупо было спрашивать, как он узнал: этот человек, должно быть, знал все.

Под пристальным взглядом желтоватых глаз не возникло мысли соврать или уклониться от ответа.

– Книгу.

– Которую?

– Кандалы, м-м-м, цепи...

– «Оковы Гоэтии»?

– Да.

– Где она сейчас?

– Потеряли.

– Где?

Пришлось рассказать о стычке в небоскребе и оставленной там же сумке.

– Что еще вы взяли?

– Ничего.

– Уверена?

– М-м, ну не знаю, Ника спускалась в подвал, а я ждала наверху. Если она и прихватила что-то еще, мне не сказала.

Лорд Ланкастер нахмурился и умолк. Его досада злыми пчелами металась вокруг.

– Зачем понадобилась книга? – пробормотал Рен, будто говорил сам с собой.

Рассказ о том, как мы с сестрой пленили Дана Мереша, отправились в сумасбродное приключение за волшебной книгой, потеряли ее и попались в церкви, прорезал на лбу лорда Ланкастера глубокие морщины. Казалось, еще чуть-чуть и старик разразится гневной тирадой. Но пока он сдерживался. Я втянула голову в плечи. То, что представлялось более или менее разумным в лесу, рядом с Никой, перед лордом Ланкастером обернулось скверно сбитыми декорациями к спектаклю без сценария.

– Значит, ты не смогла обворожить мальчишку, – разочарованно произнес лорд Ланкастер. – И ни одного демона вызвать вы бы тоже не смогли, для этого нужна серьезная магическая подготовка. Но вы сумели. Как?

Я смутилась еще больше и забормотала, что это все Ника, а я просто...

– Твоя сестра не ведьма, – сказал Рен.

– Нет, но она может подчинять демонов, – потупилась я.

– Агата сказала, что запретила девочке этим заниматься, – подал голос лорд Ланкастер.

– Запретила, но не мешала. Она докладывала о нас? – удивилась я.

– Разумеется. Мы не выпускали тебя из виду.

– Почему это?

Ответ был написан на его лице: чтобы вмешаться, если эмпатический дар возьмет верх над разумом.

Повисло тяжелое, густое, как подтаявший воск, молчание. Если бы эмоции магов свободно гуляли по комнате, было бы проще. Знать, что чувствуют другие, уже стало привычным делом, и теперь я растерялась. Да еще лорд Ланкастер походил на готовую прорваться плотину.

– Вы спасете Нику? – наконец не выдержала я.

– Придется. Мне нужно точно знать, что она брала или трогала в подвале.

– Зачем? Дался вам этот подвал!

Лорд Ланкастер пропустил вопрос мимо ушей.

– Насколько хорошо твоя сестра управляется с демонами? – продолжил он допрос.

– Неплохо. Без нее мы бы ничего не добились.

– Добились? – недобро рассмеялся лорд Ланкастер. – Я расскажу, девочка, чего вы добились. Вы убивали людей направо и налево, когда я столько усилий приложил, чтобы нас перестали ненавидеть. Вы предали своих родителей и разрушили хранилище, которое Агата оберегала многие годы. В конце концов вы попались и подставили добренького служителя. Вот чего вы «добились»!

С каждым мгновением голос его становился громче, последние слова лорд Ланкастер прокричал. Я сжалась на стуле и обхватила себя руками. Даже в инквизиторском центре не чувствовала такого бессилия.

– А с Евой я еще поговорю, – пообещал старик напоследок. – Она слишком много себе позволяет. Из-за нее у Мереша твоя сестра, да и книга, скорее всего, тоже, что только осложняет дело.

– Как это?

«Будто дурочка, честное слово: как, почему, зачем. Добрый дядя, объясните, пожалуйста, мне, несмысленной, что вокруг творится!»

– Инквизитор может использовать твою сестру против нас.

– Да бросьте, он не дурак, чтобы светиться с демонами.

– И не придется. Кто поймет, что тварью управляет не маг, а странная девица на поводке у инквизитора?

– У Мереша и без того хватает «странных» людей, – сказала я.

– В каком смысле? – наклонился вперед лорд Ланкастер.

– Э, ну, когда мы вытаскивали Еву, там был мужчина будто без души. А еще один, с повязкой, в зале для казней. Не представляю, кто он, но точно не человек.

– С повязкой? – вмешался Рен.

– Ну да, – оживилась я. Теперь лорд Ланкастер выглядел заинтересованным, а не разозленным. – Он был слишком острым, не могу объяснить точнее. Но у людей такого я никогда не встречала.

Чародеи переглянулись: удивленно-заинтригованно, будто до этого считали меня совсем бесполезной.

– А Дан Мереш здесь? – любопытствовала я и сразу пожалела об этом: глаза лорда Ланкастера метали молнии.

– Здесь.

– Он что-нибудь рассказал?

– Нет.

– Но вы же маги! – воскликнула я. – Разве нельзя как-то заставить? Заколдовать? Пытать, в конце концов!

«Ты говоришь прямо как Ника»

Рен вскинул брови, но промолчал, а вот лорд Ланкастер сдерживаться не стал.

– Что творится у тебя в голове, брюнды и демоны?! – взревел он. – Пытать! Думаешь, можно вот так просто взять и жечь человека каленым железом, пока он все не расскажет? Кто мы, по-твоему? Палачи? Маньяки? Орден зиждется на моральных принципах, от которых мы не отступаем, каким бы отчаянным ни было положение. Мы оберегаем людей, а не пускаем в расход при малейшей возможности! Запомни это, девочка! Я не стану равняться на Мереша в его безумстве!

Под натиском чужой ярости впору было спрятаться под столом, но жар лорда Ланкастера воспламенил меня саму. Щеки горели, но не от смущения, а от злости.

– То есть, пусть Мереш творит что хочет, а вы будете сидеть тут, ничего не делая, зато чистенькими останетесь?! – закричала я в ответ, ударив кулаками по столу.

– Ничего не делая? – прошипел лорд Ланкастер и поднялся на ноги – впечатляющий жест, но я не струхнула и поднялась навстречу. – Ты правда настолько глупа? Считаешь, все это время мы просто прятались? Да ты представить не можешь, сколько мы сделали. И позволь напомнить, если бы не мы, ты бы сейчас была горсткой пепла! Мне пришлось отозвать людей раньше времени, моих людей в городе, которые спасли тебя, вместо того, чтобы готовиться к завтрашнему дню. И все из-за того, что вы с сестрой решили поиграть в героев и полезли, куда не надо!

Стоило бы заткнуться, но меня понесло.

– А почему вы вообще на меня кричите?! Где вы были, когда бабушка умирала? Вы спасли ее? Нет! Пока вы шиковали, весь такой в костюме с иголки, я жила в лесу и еду воровала! И уж простите, что всеми силами защищала себя и близких! Но мы пытались хоть что-то сделать! Могли положиться только на себя! Да, мы ошибались, но я не чувствую себя виноватой! Справлялась как могла! А эти «люди», – я вцепилась ногтями в лицо, – вы не видели, как они смотрели! Это их... извращение, всю глотку мне забило! Они просто пялились и... и... ждали... пока я и Ева, и Ника... они смотрели...

Меня трясло, я задыхалась, но тут Рен повел рукой, и все исчезло.

– Лучше? – спросил он.

– Ох. – Я склонилась над столом. На полированную поверхность закапали слезы. – Да уж. Святые ангелы, мне восемнадцать, я должна думать о мальчиках и туфлях, а не о

борьбе, или там, выживании. Я калечила людей, да, признаю, но извиняться не стану, – сказала я своему отражению и неловко закончила: – Вот.

Лорд Ланкастер старательно запихивал гнев в «кокон» и пытался взять себя в руки. Рен был настороже, пока мы не успокоились.

– В общем, – произнес лорд Ланкастер, – будь у меня возможность, я бы вызнал у мальчишки всю информацию. Но мы связаны клятвами и не можем ему навредить.

– Совсем не обязательно вредить, – сказала я, – у вас же есть сыворотка правды или...

– Ты не поняла, – сдержанно ответил лорд Ланкастер, – мы не можем использовать его, никак.

– Но...

– Клятва крови, – протянул Рен, разглядывая облака за окном.

– Что? – не поняла я.

– Я связан клятвой крови, – пояснил лорд Ланкастер с горечью. – Я не могу причинить вред или вмешиваться в личную жизнь невинных людей.

– Да при чем тут Дан? – фыркнула я. – Он сын главного инквизитора, он...

– Невинен, – перебил Рен.

– То есть... – медленно выговорила. – Он, ну, он, ну вы понимаете, это...

– Это значит, – едва ли не прорычал лорд Ланкастер, – он не убил ни единого человека, и в нем нет темных помыслов. И чтобы ты не задавала вопросов: я умру, если нарушу клятву. В том числе, я не могу приказать кому-то другому выбить из мальчишки сведения или сделать вид, будто не имею понятия о действиях других людей. Словом, я обязан его защищать, как и всех остальных.

– А меня тоже?

– Нет. В другое время ты пошла бы под суд и была бы наказана, но сейчас тебя, скорее всего, оправдают.

Сердце запнулось, пропустило удар. Вот, значит, как?

– А вы не пробовали просто поговорить с ним? – предложила я, пытаюсь уйти от неприятной темы.

– С кем? – не понял лорд Ланкастер.

– С Даном. Если он так хорош, – «блики на воде, солнце и серебро», – вдруг инквизиция ему тоже поперек горла. Пообещайте, например, не убивать его отца.

Лорд Ланкастер на несколько минут задумался.

– Вот ты и поговори, – решил он наконец.

– Что-что?

– Если хочешь, поговори с мальчишкой сама. Глядишь, в этот раз половчее выйдет.

Хмр, скажи, мы не тронем его отца. Пусть его судят по людским законам.

– Э-э, но я не то имела в...

– Иди, – отрубил он. – У меня на тебя еще планы, а пока сделай что-нибудь полезное, раз все равно здесь.

Лорд Ланкастер щелкнул пальцами, поверхность стола выгнулась и вновь обернулась холмами с подковообразным зданием в середине. Рен плавно встал и вышел, я – за ним. Какая дура! Навоображала непонятно чего. Лорд Ланкастер – не добрый дедушка, который обнимет и успокоит, он суровый и непреклонный мужчина, за ним целая армия. Как Мереш, только на стороне хороших парней. И он уверен, что одолеет главного инквизитора, причем скоро. А я-то считала Орден ни на что не годной конторкой. Ника права, надо меньше романов читать и больше головой думать. Все не так, все не так. Я не героиня, а Дан не убийца. Еще сюрпризы сегодня будут?

– Комната одиннадцать.

Мы вернулись в больничный отсек. Рен устроился за стойкой в большом зале, а я отправилась по коридору отсчитывать двери. За одиннадцатой скрывалась просторная комната-палата на несколько человек. Внутри оживленно болтали Ева, служитель Фабиан и незнакомый высокий парень с завязанными в хвост волосами. Спрятать эмоции у него получилось еще хуже, чем у лорда Ланкастера: во все стороны тянулись полосы, ленты и полотнища всех мыслимых оттенков. Некоторые походили на потоки звезд, другие скорее напоминали отрезки шелка, искрящийся газ или колышущиеся тени. Из-за этого парень смахивал на плюшевого осьминога-мутанта. Войдя в комнату, я постаралась оказаться от него как можно дальше, по стеночке пробралась к кровати в углу и села.

– О, Виктория! – вскричала Ева, не сразу заметив меня. Она была занята одновременно беседой с Фабианом (лицо у него словно оплавилось, поэтому беседа была монологом), пережевыванием бутерброда невообразимых размеров и размахиванием руками-ногами. – А ну рассказывай, что они там тебе наговорили! Это Тибальт, – мимоходом вставила она, кивнув в сторону длинноволосого, – он помощник Рена и мой друг.

– Приятно познакомиться, – улыбнулся Тибальт и подошел ближе. От него тут же потянулись любопытные щупальца.

– Не надо, – отодвигаясь, сказала я и поделилась своими наблюдениями насчет осьминогов.

Ева захохотала так, что уронила бутерброд, а мгновение спустя и сама рухнула на пол; Фабиан усмехнулся, но постарался скрыть это за приступом кашля; Тибальт же выглядел слегка обалдевшим, точно не знал, обижаться или нет.

– Облом, парень, – сквозь слезы простионала Ева. – Должен ведь был тебя хоть кто-то отшить. Ну ладно, давай, не тяни, Виктория, я сейчас просто умру от любопытства, рассказывай, рассказывай, расска-а-а-зывай! – закричала она, подпрыгивая.

Пришлось во всех подробностях поведать о разговоре с лордом Ланкастером и его просьбе-приказе.

Рассказывать пришлось по-настоящему долго, поскольку Ева непрестанно задавала вопросы, кричала, всплескивала руками или комментировала ту или иную фразу старого мага. Особенно ее интересовало, что и как говорил Рен.

– Он ведь такой молчун, – поделилась она, словно эту черту целителя легко можно было упустить из виду.

После все стали наперебой предлагать, как лучше уговорить Дана Мереша. Пока мы сидели в палате, Тибальту несколько раз приходилось отлучаться. По возвращении он тактично усаживался подальше от меня, но так, чтобы участвовать в беседе.

– Просто врежь ему хорошенько, а потом поцелуй, и все, – выдала очередное предложение Ева, когда более гуманные методы были отвергнуты как неэффективные. Ее очаровала идея, что между мной и Даном могли завязаться романтические отношения.

Пока Ева и Тибальт задорно разглагольствовали, зачастую далеко уходя от темы, я медленно уплывала в свои мысли. Чудно было после всего случившегося вот так вот сидеть в компании, есть бутерброды и слышать выкрики Евы, подшучивания Тибалта. Словно вчера никто не погиб, Ника не осталась в руках инквизиторов, а Дан Мереш не ждал, пока его попросят предать отца.

Однако не только меня занимали раздумья. Фабиан тоже выглядел отрешенным. Его обезображенное лицо временами становилось угрюмым, лоб морщился, а глаза сосредоточенно прищуривались. Он почти не говорил, предпочитая слушать и наблюдать. Только сейчас я заметила, насколько приятным он оказался: его эмоции, яркие и насыщенные, глубокие и ненавязчивые, были так близко, но при этом совершенно не отталкивали. Пожалуй, Фабиан был едва ли не единственным, рядом с кем я чувствовала себя уютно, даже больше – успокаивалась. Другим «удобным» человеком была Ника, но

она не в счет. Где она теперь, что с ней сделает или уже сделал Лазар Мереш? Вдруг он захочет жестоко отплатить ей за провал в прямом эфире? Или в самом деле решит использовать сестру как оружие?

От этой мысли по спине пробежал холодок. Разговор скомкался, все уставились на меня.

– Знаешь, от этого могла быть польза, умей ты делать мороженое, – заявила Ева, разгоняя мурашки на голых руках. – Кстати о мороженом...

Она вытащила из-под кровати здоровенное пластиковое ведро и раздала всем по ложке размером с половник.

Несмотря на волнение и страх, я с удовольствием уплетала лакомство: давно его не ела, даже настроение немного улучшилось.

– О-уда у ас олько эды? – невнятно спросил Фабиан: ему было трудно шевелить губами.

– Прости, – стушевалась Ева. – После «рассеивания» нельзя сразу лечить, но Рен все поправит, будешь такой же красивый, как раньше. – Она покраснела и тут же ответила на вопрос: – Рог изобилия.

– Это еще что такое? – спросила я.

– Ну, такая здорове-э-э-нная тарелка. Пихаешь в нее все, что душе угодно, а оно там вечно хранится. То есть, пока не решишь достать. Подпространство с хавчиком. И, представь, только я озаботилась наполнить его мороженым! Никому и в голову это не пришло. Вот так. Сначала все надо мной смеялись, а потом стал пропадать клюквенный сиропчик.

– Слушай, – вспомнила я. – Лорд Ланкастер сказал, что вы связаны кровавой клятвой и не можете ее нарушить?

– Ну да. Только не мы, а они – те, кто поклялся служить Ордену. Я-то здесь просто так, переживаю. А вот Тибальт клялся.

– И каково это? – полюбопытствовала я.

– Ничего особенного, – усмехнулся он. – Мы просто отдаем немного крови и произносим слова. Вот. – Парень показал правую ладонь. На бледной коже едва виднелся странный, словно выжженный символ. – Это знак клятвы. Если мы ее нарушим, то наша кровь превратится в огонь.

– Э ишком и урово? – с трудом выдавил Фабиан. Он выглядел озабоченным.

– Сурово? – удивилась Ева. – Вовсе нет. Это очень важно. Зато, если тебя схватят, ты не выдашь друзей. Клятва защитит.

Фабиана ответ, похоже, так до конца и не устроил. Меня занимал другой вопрос.

– Что это вообще за Орден? Откуда он взялся.

– Пфф, откуда берутся Великие Защитники Всего? Орден основали в Старом мире, давно-давно, когда еще электричества не было, а люди гадили на улицах.

– Не было такого, – рассмеялась я.

– Было, – подтвердил Тибальт.

– Так вот, – продолжила Ева. – Королевский Орден Защитников основал, как ни трудно догадаться, король, имя уж не вспомню. Короче, собрал он самых искусных магов, чтоб они его охраняли. Ну а потом постепенно Орден стал расти, становился все более важным и могущественным, отпочковался от короны и теперь у лорда Ланкастера почти столько же власти, сколько у королевы. Официально он подчиняется ей, но действует на свое усмотрение. Кстати, Орденом его зовут по старой памяти, сейчас мы называемся Корпорацией... м-м-м... Эта, как ее, Корпорацией... Тибальт, помогай!

– Корпорацией, Корпорацией, – забормотал парень. – А-а, на языке же вертится, ну.

– Да и куцые ангелы с ним, – отмахнулась Ева. – Проще говоря, сейчас Орден – это Корпорация. Может, на названии заклинание, чтоб никто не мог его вспомнить. Идем в ногу со временем, так сказать.

– К слову об этом. Вы же пользуетесь техникой? – спросила я. – Тут есть и телефоны, и компьютеры, да много чего еще.

– Ну и? – не поняла Ева.

– А разве нельзя взять обычное оружие, как у инквизиторов, и разгромить их? Раз уж магия не работает?

– Конечно нет! – вскричала Ева.

– Почему? Это было бы удобно.

– «Магическое допущение», – в один голос выдали Ева и Тибальт.

– Чего? – также дружно спросили мы с Фабианом. Ну, у него вышло что-то вроде: «Эо?»

– Магическое допущение, ну... А, опять забыла, что вы ничего не знаете. – Ева почесала затылок и осмотрелась. – Как бы объяснить. Ну, вот дверь, например...

– Не, давай без твоих штучек, – запротестовал Тибальт. – Лучше сразу на примере оружия, так будет понятней.

– Вот ты и объясняй тогда, – обиделась Ева и вонзила ложку в мороженое.

– Вся наша экипировка зачарована, – начал Тибальт. – Это древняя традиция, она идет еще из Старого мира. Когда основали Орден, были только мечи, копья, луки и так далее. Естественно, наши предки пользовались тем, что имели. Воины накладывали заклинание на свое оружие, чтобы сделать его сильнее. Каждый меч и щит, амулет или даже кольцо передавались из поколения в поколение, и каждый новый владелец добавлял свою магию, а вещишки становились все мощнее.

Ева по-прежнему дула губы и временами фыркала, но Тибальт не обращал на нее внимания, продолжая объяснять:

– Так вот, когда появились ружья, пушки и прочее, Ордену пришлось решать: взяться за новое, неизвестное оружие или пользоваться старым, проверенным и надежным? Некоторые отбросили мечи и взялись за ружья, но многих демонов пули не берут, в отличие от старого доброго клинка. К тому же, от заклинаний порох вспыхивал в неподходящий момент, и было много других неприятностей. В общем, Андерос Либ – глава Ордена на тот момент, запретил все новшества. Со временем, огнестрельное оружие совершенствовалось, но в Ордене больше не пытались его использовать, к тому же, магический потенциал старой амуниции достиг небывалых высот. Так мы и не стали пользоваться оружием, которое было в ходу у смертных...

– Уэртых? – удивился Фабиан.

– Ну да, у людей, – пояснил Тибальт.

Фабиана и меня ответ поразил.

– Но разве вы не умираете? – Почему-то именно сейчас я по-настоящему задумалась над значением этого слова, хотя и Ника, и бабушка не раз его использовали.

– Конечно, умираем, – горько произнес Тибальт. – И Мереш отлично это доказал. Просто благодаря магии в крови, мы живем намного дольше, чем вы. Лорду Ланкастеру, например, почти шестьсот лет.

– Что?! – Мы с Фабианом одновременно вскочили на ноги, пораженные этим открытием. Бабушка об этом и словом не обмолвилась!

– Чего такого-то? – смутился Тибальт. – Так уж мы устроены.

– А эбе ока эт? – неожиданно спросил Фабиан у Евы.

– Сто два, – не моргнув глазом, соврала она. Но я-то прекрасно знала, что ей восемнадцать. Мы играли в детстве, и тогда она выглядела обычным ребенком, который со временем вырос в рыжую вездесуйку.

– Да шутит она, – отмахнулся Тибальт. Фабиан облегченно вздохнул и странно посмотрел на Еву. Воздух между ними задрожал и заискрился. О-хо-хо.

– Постой... – Я внезапно поняла одну вещь. – Если лорду Ланкастеру почти шестьсот, значит, он видел Старый мир?

– Да, – ответил Тибальт. – Старый мир рушился на глазах лорда Ланкастера и Рена.

– Рена? – вскинула брови я. – Но ведь он молодой.

– Ну-у-у, – Тибальт замялся, словно мы затронули неприятную тему, – там свои заморочки.

– Полно заморочек! – воскликнула Ева и взмахнула руками. Мороженое полетело во все стороны и заляпало стены. – Ой, там же был орешек!

– А э оал, о оушене, – пропыхтел Фабиан.

– Э, что?

– Он не понял про допущение, – пояснила Ева.

– Ты ведь не собираешься слизывать его со сте... Ладно, проехали. Так вот, «магическое допущение» состоит в том, что чародей накладывает на любой предмет, в данном случае на оружие, заклинание. В формулу он вводит возможности, которыми жертвует, чтобы оставшиеся сделали его оружие сильнее. Ясно?

– Нет, – в один голос ответили мы, а Ева прыснула.

– Ну, э, как бы объяснить, – стушевался Тибальт: он явно знал, о чем говорил, но не представлял, как выразить это словами. – Воины Ордена как бы клянутся заклинанием, что не будут пользоваться никаким другим оружием, кроме определенного. Тем самым они отсекают возможность сражаться с помощью электроружий, к примеру. И заклинание как бы уравнивает возможности: забирает мощь из вероятности использовать ружье и передает ее мечу. Так понятней?

Мы с Фабианом переглянулись и покачали головами. Тибальт совсем отчаялся и умолк. Зато Ева крутанулась на одеяле, спихнув при этом парня на пол, и заявила:

– Слушайте меня, детки. Итак, дверь.

С минуту она сверлила взглядом дверь, ведущую в коридор.

– Я могу ее заколдовать так, чтобы никто ее не сумел открыть. Если использовать простую формулу, все будет зависеть от моего мастерства и силы, но кто-то более искусный сможет снять заклинание и войти. Однако стоит применить «допущение», как все меняется. Я вношу в формулу условие, что дверь можно открыть каким угодно образом, но

только не разрубив топором. Тогда она будет уязвима для любых возможностей, но для топора станет почти недостижимой. Вот так вот надо рассказывать, – бросила она Тибальту.

Фабиан попытался заговорить, но никто, даже Ева, его не понял.

– Хм, – потер подбородок Тибальт. – Может, мы...

Несколько минут они шушукались с Евой, а потом разом заговорили непонятные слова и стали рисовать в воздухе символы.

– Давай, – кивнула Фабиану Ева. – Попробуй.

Когда он заговорил, мятые звуки вылетали изо рта и повисали под потолком голубоватыми буквами.

«Кажется, сообразил, – выговорил-выписал Фабиан. Я, к сожалению, не могла сказать о себе того же. – То есть, когда вы оставляете какой-то предмет беззащитным для одного или нескольких видов воздействия, он при этом становится более стойким к другим видам, и это происходит за счет магического распределения энергии, верно?»

Мудреные слова парили над головами, но я, как ни странно, поняла, что Ева и Тибальт пытались нам втолковать.

– Ам, э-э-э, вроде да. Да? – спросила Ева у Тибальта. Теперь эта парочка не могла вникнуть в смысл сказанного Фабианом.

– Похоже на то.

– В этом вся трудность, – продолжила Ева. – У нас есть отдел, там специалисты как раз и занимаются формулированием «допущений».

– Очень важно, – перебил ее Тибальт, – чтобы заклинание получилось сильным, но при этом не осталось слишком много возможностей для его снятия, иначе каждый сможет открыть дверь. Образно говоря.

– Ага, – снова заговорила Ева и сунула полную ложку мороженого Тибальту в рот, чтобы на этот раз он точно не перебил. – Поэтому лучше всего, например, позволить двери гореть, ломаться от ветра, молота или простых разрушающих заклинаний, но запретить выбиваться ногой или откликаться на отпирющие формулы. Все это очень трудно, но интересно. Нужно четко все рассчитать и уравновесить возможности, которые ты хочешь закрыть и те, что собираешься оставить открытыми.

«Это захватывающе!» – загорелись в воздухе слова.

– Ты самый странный служитель, которого я встречала, – округлила глаза Ева.

– Ты ни одного больше и не видела, – встрял Тибальт.

«Служители – не сборище фанатиков, – улыбнулся Фабиан. – Среди нас очень много тех, кто не одобряет Мереша. Мы не шарахаемся от магии. Но люди боятся, у них есть семьи, дети...»

– А ты? – прищурилась Ева. – У тебя есть любимая жена? Красавица-дочь, от которой ты в восторге, по которой будешь скучать и уже скучаешь? Может, ты дал обет безбрачия? Целоваться вообще умеешь? Или ты девственник?

К счастью, ни на один пикантный вопрос Фабиан ответить не успел. Распахнулась дверь, которую последние минут десять мы рьяно обсуждали, и в комнату вошел высокий мускулистый мужчина с короткими волосами и сведенными бровями. Его можно было назвать симпатичным, если б не глаза: красивые, но взгляд колючий, как шиповник. Он так посмотрел на нас, будто сидеть с беззаботными лицами и болтать – нарушение закона, за которое следует как минимум пороть. Настроение мгновенно переменялась: эмоции Евы затвердели, превратились в копыя переливающихся кристаллов. Тибальт втянул «щупальца» и стал похож на раздувшуюся иглобрюхую рыбу. Фабиан лишь слабо заинтересовался, он все еще был розовым после града личных вопросов. Зато мне стало не по себе: с Рагнаром мы встречались только раз, но с тех пор он почти не изменился, разве что стал угрюмее и серьезнее.

– Лорд Ланкастер приказал отвести тебя к инквизитору, – отчеканил он низким голосом, в котором мешались нетерпение и угроза.

– Сейчас? – Невольно я сжалась, и по комнате вновь прохрустел холодок. Когда лорд Ланкастер говорил «мало времени», я подумать не могла, что убеждать Дана Мереша помочь магам придется так скоро.

– Ты как всегда вовремя, братец, – желчно сказала Ева, поджимая губы. – Все веселье испортил.

Рагнар бросил на сестру недобрый взгляд, точно «веселье» – непристойность.

Брат Евы стоял, скрестив руки на груди, прямо-таки исходил гневливостью. В сердитость он был завернут, как в броню из листьев ядовитого растения. Его будто ничто не могло смягчить, не говоря уже о том, чтобы заставить улыбнуться. Рагнар виделся мне каменной статуей, которая научилась ходить, говорить да скрежетать от неудовольствия.

– Вставай, – приказал он.

– Знаешь, Рагнар, – вмешалась Ева, – ты мог бы быть чуточку вежливее и приветливее. Никто не любит мужланов.

– Следующее принуждение будет такой силы, что ты взвоешь! – пригрозил он сестре.

– Ой, ну ты хоть бы перед людьми постыдился, а! Может, мы с тобой и не родные, но все-таки брат с сестрой!

Тибальт прыснул, но тут же поник под грозным взглядом Рагнара.

Еще чуть-чуть, и небо обрушилось бы нам на головы, так что я почла за лучшее не спорить. К тому же, как ни странно было в этом признаваться, мне и самой хотелось поговорить с Даном. Боязно, конечно, но все-таки любопытно.

– Я готова.

Ева кокетливо вздохнула и замурчала. Вот ведь паршивка!

Новый переход по Башне оказался еще длиннее. Казалось бы, раз уж тут полно магов, почему бы не соорудить портал или еще какую-нибудь штуковину, чтобы мгновенно перемещаться в любое место. Ага, разбежалась. Приходилось топать и отмахиваться от любопытных взглядов. К тому же, Рен был просто молчалив, а Рагнар – неприступен.

– Разве он не в больнице? – отважилась я на вопрос, едва поспевая за Рагнаром.

– Ему устроили небольшую экскурсию, – бросил он в ответ.

– Что это значит? Он уже согласился помочь? Тогда зачем мне с ним говорить? Что вообще происходит.

– Ни на что он не соглашался! – повысил голос Рагнар. – Как по мне, это пустая трата времени. Не будет от него пользы, парню как следует промыли мозги.

– Тогда зачем его води...

– Чтобы он увидел собственными глазами – тут не монстры живут, а обычные люди!

После этого он не произнес ни слова, а я не рискнула спрашивать.

Признаться, я уже устала бродить по бесконечным коридорам, стоять в лифтах и наткаться на неумело скрытые эмоции. Больше всего досаждало любопытство: будто с ног до головы закуталась в сахарную вату. Некоторые, в основном молодые люди, разглядывали меня, оценивали вслух и даже не считали нужным понизить голос. Надо признать, от Рагнара была польза: завидев его хмурый взгляд, многие почтительно умолкали.

– Здесь. – Мы остановились перед непримечательной дверью, каких много было в коридорах Башни. – Буду снаружи, на всякий случай.

Он прислонился к стене и скрестил руки. Делано непринужденная поза была полна настороженности и готовности к схватке. Я так и не придумала, как начать разговор, да и вообще, что сказать Дану, но еще минута наедине с Рагнаром, и у меня начнется зуд.

«Ника в беде»

Это придало сил и решимости. За дверью переливались блики солнечного света, серебряные сети ловили тучи беспокойства, тепло согревало воздух.

Рагнар шумно вздохнул. Взмокшая ладонь легла на ручку.

«Ты сможешь»

Я распахнула дверь и окунулась в солнечный свет.

Глава 16. Дан получает ответы и предсказание

Ради меня подкрутили земное притяжение. Тело прилипло к кровати, волосы оттягивали голову, будто ждали, пока кто-нибудь перережет мне горло. Впереди только белый потолок, а если скосить глаза, можно увидеть кусочек синего неба за окном да одинокое облачко. И погнутую верхушку небоскреба, похожую на обкусанный палец.

В груди стало шекотно, я подумал, что колдуны запустили внутрь какого-то паразита, но это был всего лишь смех. Истеричный, сдавленный хохот, который так и рвался наружу.

Забавно, еще до того как открыл глаза, я понял, куда попал. Озарение пришло само по себе.

«Внимание, внимание! Только у нас: Дан Мереш – экстремал, путешественник по колдовским жилищам и просто идиот. В прошлом выпуске он попал в плен к подросткам, но его спасли. А теперь – тара-пара-дам – он очутился под Куполом. Выкрутится ли наш недоумок еще раз? Давайте узнаем! А пока этот герой-геморрой прилип задницей к кровати и не может пошевелиться. Отличный расклад, принимаем ставки!»

– Неудачное «рассеивание»? – послышался задумчивый голос, а потом в поле зрения попал задумчивый мужчина. Он с интересом разглядывал меня, все еще сотрясающегося от смеха. – Повреждение мозга?

Колдун провел рукой перед моим лицом и нахмурился. Сказал несколько слов и прижал теплую, струящую голубовато-золотистый свет ладонь ко лбу.

– Болит? – спросил колдун.

– Нет, – сквозь зубы ответил я. Не стоило с ними вообще разговаривать, но уж больно хотелось, чтобы он убрал руку.

– Мысли не путаются?

Попытался мотнуть головой, но не смог сдвинуть ее и на миллиметр. Пришлось снова открыть рот:

– Нет.

Пару минут колдун раздумывал, затем изрек:

– Нервное. Здоров.

И ушел.

– Это все? – вырвалось у меня.

Мгновение спустя вновь показалось бесстрастное лицо. Колдун изогнул бровь. А он не большой любитель говорить.

– Что вы собираетесь со мной делать? – спросил я, посчитав вопрос разумным, а не унижительным.

– Пока не решили, – ответил колдун, а после удалился.

«Пока»

В вариантах сомневаться не приходилось. Вряд ли среди них нашелся бы хоть один мне по вкусу. Шло время, меня оставили в покое, что было почти оскорбительно. Колдуны схватили сына своего главного врага, впору радоваться, глумиться надо мной и праздновать победу. Наверняка они решат шантажировать отца, угрожая убить меня. Что ж, ребята, ждет вас разочарование. Отец слов на ветер не пускает: сказал, что не станет помогать больше, значит, не станет. Любопытно будет взглянуть на рожи колдунов, когда они поймут, что к чему.

Солнце светило прямо в глаз, а я не мог отвернуться. Даже с прикрытыми веками было слишком ярко. А потом – щелчок – и притяжение исчезло, меня перестало вдавливать в матрас. Я осторожно спустил ноги с кровати, быстро окинул комнату взглядом. Светлая и пустая – кроме кровати мебели нет. На полу синий круг, заполненный письменами. В дверном проеме – крепкий мужик с пристальным взглядом. Пока я изучал его, он не отводил глаз от меня.

– Вставай, – бросил он.

– С чего бы? – дерзко ответил я, хотя кишки завязались в узел при мысли о том, что со мной могли тут сотворить. Это уже не девица без тормозов, а опытный вояка, по лицу видно. Но сдаваться или показывать страх я не собирался. Кулаки сжались сами по себе.

– Ну нет, – нахмурился колдун. А затем начертил пальцем знак, и вокруг моих запястий обвились две прядки голубоватого света не толще волоса. Стоило чуть развести руки, как колдовские наручники налились багрянцем и обожгли кожу. – Ты тут гость, так что веди себя прилично. Если без рук остаться не хочешь.

Судя по голосу, колдуну очень хотелось, чтобы я оказался глупым или отчаянным.

«Обойдешься»

– Пошли, – сказал он.

– Куда? – напрягся я, машинально ища, чем бы воспользоваться как оружием.

– Прогуляемся.

Он шелкнул пальцами, и голубоватая нить протянулась от «наручников» в его ладонь.

«Прекрасно, теперь меня еще на поводке водить будут»

Мы пересекли коридор, медленно двинулись через комнату, похожую на большую палату, только с волшебными штучками вроде зелий и расписных полов. За полукруглой стойкой сидел молодой колдун. Завидев нас он, метнул взгляд в сторону, будто искал пути отступления, а потом сжался.

– Рагнар, – поприветствовал он моего конвоира.

– Тибальт, – с интонацией, которая была понятна только этим двоим, ответил Рагнар.

Потопали дальше. Мы словно и правда гуляли: не торопились, не разговаривали, было время все как следует рассмотреть.

«Чего он добивается? Выжидает? Хочет, чтобы я попытался сбежать? Куда?»

В коридорах было полно людей. Разумеется, всем хотелось полюбоваться инспектором – инквизитором, как они нас называли, – на привязи. Впрочем, открытой враждебности никто не показывал, не было издевательских выкриков, неприличных жестов или отвращения на лицах. Только вежливое и не очень любопытство.

«Нашу обезьянку вывели в народ»

Рагнар остановился у окна. Сзади шушукались, я спешно пытался сообразить, что, брюнд всех дери, творится. Колдун наклонился к стеклу и выглянул наружу.

«Ясно...»

Тем не менее я не выдержал и тоже поглядел в окно. Вид открывался потрясающий – город как на ладони, даже статуи Пятерых на трех церквях видно. Но вряд ли меня привели любоваться небом и планировкой улиц. Взгляд переместился вниз, на парк и

толпу. Среди деревьев и палаток ходили, разговаривали, готовили еду сотни человек. Им там явно было тесновато, но никто – отсюда, по крайней мере, так казалось, – не ссорился. С другой стороны, глупо скандалить, если тебя могут вышвырнуть. Дети играли и носились по лужайкам, бегали наперегонки по полосе целого асфальта.

Я вспомнил Диону и отвернулся. Хорошо бы и ее сюда привести, другие позаботились бы о девочке. Она бы тоже играла, смеялась, заводила друзей. Вместо этого Диона томила за городом и каждый день ждала, что ее могут убить. Откуда девчонке знать: ничего с ней не сделают.

Колдуны внизу казались довольными, почти счастливыми. Но не всем так повезло.

«Ты даже их лиц не видишь, – осадил внутренний голос, чем-то похожий на отцовский, – может, они там все с кислыми физиономиями бродят и голодают. Не выдумывай!»

– Шагай, – сказал Рагнар и со скучающим видом потянул дальше. Колдуну словно казалась нелепой затея таскать меня по своим владениям, но почему тогда он это делал?

«Чего ты от меня хочешь?!»

Перед серыми дверьми он остановился и нажал кнопку на стене. Я внутренне сжался и приготовился к чему угодно, только не к тому, что увидел. На лице, похоже, отразилось недоверие и разочарование.

– Да чего вы все ждете? – буркнул Рагнар. – Драконов?

Двери закрылись и тут же открылись. Лифт сломался? Нет, выглянув в окно, я понял, что за секунду спустился на брүнд знает сколько этажей.

«Не слишком впечатля...»

Мимо пронеслась группа подростков. Хохоча и улюлюкая, они гнались за бирюзовым осьминогом. В столовой, которую я увидел мельком, ничего не стоило заблудиться. Спортзал мог удовлетворить самого привередливого знатока. Там было все, начиная с обычных снарядов и заканчивая развешанными по стендам мечам и арбалетами, а также тросы под потолком, на которых балансировали и сражались изогнутыми кинжалами две гибкие девушки.

«Если бы не Протектор, у нас не было бы шансов против них», – решил я.

Архитектура здания, признаю, поражала. Современные залы в безликом стиле сменялись гостиными, словно сошедшими с иллюстраций искусствоведческих книг Старого мира. В галереях по стенам были развешаны картины – подлинники, совершенно

точно. Кабинеты, спальни, корты, бассейны, концертный зал, сауны – чего там только не было. Под Куполом уместился целый город.

Внезапно я осознал, что уже некоторое время разглядываю все и вся чуть не с открытым ртом. Рагнар молча шел рядом, изредка подергивая поводок, когда я застывал на месте или слишком уж замедлял шаг.

Брюнд! Не желай они моей смерти, я бы позавидовал колдунам. Впрочем, я и так им завидовал. А вот насчет смерти появились сомнения. Каким бы насупленным ни был Рагнар, сколько бы злобы ни кипело во взгляде, он ни разу не оскорбил меня, не пригрозил, не ударил. Творилось что-то неладное или, по крайней мере, непонятное. Колдуны что-то задумали.

– Жди тут, – приказал Рагнар, втолкнув меня одну из комнат. Пара мягких кресел, комод да ковер на полу – мне не оставили ни единой возможности превратить обстановку в оружие.

– Чего ждать? – не удержался я, но колдун просто захлопнул дверь.

Ручка, естественно, не повернулась, но я хотя бы попробовал. Еще одна дверь вела в ванную. Над унитазом парила серебряная свинья и выводила пошлые куплеты.

Побродив по комнате, я устроился в одном из кресел и стал ждать. Наконец, дверь открылась, и в комнату вошла она.

– Ты! – воскликнул я и вскочил на ноги.

Виктория поморщилась, помахала рукой перед лицом, будто отгоняла неприятный запах.

– Привет, – как ни в чем не бывало сказала она и уселась на комод – подальше от меня.

– Значит, они послали тебя.

– Нет, просто попросили поговорить с тобой.

– Ага, как в прошлый раз? Нашлешь очередную галлюцинацию?

– Это была не галлюцинация, – оскорбилась она. – Это был твой Мир-Внутри. И мы бы там не оказались, не распусти ты руки.

– Уж прости, твоя сестра мне кости расплавить хотела.

Виктория приуныла, а потом с вызовом взглянула на меня.

– Зачем она вам понадобилась?

– Что?

– Не притворяйся, лорд Ланкастер сказал, твой отец забрал Нику.

– Чушь! – отмахнулся я и вцепился в спинку кресла, за которое невольно спрятался.

Касаться Виктории мне хотелось еще меньше, чем ей меня.

Хотя...

– Ты что-то знаешь, – заявила Виктория, прищурившись. – Я чувствую.

– Прекрати это делать!

– Нет уж.

Мы сверлили друг друга взглядами.

– Давай так, – предложила она. – Ты ответишь на мой вопрос, а я на твой.

– С чего бы мне что-то спрашивать у тебя? – усмехнулся я.

– Пока я сидела в клетке, у тебя был вопрос, и не один. Или сам уже додумался?

«Проклятье, подловила»

– Ладно. Сначала ты.

– Я не буду торговаться. Отвечай.

Что, в конце концов, я терял?

– Не знаю я ничего о твоей сестре. Механизм под ее камерой не сработал. Она бы не сгорела. Это все.

Виктория будто проверяла слова на вкус лжи. Потом кивнула: спрашивай, мол.

– Ты сказала, что забрала воспоминание. Что в нем было?

– Без понятия, оно ведь твое.

– Но ты забрала его! – разозлился я.

– Ну, я немного неточно выразилась, – замялась Виктория. Потянуло холодком. – Я его не забрала... разбила.

– Его больше нет?

Она покачала головой.

– Как... как мне узнать, о чем оно? – прошептал я.

– Никак, я не умею восстанавливать память. Да и вряд ли кто-то умеет.

– Бред какой-то! Как мы вообще могли оказаться в моей памяти? Воспоминания нельзя взять и выбросить, они остаются в мозге.

Виктория смотрела почти с жалостью.

– Говорю же, мы были в твоём Мире-Внутри. Душа и разум. Там все можно потрогать, выбросить или сломать.

Такого я точно не ожидал. В голове не укладывалось. Как тот камень мог оказаться воспоминанием? Разве такое бывает? Вдруг все это происходит в зачарованном сне, а не наяву? Колдуны пытаются сломать меня, свести с ума.

– Успокойся уже, – простионала Виктория и прикрыла глаза. – У меня голова от тебя кружится, ты такой яркий.

– Что? – тупо спросил я.

– Ох, да эмоции твои я чувствую и вижу, придурок! – воскликнула Виктория. – Я – эмпат, для меня это не сложнее, чем съесть яблоко. Понял или нет? Мы были внутри твоей головы, я разбила воспоминание, когда ты швырнул его в меня. Его больше нет, смирись. Не знаю, что там было, никто не знает, даже ты уже этого не знаешь. Скорее всего, оно было важным: ты взял его из дупла.

– И что с того?

– То дерево – твоя душа, – прошептала Виктория, будто признавалась в страшной тайне.

– Отлично, – буркнул я, плюхнулся в кресло и обхватил голову руками.

– Ну, теперь, когда мы все, что хотели...

– О, это далеко не все! Ты... ты... ты мне мозг сломала! В прямом смысле! Из-за тебя я стал жалеть колдунов, засомневался в отце. Брюнд, да я начал думать, что все это неправильно!

Виктория тяжело вздохнула, словно набиралась терпимости.

– А что, по-твоему, это правильно? – тихо спросила она. – Убивать людей, потому что они не такие?

– Они не люди.

– Ну да, прекрасное оправдание, – съязвила Виктория. – Помогает спокойно спать?

– Уж не от тебя это выслушивать! – вскочил я. – Ты, может, и не ведьма, но вреда причинила сколько? Ты хоть знаешь, что свела с ума инспекторов, там, у своего дома? Тебя это не волнует?

– Не слишком, – делано безразличным тоном ответила Виктория, а сама, не прекращая, теребила большой палец, будто пыталась его открутить. – Сами виноваты.

– А их семьи? Дети? – воскликнул я.

– Ну да, кроме инквизиторов, семей-то больше ни у кого нет! – взвилась Виктория, и прохладу сорвало порывом раскаленного ветра. – А те семьи, что разрушил твой отец? Они ничего не значат? Или осиротевшие дети чародеев меньше страдают?

В ее словах была правда, я понимал это, но не мог побороть тупое упрямство. Мне хотелось, чтобы Виктория признала: колдуны тоже далеко не безобидны.

«Вы врун и гадина!» – раздалось в голове эхо тоненького голоса.

– Обвиняешь меня? – продолжала наседавать Виктория, и в комнате становилось все жарче. – Свела с ума инквизиторов, говоришь? Позволь напомнить, они хотели меня сжечь! И я не буду за это извиняться!

– Если ты такая правильная, могла бы просто их вырубить, а не калечить.

На мгновение Виктория смешалась и отвела глаза. Ей стало неловко.

– Я... хм... Не очень хорошо лажу со своими силами, поэтому не всегда выходит так, как мне хочется.

– И это помогает тебе спокойно спать? – вернул я ее же слова.

– Ах, тоже мне, умник нашелся! Если бы вы все это не начали, я бы тихо-мирно сидела дома, никого бы не трогала. Я, думаешь, кайф ловлю каждый раз, когда приходится касаться чужого разума или какой-то идиот напьется, а меня потом тошнит от комка его эмоций?!

Мы уставились друг на друга и не знали, что сказать.

– Похоже... – заговорил я.

– Наверно... – начала Виктория.

Неловкость защекотала в горле.

– Не думаю, что тут есть правые или виноватые, – сказал я.

– Согласна. Но начали это вы.

– Да. Но я ничего не начинал. Мне вообще все это не нравится.

Вот, признался, впервые сказал это вслух не только себе. Стало немного легче и одновременно тяжелее. Теперь я чувствовал себя виноватым перед отцом.

– Тогда почему ты не хочешь помочь? – всплеснула руками Виктория. – Это можно прекратить.

– Как, убить моего отца? – прищурился я.

Мы словно кружили в танце, то подходя ближе, то отдаляясь. Никак не могли нащупать нужный ритм, приноровиться к движениям друг друга.

– За этим я и пришла. Лорд Ланкастер обещает не убивать твоего отца в обмен на помощь.

– Что еще за лорд?

– Глава Ордена.

– Какого Ордена?

Виктория устало выдохнула.

– Это, – она обвела взглядом комнату, – Орден Защитников или как-то так. Своего рода волшебная стража. Они защищают людей – всех, и смертных, и магов, – от демонов, злых чародеев и так далее.

– Смертные – это мы? – поинтересовался я.

– Да, маги тоже умирают, просто живут дольше.

– И им есть дело до... смертных, до обычных людей? Слабо верится.

– Представь себе, – вспыхнула Виктория. – Что б ты знал, королева Женелия ведьма. И все монархи до нее – тоже. Они отказываются от магии, живут как смертные и сохраняют равновесие двух народов. Поэтому в Тайном совете была ровно половина магов.

Это было невероятно, но довольно правдоподобно. Однако я не мог так просто сдаться, привычка опасаться колдунов въелась слишком глубоко, я все ждал подвоха, обмана.

– Да чего ты ломаешься? – не выдержала Виктория и соскочила с комода. – Я ведь вижу – ты хороший человек. Ты прекрасно понимаешь, как нужно поступить. В глубине души ты уже все решил.

– Знаешь что, – огрызнулся я и невольно отступил на несколько шагов, – нечего тут командовать. И вообще, поменьше бы ты лезла в чужие души, глядишь, проблем...

Грохнула распахнувшаяся дверь. В комнату ворвался Рагнар с перекошенным лицом.

– Вы, оба, живо за мной! – приказал он.

– Мы вообще-то разговариваем, – возмутилась Виктория, – вы же сами просили. И мы почти...

«Почти договорились» – это она хотела сказать? Чего отрицать – это правда. Еще немного, и я бы уступил. Какой смысл упрямиться, если все кристально ясно, впервые за долгое время. Оставались еще вопросы. Вопрос.

«Правда ли они не тронут отца?»

– Сейчас это не важно, – обрубил Рагнар. – За мной.

Он мчался по коридорам, периодический подгоняя нас. Люди расступались, словно им навстречу бежал носорог. Трудно их винить, лично я предпочел бы носорога разгневанному колдуну. Виктория тяжело дышала, едва поспевая за Рагнаром. Я чуть ослабил воротник форменной куртки и только тогда понял, что руки свободны –

волшебные наручники растворились, причем давно. Сбежать, конечно, все равно не удалось бы, да я и не думал об этом.

Вскоре мы предстали перед внушительным седым чародеем. Он мерил шагами просторный кабинет и поглядывал на пустой аквариум с зеленой водой. В стороне со слабой, чуть жутковатой улыбкой на лице застыл колдун, который интересовался моим здоровьем. Еще двое – приземистый мужчина с ножами за спиной и стройная женщина, поигрывавшая кинжалом, – вытянулись по сторонам от входа. За столом сидела Рыжая. Завидев нас, она затараторила:

– О, вы уже поладили. – И бросила коварно-кокетливо-восторженный взгляд на Викторию. – Отлично смотрите вместе, из вас выйдет славная команда. А Рен поправил Фабиану губы, и мы поговорили. Он такой умный и добрый, и терпеливый, и с чувством юмора, и...

– Умолкни, Ева! – рявкнул на нее Рагнар.

Рыжая показала ему язык, а после демонстративно закрыла рот.

– Итак, – сказал старый чародей, лорд Ланкастер, по-видимому. – Вы трое, – он указал на Викторию, Еву и меня, – немедленно отправляетесь к Эволет. Рагнар, Таня и Маверик будут вас сопровождать.

Повисшую тишину разнес в клочья вопль:

– Аааа! ЭТО ШУТКА?! – Ева схватилась за грудь и тяжело задышала. Кое-как славив с легкими, она прохрипела: – Эволет? Та самая, настоящая, которая... Криворогие ангелы, да я мечтала ее увидеть! Идемте скорее!

– Кто такая Эволет? – намного сдержанней осведомилась Виктория.

Ева не дала никому и рта раскрыть.

– Она провидица! Я думала, ее не существует, то есть я хотела верить, это ведь так классно, она предсказывает будущее и может столько рассказать... Аэмм!

Лорда Ланкастера утомила болтовня, и он магически запечатал Еве рот, три раза хлопнув в ладоши.

– Поторопитесь.

Рагнар и лорд Ланкастер зашагали впереди. Меня, ничего не понимающую Викторию и Еву, которая царапала губы в тщетной попытке развеять заклинание, повели следом. Замыкали шествие Таня и Маверик. Каким-то образом светловолосый чародей оказался впереди всех, я даже не заметил, как он проскочил мимо.

Двумя лифтами спустились в вестибюль, пронесли мимо стойки, жирной чертой, пересекающей пол. Узоры мрамора складывались в символы и буквы, даже слова, но смысл их ускользал, хотя казался знакомым. За стойкой сидел скучающий колдун и читал книгу, уплетая пирожные. Взволнованная толпа во главе с лордом Ланкастером заботила его меньше сладостей.

Черная дверь без ручки отворилась по слову старого чародея. Тут случилась заминка: пораженная увиденным Ева перегородила дорогу. Ведьма подняла руки над головой и что-то замычала.

– Двигай! – одернул ее Рагнар.

Мы шагнули в глубокий колодец, по стенам которого спиралью закручивалась лестница. Если помещения наверху освещались солнцем через пластеклянную крышу и обыкновенными лампами, то здесь в скобах висели факелы. Люди попадались реже, но выглядели осунувшимися и озабоченными, словно именно тут творились серьезные дела, а этажи выше были для отвода глаз.

– Демоны тебя раздери! – вскричал лорд Ланкастер. – Я сниму чары, если ты не будешь трещать без умолку.

Ева истово покивала. В следующий миг рот ее открылся и больше не закрывался.

– Вот это да! Я будто во сне! Представить не могла, что когда-нибудь тут окажусь! Тибальт говорил, что Башня в глубину такая же, как в высоту, но я думала, он просто треплется...

– Глубже, – впервые заговорил Маверик, но за словесным потоком Евы услышал его, похоже, только я.

– ... и глядите – факелы. Я такие только в фильмах видела. Мы пешком пойдем? До самого низа? А лифты? Что за теми дверьми? А стены из камня или это такой пластик?

Взбешенный Рагнар повернулся к Еве и произнес:

– Я превращу тебя в куклу и донесу в кармане. Расколдую, когда прибудем на место. И ты ничего не увидишь, не узнаешь. А этих, – он кивнул на нас с Викторией, – я зачарую, чтобы они не могли ничего тебе рассказать. Усекла?

Ева испуганно расширила глаза и показала, что закрыла рот на ключ, а ключ выбросила за перила.

Спускаться легче, чем подниматься, но Виктория не привыкла к нагрузкам, а потому вскоре начала задыхаться.

– Давайте немного передохнем, – простила она, держась за бок. – Тут что, нет лифта?

– Есть, – ответил лорд Ланкастер.

– Вы издеваетесь! Какого... зачем тогда пешком?..

– Под нами поток земной магии – никакого электричества поблизости и лишних заклинаний.

– В Башне и так чересчур много чар, – не удержалась Ева. – Там столько комнат и залов, что пришлось ужимать пространство, поэтому кажется, что коридоры бесконечные.

– А после того как пришлось усиливать Сферу, стало совсем туго, – вставил Маверик.

– Ясно, почему тут все такие накаченные, – буркнула Виктория. Она все еще не перевела дыхание.

– Накаченные? – фыркнула Ева. – Ты просто на лабораторных этажах не была. Мы с Тибальтом называем их булочной.

– Почему?

– Потому что там все пышки, аха-ха-ха!

Смех ее унесся вниз, отдался безумным эхом.

– Фортис Крура! – сказал Рагнар и провел рукой вдоль тела Виктории. – Заклинание дополнительных сил, длится около часа. Вперед.

Чем глубже мы спускались, тем грубее выглядели стены, а вскоре и вовсе стали похожи на своды пещеры. Двери сменились прорезанными в каменной толще тоннелями. Приходилось ступать осторожно, поскольку черные ступени плохо просматривались в мерцающем свете факелов.

Я бы тоже не отказался от энергетического заклинания, но просить не решался. Хотя было очень интересно, что при этом чувствуешь.

Воздух становился прохладнее, и не только потому, что мы уходили глубокого под землю. Виктория что-то бормотала, а когда показались последние ступени, замедлила шаг и тревожно спросила:

– Стоит вообще туда идти?

Никто ей не ответил. Чего она испугалась? Темноты? Ну да, тут было мрачновато, но не более. На дне горели только два факела по бокам двери, настолько черной, что она выделялась даже на фоне окружающего мрака. Рен добрался сюда первым. Он бродил по огромному, как церковь, подземному залу, касался стен, пола, бормотал и улыбался. В

общем, выглядел законченным психом. Ева уставилась на него, раскрыв рот, Виктория обхватила себя руками и дрожала.

Лорд Ланкастер шагнул вперед и вытащил что-то из внутреннего кармана.

«Хрустальный ключ?» – опешил я, но опять-таки не решился задать вопрос.

Чародей погрузил ключ в дверь, которая оказалась вовсе не дверью, а клубком теней, настолько плотных, что ключ застрял в них.

– Рен, – позвал лорд Ланкастер, но второй колдун не отозвался. – Рен!

На этот раз светловолосый вскинул голову и подошел. Вдвоем с лордом Ланкастером они взялись за ключ и произнесли заклинание. Тени свернулись, втянулись в хрусталь, он стал черным, словно был сделан из мориона. Впереди показался длинный тоннель.

Виктория смотрела на все это, широко раскрыв глаза.

– Я вернусь и открою дверь через десять часов, – четко выговорил лорд Ланкастер.
– Не задерживайтесь.

– Вперед, – сказал Рагнар, взял один из факелов и шагнул в туннель.

Когда все оказались внутри, колдуны запечатали выход. Рен при этом смотрел так горестно, словно ничего не желал сильнее, чем оказаться на нашем месте.

Стены были на удивление гладкими, проход напоминал трубу. Виктория сжалась и постоянно оглядывалась. Ева потеряла дар речи от восторга и предвкушения. А я думал о том, что меньше суток назад был инспектором, а теперь стал... Кем же теперь я стал?

– Погоди-ка, – встрепелась Ева. – Десять часов? Да что мы столько времени там делать станем?

– Мы не пробудем у Эволет долго, – отозвался Рагнар.

– Но...

– Далеко идти, – пояснила Таня.

Ева присвистнула.

– Знала бы, ни за что не пошла, – заявила она.

– Ты же чуть из штанов не выпрыгнула, когда услышала об Эволет, – удивился Маверик.

– Это не повод...

– Эволет не отказывают, – перебил Рагнар. – Она зовет – ты идешь. Точка.

Ева скривилась, но спорить не стала.

– Почему Рен не пошел с нами? – спросила Виктория. Выглядела она так, словно в любую минуту ожидала нападения.

– Ему нельзя выходить из Башни, – откликнулась Ева.

– Как это?

– Извини. Рен сам тебе расскажет, если захочет. Я не буду лезть в чужие дела.

– С каких это пор? – пробормотала Виктория.

У Рагнара дернулась щека, то ли от злости, то ли от улыбки – не понять.

Тут было холодно, но мерз я от мысли, что оказался в эпицентре магических событий. Ближе к чародейским тайнам, чем когда-либо был отец. Что он скажет, когда узнает? Разозлится? Не захочет со мной разговаривать? Или прислушается, поймет, почему я так поступил? Хотелось верить, что разум и любовь к сыну перевесят ненависть к колдунам.

– Есть хочу, – заныла Ева через пару часов. Мне, по крайней мере, казалось, что прошла пара часов.

– Ты ела, – отмахнулся Рагнар.

– Это было давно, я хочу есть.

– Терпи.

– Не могу.

– Ева, если ты не заткнешься...

– Что это такое? – взвизгнула Виктория и заозиралась. – Кто здесь? Я чувствую, это кто-то большой. Я не могу понять. Что это, что?

Рагнар резко повернулся и в упор уставился на Викторию.

– Ты чувствуешь Тенере? – с трепетом и почтением спросил он.

– Кого?

Ева издала придушенный писк.

– Она тоже существует? Я сейчас в обморок упаду!

– Что за Тенере? – спросил я, потому что все застыли, будто воды в рот набрали.

– Она когда-то была человеком, – ответил Маверик. – А потом... Ну, короче, она обрела божественность и пожертвовала собой, чтобы остановить разрушения, когда Комета упала, и Старый мир разваливался на куски.

– Она богиня? – Я просто рот разинул от изумления.

– Не в том смысле, который вкладывают люди, – сказала Таня. – Давайте двигаться, времени не так много.

– Да, точно, – опомнился Рагнар. Он не сводил глаз с Виктории. Во взгляде его было восхищение. Кто бы мог подумать, я уж решил, он может только злиться.

Мы потопали дальше.

– Так что, и Пятеро тоже есть? – пошутил я.

– Ангелы точно есть, – сказала Таня.

– Да ладно!

– Раз есть демоны, почему бы не быть ангелам? – вполне миролюбиво поинтересовался Рагнар. Его словно подменили. Суровый колдун оглядывался на Викторию, настроение его почему-то улучшилось. Не то чтобы я был против, просто странно.

Идти в полутьме, разгоняемой единственным факелом, было скучно, но я решил больше ничего не спрашивать, а то еще немного, и решу, что попал в другой мир.

В какой-то миг в воздухе появился мягкий аромат, цветочно-травянистый, легкий и освежающий. По стенам поползли прожилки зеленого минерала. От них исходило слабое сияние, так что факел, казалось, потускнел.

– Уже близко, – прошептал Рагнар.

Вскоре показался выход из тоннеля – зеленоватая точка в отдалении. Она все росла и росла, пока не предстала круглым проходом в подземную пещеру.

Пол расширялся и наподобие пирса рассекал сияющую, похожую на жидкий хризопраз воду. Покрытые минералами стены светились зеленым.

– Не останавливайтесь, – тихо сказал Рагнар и двинулся вперед.

Мягкое журчание наполняло пещеру. Звук был приятный, успокаивающий. Я вертел головой во все стороны. Ева делала то же самое, да так резко, что рисковала сломать шею. А вот Виктория чувствовала себя совсем плохо: едва плелась, на лице застыло страдальческое выражение. Не представляю, что она чувствовала сейчас.

Каменная тропинка заканчивалась перед широким озером, на поверхности которого плавало бесчисленное множество листьев и цветов, образовавших зеленый холм. Сквозь прозрачную воду виднелись толстые корни и лианы, уходящие ко дну. Напротив нас, из трещины в стене били струи таинственной воды.

– Госпожа Эволет, – позвал Рагнар.

Поначалу ничего не произошло, а потом цветы разошлись, как подданные перед королевой, обнажая гигантский бутон, в котором мог поместиться взрослый человек. Собственно, так оно и было.

Лепестки раздались в стороны, и в середине цветка показалась женщина. Кожа ее была словно фарфоровой, светящейся изнутри. Волосы, по белизне опередившие облака, прикрывали обнаженную грудь и длинными прядями спускались в воду. Глаза цвета фуксии горели под пышными ресницами. Провидица обладала жутковатой красотой.

Эволет не стала покидать цветок. Нижнюю часть тела шелковыми полосами обхватывали лепестки.

– Рада вас видеть, – поприветствовала она.

– Лорд Ланкастер передает вам свое почтение и просит совета, – проямлил Рагнар. Не подумал бы, что он может перед кем-нибудь спасовать. Но Эволет была слишком ослепительна и неземна, чтобы обращаться с ней, как с обычной женщиной.

– Благодарю.

Ее голос, манящий, полный силы, тайн и обещаний, бархатом скользил по коже.

Рагнар, Маверик и Таня отступили. Все они выглядели немного ошалевшими и старались не таращиться чересчур пристально.

– Ответь лорду Ланкастеру: у него есть все, что нужно, – промурлыкала Эволет и длинным белым пальцем указала на Еву, Викторию и меня.

Рагнар удивился, но ничего не сказал, лишь почтительно склонил голову.

Я вздрогнул и напрягся, когда розовые глаза обратились ко мне.

– Ты прекрасен, Дан, – сказала Эволет. – Забытое открыло путь истинному. Помни, кто ты есть, а не кем тебя хотят видеть. Таких душ, как у тебя, очень мало. Но твое место не здесь.

Передав это таинственное послание, она повернулась к Виктории.

– Ты чудовище гораздо большее, чем то, с которым борешься. И поймешь это в свой темнейший час.

Виктория всхлипнула и, казалось, готова была упасть в обморок. Лицо ее стало почти таким же бесцветным, как у Эволет.

Провидица улыбнулась Еве:

– А тебя я ждала очень долго. Ты останешься со мной.

Глава 17. Превосходная, вот это да, выкусите! Ева

– Чего-о-о?

Все застыли, а эта белая моль продолжала улыбаться. Викторию и Дана услышанные пророчества выбили из колеи, Таню и Маверика я вряд ли волновала, а вот Рагнар мог бы и сказать что-нибудь ради приличия.

– Н-но, Эволет, – выговорил он, запинаясь, – зачем тебе Ева?

«Как мило, заступается за меня. Сейчас лопну от нежности»

– Она же... бесполезная.

– Ну спасибо! – обиделась я и бросила на Рагнара испепеляющий взгляд. Но братец был слишком занят – уставился на Эволет. Еще бы, девица-то о лифчиках, похоже, не слышала!

– О, нет, – еще шире улыбнулась дюймовочка-стриптизерша. – Ева очень даже полезна. Она будет моей ученицей.

– Она? – тупо повторил Рагнар.

Смесь изумления и недоверия на его лице взбесили сильнее уверенности Эволет, что ей позволено все на свете. В том числе, похищение прекрасных дев.

– А-ха! Говорила я тебе, ну! Говорила же! Понял, да? Выкуси, братец! Я – провидица. Мега крутая, потрясающая, восхитительная и непревзойденная! Ха, ха и еще раз ха! Будешь мне мороженое приносить, когда пожелаю. А теперь кыш-кыш, проваливай отсюда, мы с Эволет будем обсуждать девичьи тайны и загадки вселенной, – задрав нос, выдала я. – Может быть, поделюсь ими с тобой, если хорошо попросишь.

Сказала и отвернулась. Вот так Рагнар, получи.

«Девочки, срочный сбор! Что нам теперь делать? Я не хочу оставаться с этой селедкой. Девочки? Эй, вы где? Нет, ну что за... Вот кидалы! Никому нельзя верить!»

Все эти гадости были только ради того, чтобы задеть Рагнара, в глубине-то души я надеялась, что он настоит на своем, откажет Эволет и заберет меня. Провидица наводила ужас: бледная, тощая, голая. Разве не подозрительно и жутко?

– Так, Ева – предсказательница? – все никак не мог сообразить Рагнар.

Эволет уничтожила его легчайшим изгибом брови.

«Вот этому бы я научилась. Да, девчонки?»

Ни Зануда, ни Вредина, ни даже Затейница не отозвались. Уж последняя вряд ли бы упустила возможность высказаться.

– Уходим, – прорычал смущенный Рагнар. У него даже шея покраснела.

Таня и Маверик вздрогнули. Он подтолкнул хмурившегося Дана, ей пришлось взять Викторию за шиворот и вести, как маленького ребенка. Подругу, похоже, слегка заклинило.

Они удалялись, а я осталась на краю каменной тропы. Рагнар обернулся и бросил на меня странный взгляд.

«Вот, сейчас он скажет...»

– Веди себя уважительно.

И ушел. Просто взял и ушел.

«Де-э-э-вочки-и-и!» – заныла я, но ответом была тишина.

Скоро никого, кроме нас с Эволет да вонючих цветов, в пещере не осталось.

– До него всегда туго доходит. Ита-ак, – выдавила я, потирая ладони. – Чем займемся?

Она продолжала смотреть.

– Я не вкусная, если что.

Эволет чуть склонила голову.

– Ну, если ты решишь меня съесть. Я слышала, провидицам приносили жертвы ради предсказаний.

– Можешь уйти, если хочешь, – прошелестела она.

– Правда?

– Да.

– Ладно, пока.

– Я отпущу тебя, но поступит ли так же лорд Ланкастер? – долетел мягкий голос Эволет.

«Иди, иди, не оборачивайся, она тебя дразнит!»

– Что? – обернулась я.

– Знание грядущего – огромная сила. Лорд Ланкастер не откажется от нее. Или же не позволит другим завладеть ею.

«Проще говоря, меня запрут в комнате без окон, пока я не стану такой же бледной, как Селедка»

– Я понимаю, насколько важна для тебя свобода, и помогу отстоять ее.

– Свобода? Да ты живешь в пещере!

– И лорд Ланкастер присылает сюда людей по первому моему слову. Он не посмеет ослушаться, если ты правильно себя поставишь.

– Как именно?

– Называться ученицей провидицы – это одно. А быть девочкой, которая медленно сходит с ума от видений, – совершенно другое.

– Ты просто хочешь оставить меня при себе! – воскликнула я и отступила еще на несколько шагов.

– Разумеется, – повела плечами Эволет, – я давно ждала кого-то, кому можно передать знание.

– А больше никого не нашлось? – хмыкнула я.

– О, конечно, есть другие. На свете живут еще трое. Одна – слишком мала и слаба, она умрет в ближайшие полгода. Вторая уже стара, ее умело скрывали. Третья отказалась от моей помощи. Теперь она во власти безумия.

– Хватит! Никто тут с ума сходить не собирается, ясно?! Я в том числе.

– Мысли твои не затуманены? Действуешь ты в согласии с разумом? Близкие не замечали, что ты изменилась? Что ж, рада ошибиться. Но это не продлится долго. Наши силы – океан, все, что мы можем, – подготовиться к шторму. Одинокую хижину на берегу сметут волны.

– Весьма образно, но это не обо мне. Я всегда себя так веду.

«Слышали это, девочки? Корчит из себя психиатра! Брюнды и демоны, да я же разговариваю с тремя девицами в своей голове и утверждаю, что не чокнулась. И сама себе об этом рассказываю, а потом отвечаю снова и снова...»

– Можно подробнее про океан и волны? – осторожно поинтересовалась я, переминаясь с ноги на ногу. Сердце кричало: «Беги!», а любопытство намазало подошвы клеем.

– Видения будут приходить все чаще, – стала перечислять Эволет – Внезапно. В любом месте, в любую минуту. Порой они будут такой силы, что тебе покажется, будто голова вот-вот лопнет. Ты перестанешь спать, будешь видеть все больше и больше троп, страшиться этих образов, терзать себя мыслями об увиденном: истина это или только возможность? Затем...

– Хорошо-хорошо, я поняла, достаточно.

– Ева, – усмехнулась Эволет, – тебе не придется жить здесь, я не стану забивать тебе голову нравоучениями и лекциями. Ты уже умеешь «рассеиваться», для провидения нужно похожее сосредоточение. Ко всему прочему, – как бы невзначай заметила она, – твой брат

преклоняется перед силой. Особенно его восторгают могущественные женщины. Я о том, что он зауважает тебя. И перестанет дразнить. Могу показать.

Ее правая бровь точно спрашивала: «Интересует?»

Эволет повела рукой, вода в озере забурлила, поднялась волнами – и вот на каменную тропку ступил Рагнар, чуть влажный, с полосами света на лице.

– Ева, – заговорил он далеким голосом. – Я... извини меня. Раньше я вел себя как дурак. Теперь я понимаю, что...

– Фу, фу, фу, выключи! – завопила я и зажала уши. – Гадость какая!

– Гадость? – изумилась Эволет под шепот вернувшейся в озеро воды.

– Если он станет таким, то лучше пусть и дальше на меня орет! Рагнар должен быть сильным, и уверенным, и жестким – он же мужчина!

– Я в своей жизни встречала многих мужчин. Покорные меня устраивают больше необузданных. Но каждому свое. В любом случае, это будет минутной слабостью, он просто станет обходительней. Почти всегда. Хотела бы ты этого?

– Дранные ангелы! – воскликнула я. – Сложно отказаться, не находишь? Но знай, если мне не понравится, я уйду. И ты все равно меня пугаешь, а еще я не стану называть тебя госпожой.

– Мне этого совсем не хочется, – заверила Эволет. – Твоя естественность, делает тебе честь, я уважаю искренность. Даже грубоватую.

– Ну, и что мне придется делать? – спросила я и приблизилась к озеру.

– Поесть.

– Оуах! Что ж ты сразу не сказала? Я бы давно согласилась! Ни одно занятие, если оно начинается с еды, не может быть плохим. Что на обед?

Эволет погладила воду, и зеленоватая волна принесла сложенные лодочкой листы со странными фруктами на борту. Они были круглыми, как яблоко, фиолетовыми, как баклажан.

– Это еще что такое?

– Плоды из Запретных садов, – ответила Эволет, ничего этим не сказав. – Помогают прояснить разум. Ешь, а я поведаю о том, что должна знать каждая прорицательница, которая отправляется бродить по тропам видений.

Было что-то сомнительное во всем этом, но я вытащила бархатистый фрукт и надкусила. В рот брызнул сладко-пряный сок, освежающий и нежный, как летнее вино.

– У-у-у, очень неоохо, – прошамкала я совсем как Фабиан недавно.

В ответ последовало движение головой, которое назвать кивком, все равно что сравнить облако с куском грязной ваты. Эволет принялась за рассказ:

– Главное – понять, что сколько бы ни было возможностей и ответвлений, существует лишь одна дорога в будущее.

– А я думала, оно меняется от наших решений? – удивилась я и взяла еще один плод. От них становилось тепло в животе и легко в голове.

– И это самая большая ошибка, – с чувством произнесла Эволет. – Люди, не сведущие в провидении, полагают, что могут изменить будущее, если узнают его. Это не так. Предубеждение зародилось много лет назад, когда высокое искусство еще не было достаточно изучено. Провидцы принимали за грядущее все, что видели, и не осознавали, что им явились всего-то отголоски, тени, эхо единственного будущего.

Третий фрукт был еще вкуснее. Алый сок тек по подбородку и капал на грудь, но я не обращала внимания.

– То есть ты знала, что я не уйду? – Язык занемел и едва шевелился.

– Знала. Близко заглядывать нетрудно. И тем не менее ты могла убежать, заткнуть уши, упасть в обморок, Рагнар мог увести тебя. Все это могло бы случиться, но произошло то, что произошло: ты осталась.

– А остальные пути? – сонно попыталась я, вертя очередной плод в руках. – Что происходит с ними? Они создают параллельные миры?

– То мне неизвестно. Я лишь знаю, что для нашего мира есть только одна дорога, но ее сложно увидеть. Мне понадобилась пара сотен лет, чтобы сносно овладеть даром.

– Чего же ты о меня-то хочешь? За один раз...

– Сегодня я просто покажу тебе, как это бывает, проведу тебя. А после ты начнешь тренироваться и постепенно научишься. Меня никто не наставлял, тебе будет легче.

– Ага, – промямлила я, – но, кажется, мне надо поспать...

Смех Эволет шелком скользнул по коже. От него вздымались зеленые волны, по стенам ползли молнии, цветы раскрывались и танцевали вокруг белой женщины. Алый сок попал в воду: разводы напоминали кровь. Глаза Эволет стали фиолетовыми, как небо в последние мгновения заката. Своды пещеры разлетелись в стороны, журчание стихло, каменная поверхность под головой исчезла или просто стала настолько мягкой, что я провалилась сквозь нее и оказалась в круглой комнате.

Комнате?! Что за брюндовы фокусы?

Стены были сложены из чего попало: кусков пластика, камней, железных пластин, обломков мебели, бумажных книг, визионных панелей, которые тщились показать что-то, живых деревьев, шкур и Пятеро знают чего еще. Казалось, кто-то собрал все, что нашел на свалке, не слишком тщательно перемолол в блендере, а потом воздвиг из этого стены. Всюду, вкривь и вкось, были врезаны двери, арки, рамы, кое-где просто зияли провалы. Мимо дыр проскальзывали цветные пятна, лица, звуки, отражения и блики, несбывшиеся мечты, забытые сны. Если долго всматриваться, подумалось мне, можно потерять себя.

Стоило оглянуться, как все вокруг закружилось, двинулось в разные стороны, разлетелось на куски и снова собралось вместе – совершенно по-иному. Теперь уже другой хлам складывался в стены, одна тысяча дверей и проходов сменилась другой тысячей. Потолка не было, стены вздымались и закручивались спиралью, подобно трубе, подключенной к бесконечности.

Вытерпеть все это было невозможно, оно просто не помещалось в голове. Я закричала и рухнула на колени. Испуганное лицо отразилось в черном зеркале пола.

– Нет-нет-нет! – застонала я и попыталась ухватить пальцами трещины, побежавшие во все стороны. Пол грозил рассыпаться и утащить меня в ничто. – Аaaa!

Внезапно трещины пропали, стекло сменилось потертым паласом.

– Успокойся, Ева, – раздался отовсюду и ниоткуда голос Эволет. – Не торопись и дыши.

– Ты обещала учить! – заверещала я. – А не отправлять непонятно куда!

– Я говорила – легко не будет, – безжалостно возразила Эволет. – Так учат плавать – просто кидают в воду.

– Дурацкая затея! Никто в здравом уме не станет так делать, если не хочет тебя утопить!

– Успокойся и дыши.

«Засунь-ка ты свои советы...»

– Ай! Ну это уж...

Бледная ножка в туфле на высоченном каблуке пнула меня в бок. Взгляд медленно пополз вверх, скользя по ровной коже, цветастому платью, вызывая короткому, изящному и, наконец, остановился на маленьком, озорном лице. Огромные зеленые глаза и вздернутый носик. Надо всем эти нависло кудрявое безумие.

Затейница смешно выпучилась, развела руками, словно говорила: «Ну, подруга, ты даешь» и прижала палец к улыбающимся губам.

Кто-то резко потянул за футболку. Слева застыла особа лет двадцати, но с таким чопорным выражением на лице, что ей можно было дать и пятьдесят. Черный пиджак, юбка до щиколоток и совершенно уродские ботинки на плоской подошве придавали ей вид строгой учительницы. Пронзительно-голубые глаза смотрели через стекла очков. С ума сойти, да такие лет двести никто не носит! Ее пучок был настолько тугой, что мог занять первое место в перечне страшных кар. Губы без следа помады гневно сморщились.

Зануда держала правую руку на отлете и перебирала пальцами, как бы говоря: «Вставай, не время расслаиваться»

В стороне сжала кулаки и нетерпеливо притопывала неопрятная девица с длинными волосами, завязанными в хвосты и косички. Джинсовый комбинезон висел на одной лямке, оголяя костлявое плечо. По грязноватой майке тянулась надпись: «Достань звезду или иди в...» окончания фразы терялось в складке. Интересно, что там написано? Но у Вредины был слишком воинственный вид, чтобы спрашивать. Она коротко кивнула, мол: «Соберись, тряпка»

– Явились, значит?! – возмутилась я, но Затейница карикатурно разинула рот, Зануда прижала пальцы к вискам и стала их массировать, а Вредина пригрозила кулаком. Послание яснее некуда: молчи о нас.

– Ева? – встревожено спросила Эволет. Почувствовала она девочек? Что за глупый вопрос, наверняка о *знала* о них. Или нет?

«Нет», – одновременно покачали головами Затейница, Вредина и Зануда.

– Эамн, нормально, – выговорила я, – просто показалось.

– Что ты видишь? – спросила Эволет.

– Мусор и двери.

– Я постаралась придать видению ясную форму. Чтобы тебе было легче в первый раз.

– Спасибо большое, – скривилась я, и Затейница беззвучно хихикнула. – В следующий раз предупреждай, что собираешься закинуть меня в видение.

– В тебе было слишком много сомнений, – беспечно отозвалась Эволет. – Я решила ускорить дело.

Вредина зачем-то подняла к потолку кулак с оттопыренным средним пальцем. Зануда поджала губы.

– Ладно, я хочу покончить с этим. Что нужно делать?

– Открыть дверь, разумеется.

– Всего-то?

– Не каждая подойдет.

– Ну-у-у, начинается. И которую из долбаной тысячи выбрать? – Терпение подходило к концу. Эволет завлекла обещаниями, а сама поступила как все остальные: просто делала со мной, что вздумается. Я вам не игрушка, ребятки.

– Двери – пути. Истинный лишь один. Найди его.

– Ах, как все просто, и чего это я сама не догадалась. – Затея с провидением начинала казаться самой большой ошибкой, которую я когда-либо совершала. Если раньше мозги были на месте, то теперь точно спекутся. – Ну и, как найти нужную-то?

– Ищи и найдешь, – ответила Эволет.

– Отли-и-ичный совет. Эй, эй, куда ты пропала? Брюнды, демоны и лысые ангелы, да что б тебя! Ты обещала учить меня! Вернись! Помнишь, я говорила, что побаиваюсь тебя? Так вот, я передумала! Надеюсь, ты уже предвидела, что я сделаю с тобой, когда вернусь!

Никакого ответа. Эволет, по крайней мере, молчала. А вот девочки зашевелились.

Затейница взбила волосы и помахала руками – «Не обращай на нее внимания», а потом указала на себя – «Делай как я».

Зануда постучала меня по лбу – «Соображай».

Вредина потерла нос и указала на свои глаза, потом на меня – «Я слежу за тобой»

После девочки разбрелись в стороны и принялись изучать двери. Пришлось последовать их примеру, благо головокружение улеглось.

Первая дверь, стоило ее коснуться, почернела и съежилась, в миг сгнив. Вторая покрылась мхом, зелеными и оранжевыми грибами, в середине ее пророс единственный фиолетовый цветок, похожий на орхидею. Следующая превратилась в окно, за которым играли дети без лиц и бродили взрослые с шипами вместо волос; она разбилась, как только я вскрикнула. Четвертая просто растворилась, пятая – разлетелась стайей бабочек, обернувшихся в следующее мгновение бриллиантовым дождем. Другая не стала меняться или отзываться на прикосновение, но и открыть ее не получилось.

– Ага, я поняла! Это загадка с подвохом – тут нет нужной двери, да?

Затейница сочувственно улыбнулась и продолжила гладить серебряную пластину.

Зануда несколько раз глубоко вдохнула и вернулась к изучению синих портьер – шелковой и бархатной, – прикрывавших дыру в стене.

Вредина постучала себя по голове и пнула маленькую круглую дверцу.

Теперь я чувствовала себя полной дурой.

Заряд пепла в лицо, лужи слизи, ветер, осколки и грязь. Белая поверхность, вспучившаяся от сотни маленьких лиц. Ветхая ткань, налипшая на кожу. Меловая рама с цельным алмазом вместо двери. Пустота.

В комнате было тесно, а за каждой дверью скрывался целый мир – только руку протяни. Да вот беда...

«Что за брюндовня! – яростно подумала я. – Даже если это не те двери, они все равно должны открываться. Что не так-то?»

Затейница поспешно отвернулась. Вредину очень заинтересовали развязавшиеся шнурки. Зануда принялась тереть стекла очков.

«Ах, вот как?! Ну вы и предательницы! Сначала кидаете меня наедине с этой Селедкой, потом она кидает меня здесь, а вы только мешаетесь! А ну живо показывайте нужную дверь!»

Девочки покачали головами. «Только ты» – изобразила Зануда.

«Да?! Вот сейчас возьму и расскажу Эволет про вас, будете знать»

Затейница с удивительной грацией и быстротой продефилировала ко мне и ладошкой прихлопнула опрометчивые слова, готовые сорваться с языка. А потом прижалась губами к правому уху, да так тесно, будто собиралась высосать мозг.

«Просто будь собой. И не тупи»

Она скорее вложила слова в голову, чем произнесла их. После чего вернулась к одной из дверей и продолжила с ней беззвучную беседу. Затейница кокетничала, улыбалась, хлопала ресницами и поправляла непослушные волосы.

Зануда непонятно откуда достала линейку и теперь измеряла свою почти дверь – всего лишь три доски, сколоченные вместе.

Вредина с упорством умственно отсталого пинала другую.

Похоже, у всех был собственный стиль исследования. А что я? Я обычно поступала наобум.

«Будь собой, говоришь? Ладненько»

Крепко зажмурившись, я крутанулась на месте и почувствовала, что мироздание едва не слетело с оси.

Девчонок разметало по сторонам, но я не стала обращать внимания на недовольные гримасы, а просто метнулась к ближайшей двери, сложенной из треугольников синего минерала, и хлопнула по ней ладонью.

Затейница плясала с раскрытым ртом и трясла меня за плечи. Зануда поправила очки и гордо улыбнулась. Вредина слегка шевельнула подбородком – «Сойдет, но могло быть и лучше»

Минеральная дверь задрожала, по воздуху поплыл серебряный звон. Синие треугольники зашевелились, стали меняться местами, толкались и наползали друг на друга. Какое-то время спустя они сложились в угловатую картину.

– Это же...

Дверь разлетелась на куски. Каждый треугольник разрезал пространство, иссекая одну реальность, высвобождал другую. Вскоре я стояла в полной темноте, только в отдалении едва мерцали два индиговых огонька.

Несмотря на мрак, я отчетливо видела Зануду, Затейницу и Вредину, окруживших меня наподобие стражи. Затейница вскинула кулак и пару раз глубоко вдохнула, словно готовилась к чему-то. Поскольку никто ничего не объяснял, я решила поглядеть, что там за светлячки такие.

Мимо проплывали сгустки теней и комья ночи. Огоньки приближались медленно, неохотно. Темнота немного отступила, и я заметила какой-то силуэт: не то паук, не то модель сердца с сосудами.

Вопль, высокий, как небо, и тонкий, как лезвие гильотины, сорвал занавес мрака. С невидимого потолка свисали безликие человеческие фигуры: мужчины, женщины и дети. Все они были обнажены, бледны, словно обескровлены, и недвижны. Пластиковые шнуры капельниц змеями обхватывали тела, иголки пронзали туловища, высовывались из голов, раздирали глотки. Вместо лиц – вздыбленная поверхность, не решившая, какой вид принять. Под бесцветной кожей кишели зародыши скул, губ, глаз и носов.

– Где дверь?! – орала я и металась между несчастными людьми-недоделками. Сердце и легкие в панике натывались друг на друга. Кишки завязались в узел, спрятав внутри желудок. Вместо крови по венам бежал чистый ужас. Мурашки покрылись мурашками. – Я хочу выбраться! Выпустите!

Вредина и Зануда подхватили меня под локти и потащили вперед. Затейница толкала в спину. Лица у всех троих застыли скорбными масками, глаза горели пурпуром и тьмой.

– Нет, я не хочу!

Но они отпустили, только когда мы добрались до индиговых огоньков, оказавшихся глазами Лазара Мереша. Он безразлично осматривал сотни пленников. За спиной его

сгустилась тень с золотыми глазами. Она была выше человеческого роста, а в руке держала зазубренную палку с красными лохмотьями. Тень наклонилась и зашептала инквизитору на ухо.

– Она подходит, – сказал Мереш. От каждого слова по воздуху расходились трещины, сквозь которые виднелись другие залы с телами и без, другие инквизиторы и златоглазые фигуры.

– Вторая? – прогудела тень.

– Бесполезна.

Тень улыбнулась, хотя у нее не было губ, и взмахнула палкой. Трещины в пространстве заполнились огнем. Внезапно люди закричали и забились в паутине игл и пластика. Родившиеся глаза наполнились слезами, бесконечные потоки стонов и воплей вырывались изо ртов. Волна пламени неслась навстречу, сметая все на своем пути...

– А-а-а!

Не огонь, вода! Кругом была вода, а в ней скользили пластиковые шнуры, готовые связать меня, воткнуть иглы в тело. Я кричала и захлебывалась, кровавые пятна расплывались вокруг. А затем глаза – фиолетовые и черные, бесконечно глубокие, страшные.

– Все хорошо, – нежно сказала Эволет. – Ты справилась лучше, чем я предполагала.

– Мереш... М-мереш... О-он... – отплевывалась я, выдавливая слова.

– Да, да, знаю. – Эволет погладила меня по голове и прижала что-то к губам. – Спи. Я предупрежу их.

Глава 18. Виктория и тьма людей

«Ты чудовище гораздо большее, чем то, с которым борешься»

Слова звенели и перекатывались в голове. Эволет выцарапала их в памяти и отвернулась.

– Как вообще можно такое придумать?! – воскликнула я.

Мимо проплывали стены тоннеля, зеленоватые прожилки редели, их сияние угасало, теперь только дрожащее пламя факела освещало путь. Я даже не заметила, как мы покинули пещеру.

– Эволет не придумывает, – отозвался Рагнар. Голос его звучал глухо, подавлено. – Она говорит то, что видит.

– Видит, – фыркнула я. – Предсказательница, тоже мне. Дайте час, и я выдам сотню таких «пророчеств». Тут особого ума не надо, главное не засмеяться, когда будут вещать.

– Перестань! – оборвал Рагнар. – Эволет много лет делает предсказания для Ордена, и все сбывались. Если тебе не нравится...

– Конечно не нравится! А тебе бы такое понравилось? Что вообще значат ее слова?

– Раз ты борешься с моим отцом, – подал голос Дан, – то, скорее всего, поубиваешь кучу людей, и тебя станут ненавидеть.

– Вот спасибо! – вспыхнула я. – Тебе весело, да? Разумеется, ты же золотой мальчик: лорд Ланкастер дифирамбы пел твоей невинности...

– Что-что?

– ... а теперь эта, хф, провидица расхваливает тебя. Все прекрасны, все чудесны, одна я почему-то хуже остальных. И мне постоянно тычут этим в лицо.

Слезы потекли по щекам, как я ни старалась их удержать.

– Лучше бы про Нику что-нибудь сказала, а так пользы никакой. Что она тебе-то напорочила? Ева? Стойте, а где Ева?!

– Она осталась с Эволет, – сказала Таня.

– Что? Зачем?

– Будет учиться. Она, видишь ли, тоже провидица, – ответил Рагнар, но его это, казалось, совсем не радовало.

– Ева провидица? – ошеломленно переспросила я. – Что ж, это многое объясняет.

«Да, конечно, обсуждай Еву, словно ничего не произошло»

– Что, например? – круто развернулся Рагнар, так что искры от факела полетели во все стороны.

– Ну, она всегда вела себя так, будто знала: ничего плохого не случится. Постоянно попадала в переделки и выходила сухой из воды. Точно, ну, не знаю, чутье подсказывало ей, что делать, что говорить, куда идти. Я считала ее самым удачливым человеком в мире, но теперь все понятно.

– Хм, никогда не думал об этом, – пробормотала Рагнар. – Давайте двигаться, лорд Ланкастер откроет дверь через четыре с половиной часа.

Дан шагал чуть впереди, улыбался и беззвучно шевелил губами. Вот уж кого предсказание ничуть не расстроило. Хотя, чего расстраиваться, когда тебя в очередной раз с ног до головы посыпали блестками и пирожок в придачу дали. Моя тревога тяжелым грузом легла на всех, кроме бывшего инквизитора. Таня, Маверик и Рагнар ссутулились и

опустили головы, словно несли на плечах по булыжнику. Исподтишка я утянула кусочек солнечного света у Дана и вишневую прядку обожания у Тани и Маверика. Эти двое перекидывались нежными взглядами всю дорогу до пещеры, и я успела пару раз отщипнуть теплоты и ласки. Может, поэтому на обратном пути чародеи немного приуныли.

«Прекрати, – одернула я сама себя. – Об этом Эволет и говорила: ты постоянно что-то крадешь у других. Небось поэтому Соня и Воргас стали такими мерзкими»

Эта мысль вспыхнула еще одним факелом – темным, холодным, зловонным. Прежде я не задумывалась, что сама виновата в переменах, которые произошли с Соней и Воргасом. А вдруг правда? Если это я их преобразила? Забирала по крошке, по кусочку, но каждый день, и в конце концов украла слишком много?

«Да ну, чушь, ты просто пытаешься все подстроить под предсказание. Кто она такая, эта Эволет? Тетка, которая живет в цветке, вот и все. Сколько стоят слова такого человека? Вряд ли много. Если лорд Ланкастер, Рагнар, Дан и все остальные хотят верить этим бредням – пускай, ну их. А вот я не стану, не буду терзаться только потому, что какая-то выскочка, невесть сколько лет не вылезавшая на солнце, наплела с три короба»

– Да, точно, – случайно сказала я вслух, но никто не обратил внимания. Все были заняты своими думами. – А что такое темнейший час? Это какой-то магический термин.

– Вряд ли, – откликнулся Рагнар. Ему тоже хотелось немного отвлечься. – Я, по крайней мере, такого не знаю. А вы?

Таня и Маверик покачали головами.

– Может, это затмение или новолуние, – предположил Дан. Он стал разговорчивее после встречи с Эволет, в нем прибавилось сил и уверенности. Даже какая-то целеустремленность появилась. Что он задумал?

– Она сказала, что мы пригодимся лорду Ланкастеру, – внезапно вспомнила я.

– Не было такого! – отмахнулся Рагнар.

– Ну, не совсем так. Она показала на нас троих, и сказала: у лорда Ланкастера есть все, что нужно. И что это значит?

Дана отвлекся от размышлений и прислушался.

– Да, – подхватил он, – мне тоже интересно.

– Я не знаю, – сквозь зубы выговорил Рагнар.

– Ой, мне-то можешь не врать...

Тут я споткнулась и едва успела выставить ладони, чтобы не разбить нос. Все подождали, пока я встану, и двинулись дальше. Рагнар к тому времени успел закутаться в «кокон»

– Наверно, это очень неудобно? – полюбопытствовал Дан. Он дернулся было помочь, но вовремя отпрянул. Вспомнил, наверное, чем все кончилось в прошлый раз.

– Естественно, я руки ободрала.

– Да нет, я о том, что никто не может к тебе прикоснуться.

– Привыкла, – буркнула я. А он все не отрывал взгляда и явно не решался задать следующий вопрос. Внутри затрепетало: было одновременно боязно и приятно.

Дан выдавил улыбку и отвернулся.

Раньше я гордилась тем, что могла без остановки пробраться через лес до магазина и вернуться домой, а теперь только и мечтала: скорее бы уже кончился этот тоннель. Хорошо, хоть дорога была ровная, без зарослей кустарника, невидимых глазу нор и торчащих корней.

Живот недовольно бурчал, заглушая звук шагов. Никто не заговаривал: Дан погрузился в счастливые мысли – даже удивительно, насколько он был беззаботен; Таня и Маверик поникли, как цветы на полуденном солнце; Рагнар в своем «коконе» переливался оттенками грозы.

– Скоро там? – не выдержала я: а так не хотелось жаловаться.

– Скоро, – буркнул Рагнар. По проходу метнулся яростный язычок пламени. Впрочем, кроме меня никто его не заметил и не ощутил. Кисловато-металлический иголки прошли по телу.

– Нечего срываться на мне. Никто не виноват, что ты всю жизнь шпынял Еву, а она теперь стала значительней тебя. – Слова вырвались сами по себе.

Рагнар резко обернулся и подошел непозволительно близко. Если бы он так не полыхал гневом, я бы струхнула. Но вместо этого вскинула подбородок и приготовилась к бою. Дан, Таня и Маверик опасливо отступили на пару шагов.

– Думаешь, меня *это* волнует? – прошипел Рагнар, потрясая факелом.

– А то нет. Ты же постоянно гнобил ее и унижал. Что бы она ни делала, ты вечно был недоволен. И вот теперь она важная персона, а ты просто...

– Кто?

– Никто, – четко выговорила я. – Теперь все будут виться вокруг нее, а на тебя даже не посмотрят.

Рагнар скривился, будто увидел что-то омерзительное.

– Да уж, – сказала он. – Ты, может, и эмпат, но совершенно ничего не смыслишь. Если у тебя проблемы с собственной сестрой, не перекладывай их на наши отношения с Евой.

С этими словами он отвернулся.

– Поторопитесь, или мы тут застрянем, и все пропустим.

Больше он ни слова не сказал, пока мы не добрались до двери. Тени, закрывавшие проход, были на месте. Мы шли без остановок, в темпе, который задавал Рагнар, и жалеть он никого не собирался. Всем, кроме меня, прогулка не доставила особых неудобств.

Пламя отгоняло тьму, но рассеять пятно мрака в конце прохода было не в силах. Таким же черным пятном засела в мыслях Эволет. Всего лишь еще одна в череде странных личностей. В последнее время уж больно много не-людей мне попадает. Тот инквизитор в разрушенном небоскребе – у него взаправду не было души? Как такое возможно? И помощник Лазара Мереша. Казалось, порезать может даже воспоминание о нем. Потом эта Тенере, о которой Рагнар отзывался едва ли не с большим почтением, чем об Эволет. Богиня... Мурашки бежали по коже при одной мысли о подобном. С каждым днем мир словно расширялся, поворачивался гранями, о которых я не подозревала. Маги, демоны, боги, ангелы – кого еще можно встретить на улицах города? Или под ними. Например, провидицу, которую я почувствовала задолго до того, как увидела. Еще одно открытие, новое потрясение. Она была неуловимой, как тень от птицы, холодной, как зимний ветер, глубже океана и выше гор, слаще радости и горше предательства. В ней переплеталось и смешивалось несочетаемое. Проще схватить молнию, чем понять хоть одно ее чувство. Непостижимая женщина.

Наконец, с шорохом осенней листвы, магическая дверь исчезла. Лорд Ланкастер и Рен отошли, чтобы мы могли выбраться из тоннеля.

– Ева? – спросил лорд Ланкастер.

– Эволет взяла ее в ученицы, – коротко ответил Рагнар.

Рен приподнял брови, а лорд Ланкастер смачно выругался.

– Извините, – без особого сожаления сказал он. – Просто это... неожиданно.

– Я решил, – выступил вперед Дан. – Я помогу вам, если пообещаете не убивать моего отца. Его будут судить по светским законам.

«Вряд ли ему от этого станет легче», – подумала я, но благоразумно промолчала. Внезапная перемена в Дане немного корбила: меня он, значит, не послушал, а стоило

узнать туманное пророчество, тут же передумал. Солнечные блики еще не были в нем столь яркие и горячи.

Лорда Ланкастера тоже удивили слова Дана. Чародей несколько минут всматривался в парня, видимо, пытался определить, насколько тот искренен.

– Хорошо, – наконец изрек лорд Ланкастер. – План уже составлен, но твоя помощь значительно его облегчит. Поднимемся ко мне.

Возле лестницы я застонала и попросила еще раз применить заклинание бодрости.

– Ты потом не заснешь, – возразил Рагнар.

– Вырубиться на ступеньках – тоже не лучший вариант, – огрызнулась я.

Рен хлопнул в ладоши, и между ними загорелась золотая искорка. А после скользнула мне прямо в сердце. По жилам растеклось тепло и нестерпимое желание посоревноваться, кто первым доберется наверх. Маги и Дан едва плелись, а мне хотелось скакать и приплясывать. Похоже, чары Рена прогоняли не только усталость, но и темные мысли. Легкость струилась из меня, окутывала всех, кто был поблизости. Таня и Маверик вновь стали поглядывать друг на друга и подавать одним им понятные сигналы, лорд Ланкастер стал чуточку менее угрюмым, а Рагнар и вовсе слабо улыбался. Только Дан и Рен ничего не ощутили: первый и без того переполнился решимостью и предвкушением, а второй был, как всегда, глубоко задумчив и скрытен.

Когда мы добрались до вестибюля, город уже закутался в ночь. Тем не менее на улице горели костры, люди бродили между палаток, переговаривались, кто-то пел песни. В окнах домов, скрытых магией Башни, тоже мерцали огни.

В кабинете лорд Ланкастер махнул рукой, и свет выгнал любопытную тьму за окно. Темная поверхность превратилась в зеркало, которое отражало престранную компанию: парня, так и лучившегося неясным облегчением, угрюмого чародея, задумчивого чародея, старого чародея, уставшего от пиджака и галстука, бледную девушку, с горящими от возбуждения глазами.

– Итак... – начал лорд Ланкастер, но протяжный звон прервал его на полуслове.

Наконец, мы узнали, зачем в кабинете понадобился пустой аквариум. В зеленоватой воде, очевидно, набранной из подземного озера, возникло лицо Эволет. Глаза провидицы потемнели до фиолетового.

– Доминик. – Далеко не сразу я сообразила, кого она поприветствовала.

– Госпожа Эволет, – чуть поклонился лорд Ланкастер. – Рад вас видеть.

– Я передала вам послание. Вижу, вы его получили. – Провидица тепло улыбнулась Дану, а на меня бросил короткий взгляд. – Ева прекрасная девочка и способная ученица.

«У тебя все прекрасные, кроме меня»

При этих словах Рагнар скривился, как от зубной боли. Ну, и кто тут не завидует? Да новая Евина ипостась ему поперек горла!

– Она еще побудет со мной, – продолжала Эволет, – я сообщу, когда вы сможете ее забрать.

«Говорит так, будто планшет одолжила!»

– Ева кое-что увидела. – Эволет сделала трагическую паузу, а потом рассказала о видении. О том, что Лазар Мереш вместе со златоглазой тенью сожжет людей, которые страдают и мучаются от пут и игл.

Я не поняла и половины, а вот сияние Дана погасло. Обрывки мрака закружились вокруг него, садились на плечи, рвали грудь, царапали лицо, подобно стае взбесившихся воронов.

– Как Ева? – поинтересовалась я, поскольку остальных это не интересовало.

– Отдыхает, – ответила Эволет и растворилась.

Лорд Ланкастер тяжело вздохнул и заговорил:

– Завтра соберется Совет Конфедерации. В частности, он будет рассматривать вопрос об инквизиции. Нам необходимо подтолкнуть Совет к правильному решению. Видение, – он мельком взглянул на опустевший аквариум, – можно истолковать по-разному, но ничего хорошего оно не сулит. Ты знаешь про отель? – обратился лорд Ланкастер к Дану.

Тот кивнул.

– Что там происходит.

– Исследования, – прошептал Дан. – Ничего серьезней анализа крови, все остальные – неинвазивные. – Он сглотнул. – Так должно было быть, так мне говорили.

– Очевидно, все иначе, – безжалостно сказал лорд Ланкастер. – Насколько хорошо ты знаешь внутреннюю планировку?

– Довольно неплохо. Но туда не пробраться – на пути два Протектора.

– Мне это известно, – отмахнулся лорд Ланкастер. – Городской предоставь нам. Что со вторым, который во дворе?

– Он полностью автономен, – сосредоточенно заговорил Дан. Его еще одолевало потрясение. – С отдельным генератором и охраной. Он слабее обычных, покрывает отель и метров сто вокруг.

– Его можно отключить? Ты мог бы это сделать?

– Да, – немного удивился Дан. – Но нужно проникнуть за ограду. Панель управления в будке под вышкой.

– Отлично, – сказал лорд Ланкастер. – Завтра мы проведем тебя туда, ты отключишь поле. Остальное мы сделаем сами.

– Вы доверяете мне? – опешил Дан.

– Не полностью, – без обиняков заявил чародей. – Но у нас уговор. И я рассчитываю на твою честность. С тобой пойдет один из моих людей, на всякий случай.

Дан только кивнул.

– Ты, – повернулся лорд Ланкастер ко мне. – Для тебя тоже есть поручение.

– Неужели? – Старик не обращал на меня внимания, пока не потребовалась помощь. Словно я была всего лишь инструментом, ждущим, когда его вытащат и применят.

– Завтра мы уничтожим вышку на пересечении улиц Свободы и Равенства. – Лорд Ланкастер шумно втянул носом воздух. По лезвию клинка скользнул отблеск пламени. – Я не хотел разыгрывать эту карту раньше времени, но особые обстоятельства... Словом, мы уберем поле, после чего переместимся как можно ближе к отелю. Твоя задача – подстраховать моих людей, когда они будут взрывать вышку.

– Но-но-но, – затараторила я, – это невозможно, так далеко и...

– Рен поможет.

– Вместе мы дотянемся до них, – вмешался целитель.

– Почему бы тогда вам самим это не сделать? – удивилась я.

– Его силы ограничены Башней, – разозлился лорд Ланкастер, – иначе бы я не стал к тебе обращаться. Ты сможешь это сделать?

В отличие от согласия Дана, мой ответ не был преисполнен твердости, он дрожал и скукоживался от страха.

– Да, – выговорила я, хотя сама в это не верила.

– Завтра выходной, – отстраненно сказал Рен.

– И что?

– Почти все соберутся на дворцовой площади, вот что, – пояснил лорд Ланкастер. – Тебя ничто не отвлечет. Я уверен, инквизиторы будут заняты толпой перед дворцом. Вряд

ли кто-то станет патрулировать западный район города. Но нельзя полагаться на удачу. Если мы не сможем убрать поле, вся идея провалится.

– Я поняла.

– Прекрасно. А теперь идите спать. Вставать придется рано.

– Скоро она отпустит Еву? – спросила я у Рагнара, когда мы покинули кабинет и отправились в спальню.

– Не знаю. Какое-то время они проведут вместе. – Ему самому не нравилось это. – Вот. Ты – направо, ты – налево.

Удостоверившись, что мы с Даном зашли в комнаты, Рагнар удалился.

За окном сиял огнями город. Неполная луна высвечивала зазубренные очертания небоскребов. Я оглядела непримечательную спальню – она мало отличалась от больничной палаты, разве что покрывало на кровати было голубым, да на стенах – обои вместо белой краски. Выключив ночник, я прижалась лбом к оконному стеклу. Внизу маленькими холмиками были раскиданы палатки и спальные мешки. Далеко впереди, за Кольцом Скорби, светились немногие окна. Обычно улицы переливались огнями, но Мереш выкачивал энергию, чтобы поддерживать поле. Взгляд тонул во тьме, мысли терялись на извилистых тропинках сознания. Заклинание бодрости еще действовало, но желание бегать и прыгать исчезло. Теперь энергия обернулась вовнутрь, кипятила раздумья. Сколько угодно можно негодовать на Эволет, придумывать отговорки, прикрываться высокими целями или суровой необходимостью, но мне было страшно как никогда прежде, страшно от самой себя.

Лорд Ланкастер привык использовать все доступные средства, но даже он при ином раскладе не захотел бы моего вмешательства.

«Чудовище, чудовище, чудовище»

Может быть, правда? Может, я в самом деле чудовище, поэтому бабушка держала меня при себе. Я, конечно, не жаловалась, но скрывать не стану, порой нестерпимо хотелось оказаться обычной, даже скучной и заурядной. Просто выйти на улицу, прогуляться с друзьями, да что там, завести друзей. Не бояться, что кто-то пронзит своим горем или одурманит счастьем.

Силы, дар, талант – проклятье, вот это что. Но ведь не обязательно быть плохой. Да, я свела с ума инквизиторов, покалечила их. Но завтра, завтра будет шанс все исправить, показать, что я могу обратить силы во благо. Защитить людей, а не сломать их. Вернуть сестру, спасти папу и Риту.

Почему я должна считать себя монстром? Потому что Эволет так сказала? Чушь! Она меня не знает, и еще неизвестно, какое она будущее видит. Все можно изменить, все можно исправить. Я смогу, да, точно смогу, сумею повернуть все в другую сторону, доказать – никакое я не чудовище.

За стеной Дан забылся тревожным сном. Сознание бывшего инквизитора золотистой шалью раскинулось вокруг, легло на плечи. Вот откуда уверенность, вера в себя. Уберите Дана – чистого, искреннего – и что останется? Я – жалкая, дрожащая.

Рывком сорвала шаль и распахнула окно. Теплый ночной ветер откинул волосы назад.

«Хватит с меня ужасов. Хочу быть как Дан»

Я протянула руки в ночь и отпустила страх, сомнения, слабость. Они сплетались и расходились в стороны, пронизывали друг друга, вспыхивали и гасли, неслись над землей. Снизу поднимались искры восторга и восхищения: люди заметили огни в небе. Полосы и завитки голубого, фиолетового, серебристого света рассекали ночь, отгоняли мрак, прогоняли тьму из сердца.

Свечение угасло, но страх никуда не делся. Его было слишком много, хоть всю ночь простой у окна. Ника, папа, завтрашний день – все это никуда не исчезло, продолжало давить и пугать.

«Как у него получается? Почему Дан может спать почти спокойно, а я стою и мучаюсь?»

И все же какой-никакой толк вышел: выпустив на волю часть тревожных волнений, я почувствовала усталость. Кровать была мягка и уютна, блаженный сон накрыл задревеневшее тело.

– Проснись. Ну же, вставай!

Я распахнула глаза. У стены стоял Тибальт и тыкал в меня палкой!

– Ты совсем придурак?! – возмутилась я. За окном вовсю горел новый день, последний для инквизиции, надеюсь. Если любопытное солнце не решило встать пораньше, то... – Я проспала?

– Нет, – с облегчением ответил Тибальт и развеял палку. – Лорд Ланкастер сказал, что тебе нужно отдохнуть, все равно от тебя пока никакой пользы. А я все не мог тебя добудиться, прости. Он ждет. Уже два часа дня. Вот-вот начнется.

Наскоро умывшись и перекусив бутербродами, принесенными Тибальтом, я последовала за ним в кабинет лорда Ланкастера. По коридорам носились люди, что-то

выкрикивали, передавали друг другу сообщения. Несколько десятков чародеев обновляли круги и символы на полу галереи. Никто не удосужился спрятать эмоции в «кокон», но сегодня это не требовалось: все были чересчур сосредоточены на своих задачах.

В кабинете лорда Ланкастера шумел спор. Глава Ордена, Рагнар, Маверик, Таня и еще двое – худой чародей и остролицая ведьма – обсуждали план. Временами Дан вставлял слово-другое, и, что невероятно, к нему прислушивались. Рен застыл у окна с отрешенным видом, будто за его спиной не готовился поворотный момент истории.

Недоверие, злость, горячность, самоуверенность металась по кабинету, каждый спорщик норовил поразить соперника не только аргументом, но и уничижительным взглядом. Люди превратились в размытые пятна, слова – в неясный гомон. Понять, из-за чего такой гвалт, было невозможно. Я застыла в дверях и не решалась окунуться в ураган эмоций.

– Прошу всех взять себя в руки. – Голос Рагнара мечом разрубил узел ссоры, и та распалась на жалкие обрывки. Маги оборачивались и рассматривали меня, каждый закутывался в «кокон», плотный, надежный, непроницаемый.

– Наконец-то, – сказал лорд Ланкастер не то о моем появлении, не то о наступившей тишине. – Иди сюда, – позвал он и выдвинул стул напротив Дана.

Тот выглядел взволнованным, довольным и перепуганным одновременно. Я видела его решимость, но, словно патина, ее покрывало виноватое сожаление. Пойти против отца нелегко, но я не сомневалась в Дане. Еще в первую нашу встречу – не самое удачное знакомство – я поняла: он особенный. Хотя в чем-то Эволет была права.

Какое-то время лорд Ланкастер и остальные обсуждали подробности плана, вносили небольшие изменения, уточняли у Дана ту или иную деталь.

Напротив аквариума висели две визионные панели. Одна показывала дворцовую площадь с высоты – тысячи людей собрались перед дворцом, улицы заполнили разноцветные фигуры, среди которых, словно муравьи-рабочие, сновали инквизиторы. Они пока еще удерживали подъезды, но если главы государств не прибудут в ближайшее время – пробираться им по головам. Глядя на столпотворение, я радовалась, что лорд Ланкастер не приказал успокоить горожан, или наоборот, устроить схватку между сторонниками и противниками инквизиции. Последних было полно: тут и там висели в воздухе синие и красные глаза. Кое-где возникали стычки, но инквизиторы почти мгновенно разнимали дерущихся.

Со второй панели вещала растрепанная и взбудораженная репортерша, на фоне нескончаемого людского потока, она казалась маленькой и хрупкой. Внезапно ее сменил пожилой мужчина с аккуратно уложенными седыми волосами и узкими, словно бы прищуренными глазами – уроженец Механических островов. Внизу появилась надпись:

Соломон Ниязи-Бедивер. Доктор политических наук. Прямой эфир от 21 июля 473 года.

За шумом перебранки расслышать что-то было почти невозможно. К счастью, рядом с лицом ученого скользил параллельный комментарий:

«Создание Конфедерации – итог длительного и болезненного процесса. После гибели Старого мира, после Великого голода и Войны за территории, после всего этого мы смогли построить мир, вернуть цивилизованность в нашу жизнь. И что мы видим теперь? Лазар Мереш со своей Инспекцией, которую иначе как инквизицией никто не зовет, пытается все это разрушить. Этот кошмар словно выдернули из Старого средневековья и обрушили на нас! Задумайтесь! Ведь это происходит в Омнисе – государстве, которое превыше всего ставит единство и равенство. Это наш девиз! Что дальше? Будут угнетаться те, кто иначе мыслит, одевается, живет? Задумайтесь!..»

Рассуждения доктора Ниязи-Бедивера прервались новым видом на площадь: прибыл президент Лександрии с советниками. Высокий, худощавый мужчина в окружении охранников поднялся по ступеням дворца и скрылся за дверьми. Почти сразу за ним подъехал кортеж царицы Ирины, гордой правительницы Аквилона. Последним явился император Механических островов – невысокий, черноволосый и черноглазый, он выглядел недовольным и даже немного испуганным. Вряд ли его ожидала приятная беседа, ведь именно Механические острова поставляли Мерешу оружие.

Лорд Ланкастер не обращал на меня внимания, Рагнар и Дан о чем-то спорили с остролицей ведьмой. Таня и Маверик препирались с худым чародеем. Рен по-прежнему смотрел в окно. Голову даю на отсечение, пойдешь в кабинете снег или разразится настоящая гроза, целитель даже бровью не повел бы.

В половине пятого на обеих панелях появилось взволнованное лицо диктора. Большими буквами зависла тревожная новость: Лазар Мереш не явился на заседание Совета Конфедерации.

«Заседание должно было начаться с отчета главы инспекции по противодействию колдовской угрозе, но Лазар Мереш не прибыл во дворец. Как сообщают наши источники, связаться с ним не удастся. Для разъяснений вызвана личный помощник Мереша Джина Гарсия-Крежич. Напоминаем, что, по последним сведениям, местонахождение сына Лазара Мереша неизвестно, некоторые полагают...» – бежали строчки.

Лорд Ланкастер как опытный воин успевал следить за всем вокруг и заметил новость едва ли не раньше меня. К тому времени я создала настолько плотный заслон, что эмоции чародеев меня не достигали, но он содрогнулся от мимолетной вспышки страха старого мага. Внешне это никак не проявилось, на лице лорда Ланкастера не дрогнула ни одна черточка. Но он испугался.

«Кто знает, чего ожидать от разгневанного инквизитора»

– Рен, – позвал лорд Ланкастер. – Сейчас.

Все мгновенно умолкли и обернулись к панелям. Взгляды впивались в сообщение, лица бледнели. Каждый вспомнил видение Евы: мученики и огонь.

– Неужели он решил... – начал Рагнар, но не договорил. – Это безумие, у него была возможность убедить их...

Только Дан не смотрел на экран. Вместо этого он обводил взглядом застывшие лица чародеев: не возьмут ли они назад обещание не трогать его отца.

– Идем, – мягко сказал Рен.

Снова коридоры, полные взволнованных голосов, лифты, которым нужно секунда, чтобы доставить тебя до самого верха Башни.

Из середины крыши поднималась пластеклянная пирамида. Каждую ее грань покрывали письма и знаки. С десятков магов создавали гигантский круг вокруг пирамиды. Они были настолько погружены в себя, что казались манекенами без намека на чувство.

– Не касайся линий, – бросил Рен.

Он подвел меня к кругу поменьше: в нем уместились три звезды и вязь заклинаний.

– Заходи.

Я ступила в круг, но ничего не произошло. Рен тяжело вдохнул и заговорил:

– Я буду подпитывать тебя и дам силы дотянуться до улицы Свободы. Там тебе придется действовать самой – мне нельзя покидать Башню ни в каком виде. Если что, я рядом.

– Но ведь вы уже сломали одну вышку, зачем еще и эту? – спросила я лишь бы отсрочить пугающую минуту.

– Заклинание переноса, – он взглянул на линии вокруг пирамиды, – чрезвычайно сложная магия. Ни к чему утяжелять ее крюком. Кроме того, мы не уверены, что ту вышку не восстановили.

После этого у Рена сделалось такое выражение, будто он наговорился на пару лет вперед. Маг встал прямо за спиной – слишком близко! – и поднес руки к моему лицу, но не прикасался.

– Что мне делать? – Голос дрожал и срывался.

«То же, что и обычно», – прозвучало прямо в голове. Невероятно! Сейчас его голос был намного живее и ярче, словно настоящий Рен существовал в потустороннем мире, глубоко-глубоко в себе, а тело использовали лишь для общения с людьми.

Я ощущала сдержанную мощь. Это было восхитительно и жутко – его Мир-Внутри казался бесконечным.

«Я готова»

Вместо привычного неторопливого обнажения сознание ринулось вперед необузданным потоком.

«Сюда»

Незримая рука подталкивала в нужном направлении. Я не видела того, что творилось вокруг, но чувствовала каждое живое существо. Дома и улицы были практически пусты, едва ли не все горожане толкались на дворцовой площади. Вспышки проносились мимо, сейчас человек не отличался от животного – всего лишь цветное пятно.

«Здесь»

Река закружилась в вихре.

«Смотри»

Перед глазами возник обезлюдевший перекресток улиц Свободы и Равенства. Несколько человек с опаской выглянули из переулка и бросились к инквизиторской вышке. Они холоделись страхом, горели азартом, металлические перекрестия Протектора вспыхивали от их ожиданий. Инквизиторов поблизости не было, так что диверсанты могли не бояться. Я с облегчением выдохнула. Восторг пузырьками шампанского поднимался и ударял в голову. Такая сила, такая легкость. Даже отсюда я чувствовала неистовство толпы. Оно зависло над домами бурлящим, вишнево-желто-оранжевым облаком, словно далекое пожарище. Хотя, не такое уж и далекое. Чародеи устанавливали взрывчатку у

основания вышки, а я невольно потянулась к самому большому скоплению эмоций, какое видела в жизни.

«Виктория», – раздался предупреждающий голос, но я не отозвалась.

Сознание понеслось вдоль улиц, перескакивало с одной крыши на другую, распахиало крылья от горизонта до горизонта. И вот – сама жизнь, тысячи душ, надежды и чаяния, страхи, ненависть, облегчение, любовь – все смешалось перед дворцом.

«Виктория!» – настойчивее позвал Рен.

«Гляди!»

Черное пятно, словно нефть на воде, стало растекаться в гуще людей. Горечь пронизывала до костей, от нее сводило язык и ныли зубы. Несколько десятков человек пробирались в сердце толпы, я видела безысходность и близость смерти.

«Не нужно...»

«Справлюсь»

Вот она возможность доказать, что мои силы годятся не только для убийств. Жесткие, колючие люди подошли к черте, за которой должно было случиться нечто кошмарное. Они приготовились убивать – будто достали ножи. Видеть, что происходит, я не могла, но чувства заменяли зрение.

«Святые небеса, там же дети!»

Пятно злобы было густым и скользким, оно просачивалось меж пальцев, не позволяло ухватить себя. Пришлось взять кое-что у толпы. Из отрезков предвкушения, радости и надежды я сшила нечто вроде гигантского мешка, которым и зачерпнула тьму. Люди застыли, стискивая «ножи», но не решались пустить их в ход. Я тем временем добавила в мешок единства и дружбы, отыскала среди зевак искренность и веру в чудо, приправила мягкостью и добротой, а после хорошенько сдобрила спокойствием. Затем перемешала все, и мешок в том числе. Получившийся ком искрился и пульсировал, словно заря в ладонях. Я расправила его, растянула над площадью и закутала каждого, до кого дотянулась. Люди стали успокаиваться, напряжение уходило из тел, «ножи» звякали и рассыпались. Ненависть, будто огонь без кислорода, задышалась и исчезала под полотнищем света.

«Похвально. Но у нас есть еще дела»

«Конечно»

Я прекрасно понимала – вражду не уничтожить полностью, но сейчас свершилось нечто такое, чем можно гордиться. Сознание хлынуло по улицам, обратно к вышке. Точнее

к тому, что от нее осталось. Затея удалась: ясно по радости и облегчению, плескавшихся в подрывниках.

– Мы сделали это, – сухо сказал Рен, отходя на пару шагов.

После случившегося я чувствовала себя будто в клетке: слишком тесно, слишком тяжело, слишком близко к самой себе.

– Ты прекрасна, – произнес Рен, я залилась краской. – И безудержна.

Руки целителя до локтя покрывали ожоги.

Глава 19. Дан выбирает путь

Утро моего предательства выдалось свежим и ясным, будто солнце хотело разглядеть все в мельчайших подробностях. После подъема еще долго вокруг мельтешили обрывки снов и ночных видений.

Ночью я то оказывался в комнате, стены в которой заменял обжигающий свет, то пытался выбраться из пут, а монотонный голос спрашивал: «Раскаиваешься, предатель? Раскаиваешься, предатель?», а затем просто – «Предатель!». Это «предатель» долго звенело в ушах, пока его не перекрыл треск механизмов. Из-под решетчатого пола вырвалось пламя, но не испепелило меня, а подбросило на небеса. Там, среди белоснежных облаков, из которых временами выныривала Эволет и предсказывала разные нелепости, сидели отец и Хранитель ключей. За их спинами застыл Лоркан, он держал на руках пятерых младенцев с каменными головами. Затем в сны вторглась Виктория, то принималась рыдать, то выращивала цветы с ядовитым жалом вместо пестика, а потом погладила меня по лицу и... После этого сны смялись, и остаток ночи я провел в блаженной тьме.

Пробуждение было резким, как пощечина. Время, казалось, толкало в спину, насильно приближало миг, когда пути назад уже не будет. Впрочем, его и не было – все решено. Вот я наскоро глотаю плотный завтрак, а вот – уже стою перед лордом Ланкастером. Чародей мрачен и серьезен. Он говорит, что сейчас появятся те, кто будет руководить операцией в отеле, творить магию переноса и поведет боевые отряды.

– Не все из них довольны.

– Моим присутствием?

– Да, – незамедлительно ответил лорд Ланкастер. Его честность и прямота порой обескураживали, но в то же время подкупали. – Они не думают, что тебе можно доверять. И еще твой отец...

– Вы обещали – его не тронут!

– И я сдержу обещание, – разозлился старый маг. – Я отдам предельно ясный приказ. Но ты должен понимать: жертвовать людьми понапрасну я не намерен. Если Лазар Мереш будет сопротивляться до последнего, и схватить его не удастся...

Невысказанные слова повисли в воздухе.

– Ясно, – выдохнул я. – Надеюсь, все пройдет... гладко. Когда его осудят, ваши люди успокоятся.

Лорд Ланкастер удивленно вскинул брови.

– Вряд ли. По нашим законам ему полагается смерть.

Как удар под дых. Мне и в голову не приходило, что у чародеев собственные законы. С другой стороны, почему бы и нет. Но смертная казнь – это дикость. Накануне, заключая сделку с лордом Ланкастером, я пытался скорее успокоить совесть, чем как-то помочь отцу. Важно было знать, что, предав, я не отвернулся от него полностью, сделал хоть что-то, сберег. Теперь все выглядело иначе: если отца не убьют в бою, его всего лишь отправят в тюрьму, а не казнят. Выходит, я и вправду спас его.

«Ага, а пожизненное заключение – такая мелочь»

Лорд Ланкастер пристально всматривался в мое лицо, словно пытался найти следы колебаний.

– Я сдержу слово. Но и отца не брошу.

– Я бы сильно разочаровался, услышав иное, – сказал лорд Ланкастер.

Старого чародея это вполне устроило. А вот остальных – нет. Через несколько минут в кабинет вошли Рагнар, Рен, Маверик, Таня и еще двое. Ведьма с тонкими чертами лица окинула всех колючим взглядом; за ней семенил невероятно худой маг, бледный и дерганый. Целитель занял место у окна и не обращал на собравшихся внимания. Таня кивнула в знак приветствия и слабо улыбнулась. Маверик больше слушал, чем говорил и почти не смотрел на меня. Зато Рагнар глаз не спускал – ждал, что я выкину какой-нибудь фокус. Однако их поведение было почти дружелюбным по сравнению с ненавистью в глазах ведьмы и тонкого колдуна. Ведьма с порога заявила, что не стоит доверять инквизиторскому отродью, и предложила заковать меня, Тонкий кивал и поддакивал. Но лорд Ланкастер быстро поставил точку в зарождавшемся споре. Так мне показалось. Недовольная парочка вроде бы умолкла, но стоило начать обсуждение, они стали перебивать меня и сомневаться в каждом слове.

– Сколько охранников в отеле? – спрашивала ведьма.

– Не знаю точно, – отвечал я. – От тридцати до сорока человек.

– Какая полезная информация, – шипела она и поджимала губы.

– Мы уверены, что поле не достигает этих холмов? – интересовался Тонкий и указывал на склоны, которые выросли прямо из стола лорда Ланкастера.

– Да, – едва сдерживаясь, откликнулся я.

– Какое расстояние от вышки до холмов?

– Не знаю...

– Тогда откуда такая уверенность?! Как мне рассчитывать Перенос, если мы не знаем точку выхода? – взвизгивал колдун. Лорд Ланкастер хмурился, но не одергивал подчиненных.

И все в таком же духе.

– Как только наши люди разрушат вышку на улице Свободы и убедятся, что поле не работает... – говорил лорд Ланкастер.

– Сколько ваших людей в городе? – перебил я.

– Достаточно, – туманно ответил лорд Ланкастер.

– Почему тогда вы не выступили раньше?

– Потому, что мы, в отличие от твоего отца, думаем о мире, в котором будем жить. Я много сил потратил, чтобы нас не считали маньяками и убийцами. Действовать пришлось исподтишка: убеждать людей, собирать митинги, вербовать сторонников за границей. Когда все кончится, инквизиция запомнится оружием и казнями, а мы – попытками вернуть все на места без жертв, по возможности.

Рагнар, как ни странно, резко возражал ведьме, которую звали Ида, и Тонкому, когда они принимались нападать на меня и изводили мелкими придирками. Ему приходилось напоминать, что все здесь собрались ради плененных магов, детей в том числе. На время Ида и Тонкий притихали, но злоба не могла затаиться надолго.

Обсудить требовалось великое множество деталей. Меня заставили подробно описать расположение комнат и залов, входов-выходов и лестниц. Это было непросто: я частенько бывал в отеле, когда его переоборудовали под лабораторию и после, но специально ничего не запоминал.

– Пора звать Викторию, – в какой-то миг подал голос Рен. Я почти забыл о его существовании. Чародей не вступал в разговор, глядя в окно.

Вскоре прибыла сонная и взбудораженная Виктория. Она застыла на пороге, а после устроилась напротив меня. Девушка вздрагивала и пригибала голову, словно над ней

носились птицы. Как я понял из замечания лорда Ланкастера, Викторию привели, чтобы она немного «размялась».

Присутствие последней не понравилось Иде, но она промолчала, накинувшись на меня с удвоенной силой.

В половине пятого появилось сообщение, что главный инквизитор не явился на заседание Совета.

«Что же ты делаешь, папа?» – забеспокоился я.

Лорд Ланкастер собирался начать действовать именно после того, как отец окажется во дворце.

– Рен, сейчас, – сказал он напряженным голосом. Целитель и Виктория вышли.

Затем глава Ордена быстро свернул спор.

– Действуем по плану, – отрезал он и грозно посмотрел на Иду и Тонкого. – Тридцать человек отправляются к отелю. Пятеро создают круг Виатори, чтобы отправить спасенных сюда. Остальные разделяются на группы и прочесывают восточное, западное и парадное крылья здания. После того как Дан отключит вышку. Это все.

– Нельзя отправить больше людей? – осторожно поинтересовался я у Рагнара, поскольку лорд Ланкастер заговорил с Идой.

– Массовый перенос и без того слишком опасен, – вздохнул он. – Я буду приглядывать за тобой, имей в виду.

Все застыли, уставившись на визионные панели. В какой-то миг по толпе на площади прошло странное волнение, но вскоре улеглось. А еще через пару минут в кабинете возник полупрозрачный Рен:

– Готово, – произнес он отозвавшимся эхом голосом.

– Удачи всем, – пожелал лорд Ланкастер.

Всемером покинули кабинет и отправились к лифтам. На кольцах галереи ждали десятки людей, они стояли в магических кругах и провожали нас взволнованными взглядами. Похоже, сейчас будет твориться грандиозное волшебство. На крыше еще пятнадцать чародеев сформировали внешний круг и человек двадцать пять – внутренний. Все были вооружены: из-за спин выглядывали рукоятки мечей, кинжалы висели на поясах. Некоторые держали в руках арбалеты. Я не понимал, почему бы не воспользоваться нормальным оружием, но решил не заморачиваться: они не совсем люди, чего еще от них ждать.

Вид открывался головокружительный. Я дышал полной грудью и очень надеялся, что никто не заметит тревоги. Не хватало прохладного ветерка – остудить разгоряченное лицо, но воздух застыл, ни единого дуновения не было.

– Я пойду с вами, – выступила вперед Виктория.

– Нет, – отмахнулся лорд Ланкастер.

– Это нечестно! – по-детски вскрикнула девушка. – Я могу помочь, и там моя сестра.

– Ты этого не знаешь, – оборвал Рагнар.

– Скорее всего, это так, – вмешался я. – Там все, что отец не хотел выставять напоказ.

Тонкий обходил круги и проверял готовность заклинания, Ида, прищурившись, наблюдала за перепалкой. Лорд Ланкастер разозлился:

– Я сказал – нет!

Виктория принялась сбивчиво объяснять, как остановила резню перед дворцом. Целитель поддержал ее:

– Это правда.

– Неважно, – сказал лорд Ланкастер. – Рена не будет рядом, чтобы сдерживать тебя.

В прошлый раз ты свела с ума нескольких инквизиторов!

– Будто кто-то из вас по-настоящему их жалеет! – вспыхнула Виктория.

Тут неожиданно вмешалась Ида. Потирая острый подбородок, она сказала:

– Я бы взяла ее.

– Спасибо, – выдохнула Виктория.

– О, не обольщайся, – хмыкнула ведьма. – Просто мы сможем себя защитить, а вот инквизиторов мне в самом деле не жаль.

– Доминик.

Рен сказал лишь слово, но лорд Ланкастер уступил.

– Опашь, – обратился старый чародей к Тонкому. – Добавь в формулу еще одного человека.

Опашу это не понравилось, о чем он не преминул громко заявить. Тем не менее, бубня и жалуясь, колдун еще раз обошел круги, проверил символы и линии, что-то поправил и дал поручение своим людям.

– Нам придется держаться за руки, – сказал Рагнар Виктории. На поясе у мага висели два тонких меча. – Крепко.

Девушка побледнела и, казалось, едва не передумала лететь, но отважно кивнула в ответ.

– Как насчет оружия? – спросил я, ни на что особенно не надеясь.

Рагнар смерил меня взглядом и протянул кривой нож.

– И что я буду с ним делать? У вас нет ружья или...

– Если что, держись за ней, – усмехнулся Рагнар и бросил взгляд на Викторию.

Нас заставили встать кольцом вокруг пирамиды и взяться за руки. Полтора десятка магов замкнули внешний круг и приготовились читать заклинание. Сквозь пластеклянную крышу я видел, как на нескольких верхних этажах чародеи образовывали похожие круги – видимо, заклинание требовало серьезной мощи.

Когда к Виктории потянулись те, кто стоял рядом, произошла заминка: девушка явно не собиралась ни к кому прикасаться. Она ссутулилась и прижала руки к груди. Рагнар коротко выругался, встал за спиной Виктории и взял ее за плечи. Девушка вскрикнула, но Рагнар не обратил внимания. Стоящие рядом маги с облегчением ухватили его под локти.

– Держаться крепко, – напутствовал Рагнар. – Не отпускать ни в коем случае.

Казалось, вся моя жизнь стремилась к этой минуте, чтобы преобразиться. Выбранный путь был чист и ясен: мы спасем пленников, схватим отца (сердце екнуло при этой мысли), а после... Было стыдно и страшно думать об этом, но я уже решил уехать из Первограда, как только все кончится, и поступить в Архитектурную академию. Временами навещать отца. В ушах звенело «Предатель!», вырвавшееся из ночных кошмаров. Но хватит! Я едва не выбрал будущее, которое сломало бы не одну жизнь, мою в том числе. Хочу, чтобы все было так, словно никакой инспекции не существовало. Там, в пещере, Виктория увидела в словах Эволет угрозу и оскорбление, а вот мне они подарили надежду.

«Твое место не здесь», – сказала провидица.

Естественно, мы с инспекцией не подходили друг другу. У меня должна быть совершенно иная жизнь. Как ни прискорбно, родной отец украл ее и заменил своей.

Маги внешнего круга тем временем читали заклинание, к ним присоединились те, кому предстояло отправиться в отель. Воздух жужжал от бормотания, сгущался от чар. На верхушке пластеклянной пирамиды появился синий знак и поплыл в сторону. Затем еще один, еще, пока цепочка символов не создала идеальную окружность, вращающуюся над нашими головами. На этом ритуал не кончился: возникали все новые символы и цепочки,

пока через какое-то время мы не очутились внутри сияющего лазурного кокона – будто кусочек неба прикрыл нас.

Я крепче сжал руки магов, они ответили тем же – сейчас было не до взаимной неприязни. Виктория застыла с расширенными глазами, плечи ее будто свело судорогой, но Рагнар не отпускал. Воздух наполнился дребезгом и грохотом, что-то трещало и рвалось, крыша под ногами ходила ходуном. Руки магов стали мягкими и податливыми, как глина, так и норовили выскользнуть. Пришлось уцепиться еще крепче, что было нелегко: собственное тело напоминало желе.

От шума и напряжения сводило зубы, раскалывалась голова. Еще чуть-чуть, и я бы не выдержал. Тут магический купол лопнул с оглушительным треском разорванной материи, во все стороны полетели синие обрывки и чародеи. Меня швырнуло на землю, лицо уткнулось в зеленую траву.

«Получилось»

Земля, небо и голова вертелись в разные стороны, так что взгляд никак не мог сфокусироваться. Я шатался и несколько раз падал, пока, наконец, кружение не прекратилось. Заклинание сработало, тридцать человек перенеслись через полгорода и очутились в низине между холмами. Чародеи бодро встряхнулись, проверили снаряжение и приготовились взбираться по склону. Я же не был уверен, что не улечу в небеса, если оторву ногу от земли.

– Неплохо, – похвалил Рагнар.

– Кошмар, – простонала Виктория и, как только маг снял руки с ее плеч, рухнула на колени. – Чтобы я еще раз...

– Как минимум разок-то придется, – улыбнулась Таня. Она поднялась на цыпочки и высматривала кого-то. – Нам еще возвращаться.

Виктория лишь поморщилась в ответ: она, похоже, не разделяла светлых надежд ведьмы. Или ее просто тошнило после перемещения.

Когда все были готовы, мы еще раз пробежались по плану, а затем отправились к вершине ближайшего холма. Пять человек остались в низине – им предстояло создать магический круг и партиями отправлять спасенных в Башню. К сожалению, перенести всех разом не получилось бы.

– Двигаемся быстро, не высовываемся, – обратился Рагнар ко мне и Виктории. – Дойдем до верха – не выскакивайте, сначала мы...

– Да хватит уже, – зло перебила его Виктория, – не маленькие, сами знаем.

Ее всерьез оскорбило пренебрежение к личному пространству. Девушка потирала плечи, словно пыталась избавиться от ощущения тяжелых рук на них.

Я шел за Мавериком и чувствовал себя голым. Впереди неизвестность, а из оружия – кривой нож на поясе. С такими я дела не имел и сомневался, что его метнуть так же легко как обычный. Да и что потом? Остаться с пустыми руками? С другой стороны, я не был уверен и в том, что смогу воткнуть в кого-нибудь клинок.

Почти на вершине Рагнар приказал опуститься на колени и дальше ползти. Осторожно, чтобы не привлечь внимания, мы высунули головы и осмотрелись. Ландшафт здесь выровняли – холмы срезали, а получившуюся равнину засеяли газоном, декоративными кустами и деревьями. Теперь, когда отель использовался как тюрьма для чародеев, садом никто не занимался, и он стал диким, неухоженным. В сотне метров впереди высилось шестиэтажное здание отеля из потемневшего мрамора: прямоугольная центральная часть и два крыла, они дугами обхватывали лужайку, замусоренный фонтан и сторожку, над которой расположилась вышка Протектора. Архитектор явно стремился воспроизвести старовикторианский стиль, но переборщил с деталями: из-за обилия фронтонов, барельефов и декоративных балкончиков, здание получилось грузным и нелепым. На крыше торчали с десятков каминных труб, которые за свою жизнь вряд ли выпустили хоть один клуб дыма, а главный вход уродовала убогая пародия на портал.

Все это окружал забор под напряжением.

– По эту сторону ограждения магия еще будет работать, – прошептал я, пока Рагнар и Маверик внимательно оглядывали пустынные лужайки. Солнце уже клонилось к горизонту, потому газон, а также первый и второй этажи тонули в тенях, зато пластикла верхних ловили последние алые лучи.

– Странно, что нет охраны, – беспокоился Маверик.

– Может, почти всех отозвали в город? – предположил я.

– Возможно, – протянул Рагнар. – Но кто-то точно остался.

– Я могла бы попробовать... – начала Виктория, но Рагнар ее перебил.

– Нет уж, хватит твоих «я могла бы попробовать».

Виктория по-настоящему обиделась.

– Зачем тогда вы вообще меня взяли, а? – рассержено зашипела она. – Тут нет ничего сложного, мне просто надо их почувствовать и все.

Рагнар решил, что дальше препираться, смысла нет, потому позволил Виктории попытаться, но приказал быть осторожной. Девушка презрительно посмотрела на него и

прикрыла глаза. А когда открыла, они светились жутковатым малиновым светом. Ей понадобилось несколько минут, чтобы обследовать территорию отеля, или что она там делала. Лежа на земле, молчаливый, почти безоружный, я чувствовал себя до странности бесполезным и глупым. Сейчас творились вещи выше моего понимания.

– Там много людей, – наконец выдохнула Виктория. – Они... боятся...

– И так ясно! Ты бы не испугалась? К тому же, там еще и дети, – раздраженно ответил Рагнар. Он то смотрел на девушку с восторгом, то начинал злиться.

– Да, дети, – протянула Виктория. – А инквизиторов будто и нет совсем. Там, – она махнула рукой в сторону фонтана, – целое море под землей.

– Подвалы, возможно, – задумчиво произнес Рагнар и посмотрел на меня.

– Скорее, винные погреба. Но лаборатории на первом этаже – в спортивном зале, а спальни в восточном и западном крыльях. Что им делать под землей?

– Есть еще что-то, – снова подала голос Виктория.

– Что?

– Не знаю, что-то странное. – Она прищурилась, силясь найти подходящие слова. – Не могу объяснить, но мне это не нравится.

Рагнар раздраженно вздохнул и кивнул Мавериду. Тот повозился и вытащил из заплечной сумки россыпь черных шариков размером с перепелиное яйцо и небольшой планшет.

– Что? – спросил он, заметив мой удивленный взгляд. – Совсем за дикарей нас принимаешь? Мы берем лучшее от техники и магии.

Через мгновение шарики задрожали, по ним пробежали трещины – и вот перед нами предстал маленький отряд искусственных жучков с объективами вместо глаз.

– Зачем вам камеры? – удивилась Виктория.

– Я не собираюсь полагаться только лишь на твои слова, – бросил Рагнар и уставился в экран. Виктория насупилась. – И мы тоже умеем снимать видео.

Жучки несколько раз облетели отель, попытались заглянуть в окна, но все они оказались занавешены и затемнены. На улице не обнаружилось ни одного инквизитора, что совсем не понравилось Рагнару.

– Странно это, – проворчал он. – Но ждать больше нельзя. Вышка работает?

– Да, – ответил я.

На верхушке антенны несколько раз в минуту загорался красный огонек.

– Точно сможешь ее отключить? Так, чтобы никто не заметил? Не хотелось бы объявлять о своем появлении взрывом.

– Да, смогу. Я ведь за этим здесь.

Рагнар с минуту внимательно всматривался в мое лицо, совсем как лорд Ланкастер, затем кивнул Маверiku:

– Отправляйтесь. Закончите – дайте знак.

Затем он разделил остальных на три группы: одна должна была вывести пленников из восточного крыла, вторая – из западного, а третья проверить парадное. Насколько я знал, там располагались номера-люкс, которые занимали инквизиторы и ученые.

– Ну, вперед, – скомандовал Маверик. Ида проводила меня недобрый взглядом.

Пригибаясь к земле, мы выскочили на вершину и заскользили по склону. Пока все шло неплохо, по крайней мере, к ограждению удалось подобраться незамеченными.

– Что дальше? – поинтересовался я, присев на корточки и пониже опустив голову.

– Ты мне кажешься приличным парнем, – с долей неловкости сказал Маверик, – но должен предупредить – без фокусов.

Это признание удивило намного больше открытой неприязни некоторых чародеев.

– Не забудь сгруппироваться, – посоветовал Маверик и взмахнул рукой.

Меня словно подхватило порывом ветра и швырнуло через ограждение. Стоило оказаться по ту сторону, как магия иссякла, а земля стала быстро приближаться. Следуя совету, я сгруппировался, но посадка все равно вышла жесткой.

– Вперед, – поторопил Маверик, оглядываясь по сторонам.

На полусогнутых я бросился к сторожке, нырнул внутрь и застыл на месте. Большую часть помещения занимал гудящий генератор; по правую руку расположилась панель управления. А прямо за ней, в углу, сжался в комок инспектор – совсем молодой парень, бледный и перепуганный. Брюнд! Неужели Виктория его не заметила?! Парень сжимал ружье и направлял мне в лицо. Ствол ходил ходуном.

– Нет-нет-нет! – заверещал инспектор. – Не надо, пожалуйста, не надо! Я не хочу!

Он трясся, из глаз лились слезы, из носа капало – словом, выглядел он жалко.

– Успокойся, – как можно миролюбивей произнес я и поднял руки – пусть видит, что оружия в них нет. – Я Дан. Знаешь меня? Дан Мереш. Сын...

Не стоило этого говорить. Парень только шире распахнул глаза, а тут еще Маверик с мечом наперевес возник в дверях.

– Не подходи! Неподходи!неподходи!неподходи! – вопил инспектор без остановки, трясущимися руками сжимая ружье и неловко выбираясь из угла.

– Не надо этого...

Но было поздно: парень выстрелил. Я едва успел броситься на пол, как разряд с шипением пронесся над головой. Маверик выставил перед собой меч. Голубая сфера отразилась от него и угодила прямо в генератор, где рассыпалась искрами. В следующий миг генератор заглох, опустилась давящая тишина, а я воспользовался общим замешательством, ринулся на парня, повалил его и как следует приложил головой об стену. Все произошло за несколько секунд и почти в полной темноте: только из дверного проема сочился неяркий свет затухающего дня.

– Неплохо сработано, – удивленно заметил Маверик.

– Не думаю.

Генератор смолк, но сторожку начал заполнять другой звук: потрескивание и шипение.

– Брюнд! – рыкнул я. – Закоротило.

По воздуху поплыл запах гари, а мгновение спустя в полумгле вспыхнул первый язычок пламени и, словно дразня, заплясал свой танец, который становился все более диким. За каких-то полминуты, что мы с Мавериком соображали, что делать, разгорелся огонь. Разгорелся неестественно быстро и практически без видимых причин: вряд ли заряд ружья мог бы повредить механизм до такой степени.

– Теперь, думаю, можно и... – начал я, но тут же осекся. – Ты видел?

Судя по ошеломленному лицу Маверика – видел. За темноту попыталась ухватиться рука, сотканная из язычков пламени, а вслед за ней высунулась морда с дымом вместо волос и огненными глазами.

– Хватай этого и бежим!

Вдвоем мы подняли бесчувственного парня и потащили к выходу, а шипение за нашими спинами становилось все более громким и зловещим. Едва выскочили на улицу, как раздался протяжный не то стон, не то вой. Крышу сторожки проломила уродливая голова. Огненный монстр встал на ноги и оказался раза в четыре выше взрослого мужчины. Существо разинуло пасть и издало полный искр, треска и шелеста звук, который при большой фантазии можно было принять за смех. Чудище протянуло рыже-красные дымящиеся лапы, ухватило за вышку и, вырвав ее, швырнуло в парадное крыло. Металлическая конструкция со скрежетом проломила дыру в стене.

– Чтoб тебя! – прохрипел Маверик, оттаскивая инспектора подальше.

Пламя целиком поглотило сторожку, ревело и вихрилось вокруг ног демона, подпитывая его. Он рос с каждой секундой, и к тому моменту как Рагнар и остальные подоспели на выручку, чудище могло без труда заглянуть в окна третьего этажа. Этому, казалось, не будет конца, но Рагнар и еще человек пять-шесть одновременно начертали знак и выкрикнули заклинание. Демона опутала льдисто-голубая сеть. Огненные когти пытались разорвать ее, но чародеи пока держались. Однако долго так продолжаться не могло: пламя разгоралось все сильнее, отбрасывая искры и изогнутые тени на лужайку, стены отеля, напряженные лица магов.

– Резервуар! – завопил я, наконец, опомнившись. Чего угодно можно было ожидать от этой вылазки, но только не еще одного чудовища. Жар усиливался, становилось трудно дышать. – Под фонтаном!

Сеть лопнула в нескольких местах, в сторону чародеев потянулись огненные щупальца, но мои слова не пропали впустую. В следующий миг волна грязноватой воды, осыпав все вокруг комьями земли, вырвалась из-под газона. Повинуясь магической силе, она завернула огонь в прозрачное одеяло. Демон жалобно заскулил и на глазах стал уменьшаться. В отчаянии он скреб сеть, но только сильнее запутывался. Прошло достаточно времени, но наконец пламя исчезло, а демон превратился в маленький темный огонек, застрявший в волшебном клубке. Рагнар сказал одно лишь слово, от которого воздух затрещал, и демон сгинул. Клубы дыма мешались с тенями, чародеи опускали руки и поздравляли друг друга с первым успехом. Я только сейчас понял, что все это время стоял, согнувшись и прикрыв голову руками. Сердце колотилось в груди, по коже, несмотря на жар, бежали мурашки. В паре метров позади, целый и невредимый, валялся молодой инспектор. Его слегка присыпало землей и осколками кирпича.

– Бодрит. Признаться, мне этого не хватало, – повел плечами Рагнар. – Жаль только, по-тихому не получилось.

Впрочем, его это не сильно расстроило. Да и остальных тоже. После разрушения вышки, маги почувствовали себя намного уверенней.

В то время как Рагнар сражался с демоном, Таня и еще пара человек проскользнули мимо и потушили пожар, начавшийся в холле парадного крыла.

– Пора вытаскивать наших, – заметил Маверик. – Такое инквизиторы пропустить не могли.

– Они уже идут, – предупредила Виктория. Она держалась подальше, но сейчас предпочла спрятаться за спинами чародеев, а не оставаться на открытом месте.

Из-за угла показались человек десять инспекторов. Они были безоружны и двигались странно: задевали ногами землю, болтали головами, словно пьяные. Руки плетями повисли вдоль тела, а глаза у некоторых были закрыты.

– С ними что-то не так, – прошептала Виктория. В спину ударило холодом. Ужас девушки расплзался вокруг, темная трава с хрустом покрывалась инеем. – С ними что-то не так!

Чародеи приготовились: вскинули мечи и кинжалы, прицелились из арбалетов, встали так, чтобы прикрыть нас с Викторией. Маверик зажег над головами волшебные шары: их свет погнал тени прочь.

– Таня! – позвал Рагнар.

Чародейка выступила вперед, произнесла заклинание, и с ее ладони сорвалось серебристое облако, оно скользило к инспекторам, не обращая внимания на ветерок. Вскоре темные фигуры подернулись дымкой и... ничего не произошло.

– Не понимаю, – удивилась Таня.

– Они мертвые, – сказала Виктория. Рагнар заговорил одновременно с ней:

– Демоны. Похоже, твоя сестра все же здесь.

Виктория побледнела и сжалась, точно ожидала обвинений и упреков.

– От этих девчонок сплошные проблемы, – пожаловалась Ида и слегка согнула колени, изготавившись к схватке.

Разоблаченные монстры сгустились из мрака. Мертвые инспекторы висели на их когтистых лапах, словно куклы, оставленные на крюках до следующего представления. За спиной некоторых чудищ вздымались крылья, у других лапы оканчивались загнутыми когтями с мою ладонь длиной, третьи скалили бесчисленные ряды зубов. Черные глаза поблескивали первобытным голодом.

Несколько мгновений чародеи и демоны смотрели друг на друга, затем монстры швырнули в нашу сторону тела инспекторов, а сами растаяли в тенях. Несколько магов выкрикнули заклинание и создали волшебную стену: трупы грудой свалились возле фонтана.

– Сверху! – предупредил Рагнар.

Новое заклинание создало полупрозрачный купол над нашими головами. На него тут же кинулись темные, размытые фигуры. Они насакивали на преграду и вновь растворялись в темноте, раз за разом, раз за разом.

– Сделайте уже что-нибудь! – закричала Виктория. Она пригнулась к самой земле, а потому первая заметила их.

Развороченный газон взорвался брызгами грязи. Наружу потянули пальцы, похожие на толстых бледных червей. Виктория завопила, и покрыла землю коркой льда. Только поэтому многие успели отшатнуться в стороны. Впрочем, надолго это демонов не задержало: они проворно выбирались наружу. Некоторым отсекали голову или пронзили болтом грудь. Но чудищ было слишком много.

– Разбиваемся на группы! – приказал Рагнар. – Отступаем внутрь! Действуйте по плану!

Купол с треском лопнул и отшвырнул крылатых тварей, чародеи перегруппировались и начали отходить к западному, восточному и парадному крыльям.

– Оттащи его внутрь, – сказал Маверик и кивнул в сторону единственного выжившего инспектора. Парень так и валялся без сознания, по виску стекала кровь.

Отбиваясь от монстров, Таня уводила свою группу к парадному входу, Ида двигалась к западному крылу, Виктория прикрывала ведьму, замораживая врагам глаза. Я подхватил инспектора и под охраной Маверика потащил парня к боковым дверям.

– Ах!

Двое уродцев с лапами-саблями кинулись на Маверика. От одного чародей отбился, а второй успел располосовать ему ногу. Фиолетовая вспышка отбросила монстра к стене.

Кто-то налетел на меня и повалил на землю. В неразберихе шума, мелькании тел и криков, проносящихся мимо заклинаний и арбалетных болтов сложно было что-то разобрать. На противоположной стороне лужайки Виктория ало светила глазами и словно взрывала демонов изнутри: они начинали дрожать, а затем изо рта, глаз и ушей, если таковые имелись, вырывалось вишневое пламя. Ида сражалась неподалеку. Монстры накидывались на нее, а вот к Виктории приближаться опасались.

Внезапно тело инспектора поползло в сторону. Один из демонов с пальцами-червями обхватил парня за голову. Бледные отростки скользили по лицу, словно что-то искали. Пока демон не обращал внимания ни на что, кроме своей добычи, я вытянул из-за пояса кривой нож и кинулся на монстра. Лезвие сверкнуло в свете магических шаров. Густая, почти черная кровь хлынула на лицо инспектора, демон завизжал и отпустил парня.

Я собирался вытащить клинок и еще раз ударить тварь, но лезвие глубоко засело в шее. Чудовище хрюкало, рычало и булькало, размахивало руками, стегая воздух червеобразными пальцами, пока его не поразила серебряная молния.

– Живее внутрь! – пропыхтел Маверик. Он припадал на левую ногу, пот блестел на лице.

Я подхватил парня под мышки и потащил к отелю, надеясь, что больше ни одна тварь не захочет на нас броситься – оружия-то у меня теперь не было. Чародеи отступали, а вот Рагнар и еще трое сражалась посреди искореженного газона.

– Внутрь, внутрь! – закричала ведьма с короткими волосами. Она отбилась от демона, а после взмахнула рукой: двери восточного крыла распахнулись, инспектор вырвался у меня из рук и сам по себе скользнул в холл. Я ворвался следом и, чтобы как-то обезопасить парня, затащил его за стойку администратора. Маги один за другим протискивались внутрь. Те, кто остался цел в схватке, помогали раненым товарищам. Виктория скрылась в западном крыле, Ида выпустила изумрудный шар в одного из крылатых демонов и тоже нырнула внутрь.

Маверик ввалился последним и захлопнул дверь.

– Но как же Рагнар! – вскричал я.

– Справится, – простонал чародей и щелкнул пальцами: оконные пласте́кла тут же растаяли. Звон мечей, шипение молний и рычание демонов ворвались в холл.

– Зачем?..

– Пригнись-ка лучше да уши заткни, – посоветовал Маверик и примостился за стойкой рядом с бесчувственным инспектором. Рана на ноге чародея оказалась длинной и глубокой.

Маги устраивались подальше от окон: кто-то прямо на синем бархатном ковре лестницы, кто-то забрался повыше, на площадку второго этажа, ведьма с короткими волосами присоединилась к нам с Мавериком.

– Что там творится? – не удержался я и выглянул из укрытия.

Трое чародеев создали вокруг Рагнара сверкающую серебряную сферу. Сам Рагнар убрал мечи в ножны и склонил голову, будто молился. Мне кажется, или его кожа светится?

– Брюнд тебя подери! – рывкнул Маверик. – Любопытство стоит глаз, а? Зажмурься, заткни уши и не высовывайся!

Снаружи нарастал гул. Вот я сжался за стойкой, а вот следующее мгновение – волна света хлынула сквозь стены, тела, для нее не было границ и преград. Гул достиг таких высот, что ощущался всем телом. По венам бежал звездный свет, кожа обернулась шелком ночи, сердце колотилось с небывалой легкостью. Свет был везде, он проник в самую душу и выгнал оттуда тьму страхов и сомнений. Длилось это пару секунд, не больше, а после привычная тяжесть забилась в груди, тело уплотнилось и стало обычным куском мяса и костей.

Часто моргая, я выглянул в окно. Магические шары пропали, но лужайку заливал слабый серебристый свет, полосами зависший в воздухе. Рагнар стоял на коленях, голос его дрожал:

– Времени мало. Выводите людей.

Трое чародеев помогли ему подняться и поволокли к западному крылу.

– Пошли, – сказал Маврик. Он перевязал ногу куском шторы и теперь поднимался, опираясь на стойку.

– Что Рагнар сделал?

– «Заклинание звезды» – сложная штука.

– Он убил их всех?

– Ну, не всех. Тех, что посильнее, только отогнал на время.

Маверик вытер меч, и некогда роскошная гардина превратилась в грязную тряпку. Чародей тяжело наступал на раненую ногу и постоянно морщился.

– Ты не можешь ее вылечить? – спросил я.

– Нет, – усмехнулся Маверик. – Я не целитель. Тут нужна особая магия.

Группами по два-три человека мы обследовали каждое помещение. На первых трех этажах располагались конференц-зал, библиотека и ресторан – все они оказались пусты. Маги и ведьмы напряженно прислушивались и переговаривались: им не нравилось, что здесь слишком тихо и безлюдно. Бездемонно – и на том спасибо.

Спальни были на верхних этажах. Стоило распахнуть первую дверь, как обнаружили пленники. Просторная комната явно не была рассчитана на такое количество постояльцев. Дешевые узкие кровати стояли впритык друг к другу, люди неподвижно лежали на спинах. Здесь были и взрослые, и дети, и старики. Никто не шевелился, не ворочался с боку на бок, даже дыхание едва поднимало грудь.

– Странно, – прошептал я, – раньше детей, мужчин и женщин держали в разных комнатах.

– Здесь вообще все странно, – откликнулся Маверик и попытался растормошить ближайшего мальчишку – тщетно. Я потряс за плечо несколько человек, но никто не отозвался; даже приподнял веко одному мужчине – ничего. Приезжая, я видел бледных, осунувшихся, испуганных людей. Но все они были живы, относительно здоровы и бодры. А теперь...

– Похоже, их накачали снотворным, – решил я.

– Нет. – Маверик хмурился и тяжело дышал. – Это зачарованный сон.

Он притронулся пальцем ко лбу мальчика. Изумрудный знак вспыхнул на коже, но почти сразу сгинул, как умерший светлячок.

– Везде так, – сказала с порога ведьма с короткими волосами. – Все спят. Что будем делать?

Маверик сказал что.

Через несколько минут я стал свидетелем самой удивительной и пугающей процессии, какую можно вообразить: десятки людей, повинувшись напевам заклинаний, парили в метре над полом и скользили вниз по лестнице, через холл наружу, а оттуда летели за вершину холма, где их должны были переправить в Орден. Вскоре темноту за вершиной разорвали гром и синяя вспышка. Они появлялись через равные промежутки времени, а людской поток все не кончался.

Равнина, на которой располагался отель, давно утонула в ночной тьме, но лужайки заливал волшебный свет: яркие шары парили в воздухе, как спустившиеся звезды.

– Это еще что? – изумился я, когда жучок завис над лицом маленькой девочки, секунду назад выплывшей из дверей.

– Один фильм начал инквизицию, – ответил Маверик. Он прислонился к стене и плавно водил руками, поддерживая заклинание. – Другой ее закончит.

– Но как?

– Видео транслируется на экран дворцовой площади. Тысячи людей сейчас видели, как демоны напали на нас и как мы спасаем своих людей.

Жучки перелетали от тела к телу, на несколько мгновений зависали над лицами, потом уносились вверх, чтобы передать общую картину.

– Думаете, это поможет? – засомневался я.

– Конечно. – Маверик удивленно приподнял брови. – Мы могли бы собрать силы, взорвать вышки в городе, сразиться с инквизиторами в открытую. Но что потом? Нас бы боялись и ненавидели, мы бы стали теми, кем Лазар Мереш пугал людей. Нет, сейчас войны

выигрываются в головах, а не на мечах. Все решает вера, общественное мнение, если хочешь. К демонам, естественно, это не относится.

К потоку людей из восточного крыла присоединились спящие из парадного. Тела трех погибших чародеев проплыли мимо нас, исчезли за холмом. В общей массе их было не отличить, но я-то знал: не все перенесенные в Башню откроют глаза.

В парадных дверях показалась Таня, за ней бежали несколько человек.

– Идите туда, – ведьма взмахнула руками, и в траве зажглись синие огоньки, отмечавшие путь. Несколько взрослых взяли за руки детей и бросились прочь. – Успели спрятаться, – устало сказала Таня. Она была бледна и постоянно оглядывалась. – Больше там никого. Они говорят... гхм... многие не возвращались в спальни. А в подвале... хм-хм... печи.

Маверик выругался, а я бросил взгляд на крыши. Перед мысленным взором встала картинка: клубы черного, маслянистого, зловонного дыма вырываются из труб и смешиваются с облаками. В желудок будто камней напихали, ужас кислотой прожигал внутренности.

«Неужели отец...»

«Теперь его точно убьют»

За яркими огнями на крыше привиделось какое-то движение.

– Что это? – воскликнул я и указал наверх.

Таня мановением руки разогнала светящиеся шары, теперь только луна заливала все вокруг белесым сиянием. По крыше скакала угловатая фигура с крыльями, вокруг нее металась искры.

– Демоны начинают возвращаться, – процедил сквозь зубы Маверик.

– Сколько еще? – заволновалась Таня. В этот миг последняя женщина скользнула из дверей и устремилась вверх по склону. – Отлично.

– Почему Рагнар... – начал я, но тут раздался взрыв.

Земля ушла из-под ног, я повалился на Маверика, Таня что-то кричала. Огненная волна покатилась по крыше, сорвалась с краев и взвилась вверх, подобно красно-оранжевым крыльям. Пламя кружилось и ревело, из него медленно вылеплялась гигантская фигура.

– Я думал, его прикончили!

– Внутрь, живо! – закричала Таня и подхватила Маверика.

Несколько магов отправились с пленниками, чтобы защищать их и чародеев, творивших заклинание переноса, остальные ринулись к западному крылу.

– Почему он жив? – запыхавшись, спросил я.

– Это демон стихий, – простонал Маверик. Повязка на ноге промокла насквозь. – Его можно выбить из тела, но еще нужны чары изгнания, а у нас не было на это времени. Такой демон обретает физическое воплощение, соприкасаясь со своей стихией.

– То есть, – переводя дыхание, сказал я, – ему хватит искры, чтобы...

– Да-да, – отмахнулся Маверик.

– Где остальные? – Таня смотрела из окна, как огненная тварь создавала себе тело.

В холле западного крыла спрятались я, Маверик, Таня, ведьма с короткими волосами и кряжистый маг, лысый, зато с густейшей бородой.

– Мои отправились следить за переправкой, – отчитался Маверик.

– Мои обыскивают подвалы, – сказала Таня.

– Где же тогда Рагнар?

Коротковолосая ведьма огляделась, словно ожидала, будто Рагнар выскочит из-за угла и крикнет: «Сюрприз»

Рев сотряс стены, осколки пластика зазвенели на плиточном полу.

– Так, ладно. – Таня размяла плечи и вынула клинки из ножен. – Мы разберемся с тварью на крыше, а вы, – она указала на меня и Маверика, – отыщите Рагнара.

– Глупости, – запротестовал Маверик, – вы не справитесь!

– Спорим? – озорно улыбнулась коротковолосая ведьма, чтобы скрыть тревогу. – К тому же Себ и Эдна скоро вернутся.

– Но...

– Замолчи, – приказала Таня. – От тебя сейчас толку никакого, а у Дана и оружия-то нет. Молчи! Если не остановить демона, он спалит весь отель! Все, пошли!

Не дав Маверiku сказать и слова, Таня увела людей на улицу. Багряное сияние заливало лужайку, тени, словно мазки темной краски, скользили по стенам. Искры сыпались с неба.

– Брюнды и демоны! – выругался Маверик. Он отчаянно сжимал меч и едва ли не подпрыгивал на здоровой ноге, но понимал, что помочь своим людям не в силах. – Нужно найти Рагнара. Куда он только подевался?

До меня туго доходило. Боевая горячка схлынула, мысли пытались выбраться из глубин сознания подобно мухам, попавшим в застывающий янтарь. Перед глазами мелькали

вспышки и уродливые морды демонов, в ушах звенели крики, рычание и звук, с которым сталь рассекала плоть. Я понял, что не все выжили в первой схватке, а потом представил, что было бы, окажись демон с червеобразными пальцами сильнее и проворней, не будь у меня ножа, не заметь кто-то из магов...

– Хватит! – крикнул я.

– А?

– Э-э, я говорю, нужно тебе нужно сменить повязку. Тут рядом спортивный зал, там должна быть аптечка. Слушай, у тебя нет какого-нибудь оружия? Не хотелось бы бродить здесь с пустыми руками.

Маверик скривился: от сожаления или от боли?

– Прости. Я бы одолжил меч, да он тебе руки расплавит.

– Отлично. Ладно, справлюсь.

Чародей, застонав, сполз на пол и облокотился на стойку администратора, такую, как та, за которой я спрятал парня-инспектора. Я бросил последний взгляд за окно: чародеи уворачивались от огненных хлыстов, плели заклинания, посылали в демона сгустки энергии – будто кусочки зимнего дня неслись ввысь. На мгновение в воздухе повисали снежинки, но тут же превращались в пар.

«Викторию бы сюда – вот уж кто умеет замораживать все вокруг»

Электричество отключилось, но через разбитые окна проникало достаточно света. Кроваво-красного, жутковатого света, от которого по стенам разбежались тени, а моя собственная заставляла сердце замирать на мгновение, а потом нестись галопом. Я крался и прислушивался, не раздастся ли шипение, рычание или цоканье когтей, но за ревом огня и криками чародеев, уловить хоть что-то было почти невозможно. Здание отеля ходило ходуном, стены скрипели, двери стонали в перекосившихся проемах, зеркала взрывались сотнями осколков. Воздух нагревался, под черной форменной курткой было невыносимо жарко, но я опасался лишиться этой маломальской защиты.

Из спортивного зала вынесли тренажеры и заменили сотней коек. В дальнем углу за темными пластеклянными ширмами разместилась небольшая лаборатория: пробирки раскатились в стороны, образцы крови валялись на полу, инструменты были разбросаны, а компьютер мигал экраном: «Анализ завершен». Похоже, люди убегали в спешке. Странно, но кроме десятка мертвых инспекторов да спящих пленников никто больше нам не встретился. Куда делся обслуживающий персонал? Где ученые, повара и уборщики?

В раздевалках я опустошил скромную аптечку: в ней были только кровеостанавливающие бинты и пластыри, дезинфицирующий раствор и презервативы.

«Прекрасный набор»

Вернувшись к Маверiku, я застал его не в лучшем положении. Меч выскользнул из руки, а сам чародей, бледный и потный, завалился набок.

– Эй! – Я кинулся к нему, потряс за плечо. Маверик с трудом приподнял веки и не сразу сфокусировал взгляд мутных глаз. – Эй, держись, я тут принес...

Неумело, дрожащими руками я разорвал штанину и вскрикнул:

– Брюнд! Да у тебя тут все распухло!

– Наверно... отравлено... – выдавил Маверик и тяжело задышал.

– Вы же долбаные колдуны! Неужели нельзя хоть что-то сделать?!

– «Колдуны» – не панацея... Без целителя не обойтись... Хрхф...

– И кто у вас тут целитель? – допытывался я, чтобы Маверик не вырубился.

Он только замотал головой, при этом ударился о стойку, но даже внимания не обратил.

– Не-е... Целителей не берут... Они редки... Опас-о...

– Чушь какая! Мне-то что делать?

– Найди Рагнара... Рен... по... поправит...

Маверик резко выдохнул и обмяк.

– Брюнд!

Я кинулся проверять пульс, но трясущимися пальцами никак не мог нащупать артерию.

– Живой.

От облегчения из груди вырвался смешок. Снаружи грохнуло, послышался вопль. Все, что я мог, – залить рану дезраствором, наклеить пластырей и обмотать все это бинтами.

«Надеюсь, хуже не сделаю»

Горячий ветер задувал в окно и наполнял холл дымом. Покончив с игрой в медика, я оттащил Маверика подальше от входа и уложил у основания лестницы. Меч пришлось бросить у стойки: вовсе не хотелось лишиться рук. А теперь надо найти Рагнара. Но блуждать по мрачному отелю, полному невидимых тварей, – верх глупости.

«Думай, думай, думай. Вот дурак! Можно было забрать ружье у инспектора!»

Как маленький ребенок, испуганный и потерянный, я переминался с ноги на ногу. И с каждой секундой злился на себя сильнее и сильнее. Взгляд скользил по стенам. Вот висят антикварные пики, что особенно странно смотрится рядом с треснувшей визионной панелью. А больше ничего хоть отдаленно напоминающего оружие.

– Иди-ка сюда.

Пики плотно сидели в держателях, стоило вытянуть одну, вторая со звоном рухнула на пол.

– Ничего страшного, – сказал я себе. Казалось, если говорить вслух, не произойдет ничего плохого.

«Если тебя не услышит демон и не решит перекусить»

Дальше я передвигался в молчании. Грохот с улицы, поскрипывания, шорохи, стук, хлопки и прочие звуки заполняли отель. Каждый шаг давался с трудом. Я пытался быть храбрым, хотя больше всего на свете желал оказаться как можно дальше отсюда. Мысли об отце придавали сил. Возможно, если удастся найти его первым, получится... Что? Поговорить с ним? Убедить сдаться? Или, чем брюнд не шутит, раскаться?

«Чушь!»

Однако беспокоиться было не о чем, разве что о подозрительной пустоте. Все помещения верхних этажей занимали сотни кроватей, простыни на них были смяты, но ни одного живого или мертвого человека я не нашел. Кое-что любопытное встретилось в комнате отдыха на третьем этаже: возле кроватей валялись два меча: один обуглился, второй растекся стальной лужицей.

Из окна я увидел огненного демона. Он все еще был огромен, но уже не так, как вначале. Правда, и чародеи с лужайки исчезли. Отступили или погибли? Впрочем, тел видно не было, так что...

На обратном пути я принял полощущуюся на ветру занавеску за демона и попытался проткнуть его. Пика глубокого вошла в стену и не желала вылезать. Теперь я остался даже без этого нехитрого оружия.

«Может, Рагнар и остальные справились раньше нас. Освободили пленников и ушли вместе с ними за холмы, к магическому кругу»

Мысль была до рези в груди соблазнительной. Чего проще выскочить наружу и помчаться вверх по склону туда, где безопасно, где есть магия, способная перенести меня далеко-далеко. И пусть колдуны сами справляются! Но на ум тут же пришли слова Виктории о людях под землей.

Вот куда исчез Рагнар – отправился в погреб. Кляня себя за глупость и одновременно стыдясь трусости, я подобрал вторую пику и отправился на поиски лестницы в погреб.

Маверик не шевелился, на белой поверхности бинтов уже появилось кровавое пятнышко размером в ноготь большого пальца.

«Что, храбрец, его бы тоже бросил?»

Поразмыслив, я обогнул стойку администратора и толкнул дверь в помещение для персонала. Вряд ли в погреб можно пробраться без ключ-карты, а где еще ей...

Металлический запах ударил в ноздри. Я отпрянул и врезался в стену. Перед глазами поплыло; словно издалека донесся звон выпавшей пики. Небольшую комнатку до краев наполняла кровь. Она была везде: пропитывала пушистый ковер, засохла на обоях, расцветила потолок багряными созвездиями. Через пару мгновений я сообразил, что это только чудилось: алый свет, лившийся через окно, добавлял красок и без того жуткому зрелищу. Прямо напротив меня на письменном столе раскинул руки мертвый инспектор. Кто-то разорвал его от горла до паха и выжрал внутренности.

Зажимая нос, я попятился к выходу, но тут взгляд зацепился за...

«Ружье»

В углу валялось электроружье. Судя по индикатору, заряда еще оставалось прилично. Пока сомнения не заполнили голову, а страх не парализовал тело, я кинулся вперед, схватил ружье и выбежал из комнаты. Горячая волна поднялась к горлу, и я блеванул прямо на стойку. Дрожащий, потный и до смерти перепуганный, я сжимал ружье и едва не плакал от облегчения и ужаса.

Некогда инспекция представлялась воздушным замком, теперь от него остались руины. Почему я не уехал, когда мог? Почему я здесь: с кислятиной во рту и льдом в груди?

Маверик застонал и дернулся, потом затих. Как ни странно, присутствие мага стряхнуло отчаяние и жалость к себе. Вот стыд-то был бы, увидь он меня таким никчемным. Из руин можно построить что-то новое, что-то хорошее.

«Новая жизнь», – напомнил я себе и зашагал по коридорам в поисках лестницы в погреб.

Гул и треск стали привычными звуками, ноги сами подстраивались под внезапные сотрясения пола. Я загнал подальше мысли о неслучившемся и том жутком, что увидел

сегодня. Вряд ли я когда-нибудь забуду выпотрошенного человека, но сейчас не время думать об этом.

По-прежнему не попадались на пути ни демоны, ни маги. Казалось, в отеле никого не осталось. Даже мелькнула мысль, а не бросили ли меня здесь, но тут же исчезла.

Твердые шаги отбивали ритм, сердце вторило. Челюсти были сжаты так плотно, что сводило мышцы.

«Не останавливаться, не думать»

Я просто шагал вперед, распахивал двери, заглядывал внутрь. Искал путь. Наконец добрался до кухни. Тарелки слетели с полок и разбились вдребезги, кастрюли сорвались с крюков и валялись на полу, холодильники душевно распахнули дверцы и, словно угощая всех, вывалили еду наружу. Пробравшись через завалы на другую сторону, я оказался в кладовых. За одним из шкафов нашелся и вход в погреб: электронная панель была разбита, еще одна дверь вела на лестницу – удачно, про ключ-карту-то я позабыл.

Нехорошее предчувствие поселилось рядом с сердцем. Руки стискивали ружье, взгляд метался по сторонам, я ждал нападения. Внизу пахло землей и фруктами, вдаль тянулись бесконечные стеллажи с бутылками. Голубоватые блики играли на выпуклых боках – тусклый свет вытекал из-за приоткрытой металлической двери в конце прохода.

Дверь отворилась тяжело, неохотно – она была сантиметров десять толщиной. После темноты даже приглушенный свет показался ослепительным, а потом я захотел, чтобы глаза никогда этого не видели. Огромное помещение было уставлено пластикянными кубами-палатами, по некотором разбежались трещины, в каждом – кровать, на каждой – человек. Здесь страдали старые и молодые, мужчины и женщины, дети, в том числе совсем крохи. Одни выглядели просто мертвенно-бледными, другие были откровенно изуродованы: красные и синие пятна расплзались по коже, грубые швы обхватывали головы и тела, иголки пронзали вены, перекачивали кровь и какие-то жидкости. Попискивали приборы, кубы-камеры хранили своих пленников, поддерживали жизнь, чтобы мучить их снова и снова.

Это был сокрушительный удар. Если бы демоны пронзили меня отравленными когтями, и то было бы не так больно. Отец не только украл мою жизнь, он похитил, исковеркал и многие другие.

«Он врал мне и всем остальным. Постоянно»

Послышался крик и звуки ударов. За кубами была еще одна дверь.

«Надеюсь, эта последняя. Хватит с меня дверей»

Что я за ней увижу? Кровь, тела или монстров? Отца или главу инспекции – инквизитора?

Перехватив ружье, я направился к двери, распахнул ее. И уже не удивился.

Операционная.

Рагнар отбивается от двух демонов с изогнутыми рогами. Пять столов. На одном лежит Ника. Над ней склонилась Виктория. Она трясет сестру, зовет ее. И не замечает опасности.

Очередь голубых сфер ударяется в *него* и не причиняет никакого вреда. Гигантская рука тянется к Виктории. Я кидаюсь вперед, отталкиваю девушку, и вместо нее рука хватается меня.

Интермедия. Неуместная Ева

– Как это ушли всех спасти? Без меня?!

Глава 20. Виктория и эти несчастные души

Страх выплескивался стылými волнами. Демоны визжали и дергались, когда их глаза превращались в кусочки льда. Я чувствовала себя всемогущей, неуязвимой. Чародеи воспламенили все вокруг, их боевая ярость заливала лужайку, пронзала меня. Холодок уступал жару. Одна из тварей подбиралась к остролицей ведьме. Демон заверещал, когда его пальцы-черви скукожились от огня.

«Я ведь сразу их заметила. Если бы не Рагнар с его тиранскими замашками!»

Еще троих чудищ сбило с ног порывом раскаленного ветра.

«Проклятые твари! Да сколько вас здесь?!»

Голову ближайшего уродца охватило пламя.

«Ну, Ника, если это все ты, я тебе устрою!»

Чародеи метали заклинания, рассекали демонов мечами, напиговывали арбалетными болтами, но монстров будто не становилось меньше. Под ноги то и дело попадались застывшие или подергивающиеся тела. Переводя дыхание, я сообразила, что долго так продолжаться не может. Если сейчас я растрочу всю силу, потом буду ходить как зомби – одуревшая и бесполезная. Всюду метались страх и гнев, ярость и надежда, тяга к жизни и очарование смертью, но совершенно не хотелось выпивать этот коктейль. Я и так

уже отбросила все бабушкины предостережения, переступила границу, за которой начинаются неизведанные тропы.

«Но ведь все это не ради меня»

Верно, нужно вытащить Нику – сестра точно здесь – и пленников-магов. Они были совсем близко, под землей словно распускались хрупкие зеленые и голубые цветы. Скорбный зов несчастных душ поднимался сквозь землю, колот подошвы, полз по ногам, пока не обволакивал сердце. А после невозможно было отвернуться от него, забыть, не обращать внимания. Он становился частью тебя, как застарелая боль, с которой живешь, потому что деваться некуда.

Я точно споткнулась об эти мысли. Безудержность отступила, давая место разуму. Тогда я сделала то, чего не пробовала раньше: обратилась к энергии, которая плескалась внутри демонов. Не стала высасывать ее, пропускать через себя, а просто переплавляла прямо там, в уродливой рогатой голове. Вишневое пламя вырвалось наружу из глаз и рта чудища. Остролицая ведьма молниеносным движением прикончила тварь.

Это оказалось намного проще и спокойнее. На другом конце лужайки Дан кинулся на демона и вонзил нож ему в горло. Монстр вертелся на месте, вопил и стегал своими червепальцами во все стороны. Из трепета и страха зажглась серебристая молния. Я послала ее в демона.

– Отступаем! – гаркнула в ухо остролицая ведьма и стала теснить меня к двери.

«Зачем? – хотелось крикнуть мне. – Я могу больше»

Хоть разум и возобладал над чувствами, опасливость успела превратиться в лед на траве и мертвых телах. Необдуманная жажда сражения горела в крови, подталкивала вперед. Одновременно с этим меня тянуло вниз. Еще немного, и я кинулась бы рыть землю голыми руками.

Ведьма захлопнула дверь. Еще несколько чародеев уже были внутри, они перевязывали раны, пытались отдышаться и устраивались так, словно готовились к взрыву. В попытке отвлечься я окинула взглядом просторный, помпезно украшенный холл. Элементы старины нелепейшим образом сочетались – вернее, не сочетались – с современными устройствами. Так, занавеси из легкой переливчатой ткани соседствовали с бархатными портьерами, которые декоратор, наверное, утащил из древнего замка или, что скорее, купил у барахольщика. Картины маслом теснились рядом с визионными панелями в полстены. Посреди администраторской стойки уживались металлический звоночек и многофункциональный телефон с сенсорным экраном.

– Что за убо...

Остролицая, не дав договорить, схватила меня за шиворот и грубо толкнула на пол.

– Зажмурься! – приказала она, повернувшись к окнам спиной и прижала ладони к глазам.

На улице Рагнар под прикрытием магической сферы раскинул руки. Кожа мага светилась, тело теряло четкость. Я поспешила уткнуться лицом в колени, а в следующую секунду... Такого со мной не происходило никогда. Ослепительный свет залил весь мир, волной пронесся через каждую клеточку тела, высветил тайные уголки в сознании. Царапины и синяки перестали ныть, в голове прояснилось, захотелось открыть глаза, чтобы осмотреться, и только неимоверным усилием удалось сдержаться. Но главное – я не ощущала никого, кроме себя. Поблизости было не меньше пяти чародеев, но ни единая капля их эмоций не задевала разума. Не успела я порадоваться и как следует прочувствовать свободу, все вернулось на круги своя. Тело отяжелело, раны напомнили о себе, мрачные мысли потребовали вернуть их вотчину, а посторонние чувства бесцеремонно хлынули со всех сторон. Хорошо уже, что это было всеобщее облегчение.

Через минуту Рагнара приволокли и усадили возле входа. Брат Евы был бледен, кожа его слабо сияла, по лицу текли серебристые капли пота.

– Вперед, – хрипло выговорил Рагнар. – Надолго это их не задержит.

Людские чувства толклись и вмешивались, вспыхивали и похрустывали, любопытство и сосредоточенность переплелись подобно виноградным лозам и поползли по стенам. Густых и тягучих, горьких эмоций демонов нигде не было. Только в воздухе висел хрустальный звон.

Чародеи разбились на группы и отправились обыскивать комнаты. Меня оставили с Рагнаром.

– Неплохо, – сказал он. – Похоже, я тебя недооценил.

Похвала заставила сердце трепетать, но тут он все испортил:

– Хотя, помнится, я запретил тебе выделять эти фокусы.

– Вышло-то неплохо, – холодно ответила я. – Ты же не думал, что я буду стоять в стороне, когда целая толпа демонов пытается нас сожрать.

– Нас, – поправил Рагнар.

– Извини, что?

– Нас. К тебе они не приближались. Чудно, верно?

От изумления я раскрыла рот. А ведь и правда, демоны сторонились меня, нападая на остальных.

– Думаешь, это Ника приказала не трогать меня?

– Как знать. Вероятно, она подчиняется Мерешу, и ему захотелось получить вас обеих.

– Мы так и будем тут торчать?

Зов щекотал и теребил, тянул вниз, под землю. Я мерила холл шагами, поднималась и спускалась по лестнице, едва сдерживаясь, чтобы не броситься искать путь к пленникам.

– Мне нужно передохнуть, – неохотно ответил Рагнар. – Мои ребята справятся. У твоего друга тоже все хорошо.

Он выглянул в окно. Двери противоположного крыла были распахнуты настежь, из них один за другим выплывали неподвижные люди. Сознание их горело слабо, но ровно. За всем этим наблюдал ошеломленный Дан. Сейчас он ярко сверкал. В нем появилась уверенная надежда, жаль, что соседствовать ей приходилось с глубокой печалью.

– Они-то справятся, но, может, мы пока спустимся в подвалы?

– Ты уверена, что там...

– Да уверена, уверена. Или ты думаешь, я пытаюсь тебя в темный уголок затащить?

Рагнар вскинул брови. Тут наверху пронесся звон, она нарастал, а потом внезапно стих. Казалось, с потолка опустилась дымчатая пустота и осела на нас с Рагнаром. Чем дольше мы здесь находились, тем яснее становилось, что стены и пол, как плесень, покрывала безнадежность.

– Почувствовала? – спросил чародей, нетвердыми шагами выходя на середину холла.

– Ага. Что это было?

Он только покачал головой.

– Ну, раз ты уже на ногах.

Я зашагала по коридору.

– Стой! Куда?

– Искать подвалы или погреба, или что там.

– Нельзя соваться вот так, неизвестно куда, одним. Надо дождаться остальных.

– Да они и так скоро вернуться. Наверху все равно никого нет.

– И давно ты это знаешь? – разозлился Рагнар.

– Да нет. – Я застыла посреди коридора. – Представляешь, только сейчас поняла.
Это все они.

– Кто?

– Да они, – ткнула я пальцем в пол.

Рагнар растерялся и забеспокоился. Он протянул руку, словно хотел схватить меня, но быстро отдернул.

– Проклятье! Стой!

Миновали просторный зал, уставленный кроватями, пустой бассейн и маленькую гостиную. Прошли мимо кухни...

– Нет-нет, – пробормотала я. – Вернемся.

Через темноту кухни протянулся слабый, заметный лишь боковым зрением след из мольбы. Раздались тяжелые шаги, и нас догнал рыжеволосый здоровяк с кривым носом.

– Никого нет, – пропыхтел он. – Все комнаты пусты. Некоторые уже давно.

– Странно. В другом крыле полно людей, и все спят. Остальные не вернулись?

– Пока нет. Куда мы?

Все это время я осторожно продвигалась через кухню, отворила двери кладовых и остановилась перед панелью с маленьким изображением бутылки и грозди винограда.

– Можешь открыть? – перебила я.

Рагнар щелкнул пальцами, и панель просто отошла от стены. Дверь вела на лестницу.

– Внизу кто-то есть, – пояснил Рагнар Рыжему. – Похоже, их много.

– Наверное, всех из этого крыла...

Дальше я не слушала. Зов становился сильнее, мы были на правильном пути. На лестнице царил тьма, но я видела все благодаря голубоватой ленточке, тянувшейся вниз. Чародеи послушно шли следом. Погреб оказался огромным. Тысячи и тысячи бутылок темнели на полках. Дальше виднелась очередная дверь. Из-за нее сочилась безысходность. Ее хрупкие корни прошивали стены, ползли по земляному полу, оплели дверь, пытались открыть ее, чтобы мы могли услышать.

«Я слышу, я иду»

Сладковатые запахи дурманили разум, шепот и мольбы заставляли мурашки бежать по коже.

Перед самой дверью я застыла, не уверенная, хочу ли знать, что в той комнате. Только вот Рагнар церемониться не стал. Заклинание – и дверь приоткрылась. Зов ударил по ушам.

Несколько десятков прозрачных кубов, как коробочки с жутким сюрпризом, хранили свою ношу. Один мужчина горел ярче остальных, но даже его свет был спичкой по сравнению с пожаром. В некоторых детях едва теплилась жизнь, другие метались, запертые в собственных телах. Женщины и старики, юноши, девочки. Лазар Мереш не пожалел никого. Слабое, похожее на шелест дыхание множества людей мешалось с писком приборов.

Я бродила среди кубов и прикладывала ладонь к пластеклянным стенам. Невольно вспомнилось, как маму отключили от аппаратов жизнеобеспечения. Ни в больнице, ни дома я не плакала. Но когда пришла к бабушке и увидела теряющие последние капли багрянца угли, горло свело судорогой.

Рагнар и Рыжий исходили возмущением, гневом, мстительностью. Их эмоции носились вокруг, сметали едва заметные проблески жизни спящих людей. Я собиралась прикрикнуть на чародеев, пристыдить их, сказать, чтоб держали себя в руках. Но тут снова почувствовала это – мысленную остроту, тонкость за гранью ощущений. Напротив была еще одна дверь, простая белая дверь, но за ней притаился конец истории.

Я шагнула вперед, но тут сверху донесся грохот, пол содрогнулся, пыль посыпалась с потолка. Некоторые кубы покрылись трещинами.

– Это еще что? – Маги одновременно вскинули головы.

– Рагнар, – позвала я, – там...

Из ниоткуда выскочил демон и набросился на Рыжего. Длинный хвост, утыканный шипами, обвился вокруг шеи чародея. Рагнар мгновенно выхватил меч и снес твари голову. Рыжий схватился за растерзанное горло.

– Сиди спокойно! – приказал Рагнар. – Брюндовы твари! Так-так-так, сейчас. Я же не целитель.

Он поднес руки к ране и зашептал заклинание. Синее с золотыми искрами мерцание шарфом обернуло шею Рыжего. Нельзя было их торопить, но меня словно веревкой тянуло в последнюю комнату. Сколько уже времени прошло? Рагнар все шептал и шептал. Мы здесь так долго, а за дверью...

«Я только приоткрою и одним глазком посмотрю»

Повернула ручку, прижалась лицом к щелочке.

– Ника!

Я ворвалась в комнату и кинулась к сестре. Она лежала на операционном столе, не шевелилась и, кажется, не дышала. Именно сейчас я хотела бы чувствовать ее, видеть, осталась ли жизнь в ее теле.

– Ника! Ника!

Она не отзывалась, не замечала, что ее трясут за плечи, хлопают по щекам. Как ни старалась, я не могла проникнуть в ее сознание, увидеть хоть искру. За тщетными попытками я чуть не прозевала два черных облака, два сгустка, завернутых в голод и смерть.

Когти потянулись ко мне, но их отбили мечи.

– Неужели так трудно было подождать?! – рявкнул Рагнар, тесня демонов.

Дверь захлопнулась сама по себе. Мысли будто отрезало, я не могла перестать терзать Нику, звать ее по имени, весь мир сжался до одной точки. Но что-то не так. Острый, тонкий, смертоносный хрусталь и...

Что-то ударило в бок – Дан оттолкнул меня. Помощник Лазара Мереша ухватил парня за горло, развернул и вонзил пальцы в шею. Дан захлебнулся воплем и кровью. Рывок! То, что было Даном, искореженной грудой повалилось на пол, а убийца помахивал чем-то красно-белым и блестящим.

– Как я этого ждал.

– Нет-нет-нет! – прошептала я и поползла вперед.

«Можно исправить... можно... еще...»

Тело было изуродовано, а вот душа пока не испарилась. Я возила руками по крови и собирала тающие блики, похожие на золотые монеты. Дрожащие пальцы не могли удержать осколки души: они вырывались и уносились вверх, исчезали навсегда.

– Надо было давно это сделать, – глумился он и помахивал...

«О Пятеро, не может быть, не может быть, неправда!»

...выдранным позвоночником.

Дан ушел. Я осталась сидеть на полу с ладонями, полными крови и сожаления. Рядом лежало нечто, когда-то оно было человеком, а теперь взгляд натывался на непонятную кучу, и разум отказывался понимать то, что видел.

– Как он меня бесил, – продолжал он. – Говорил же...

– Заткнись!

От моего крика замигали лампы под потолком. Мозг, без единой мысли, застыл в ожидании: с одной стороны подкрадывались всепоглощающий ужас и пронзительное понимание, с другой – неистовство ярости. Я выбрала последнее.

А он все продолжал крутить и вертеть в своих руках...

– Отдай! – завопила я и выпустила наружу всю ненависть, весь гнев и боль. Безумная мысль шептала: если вернуть украденную часть на место, все можно исправить. Волна чистого уничтожения расколола пол, растрескала стены и взорвала все пластиканное, что было в комнате. Операционные столы снесло в сторону, Рагнара и демонов швырнуло прочь.

Но убийца Дана не двинулся с места. Его одежда и кожа растаяли, улыбка обратилась пеплом. А *он* все стоял. Казалось, его не просто не поранило, но даже подпитало. Мужчина – нет, существо – выросло и доставало макушкой до потолка, плечи раздались вширь, с лица сорвало повязку, под ней вместо глаза была трещина, из которой лился золотой свет. Кожу заменила тьма со дна океана, рот превратился в щель, изрыгающую туман, за спиной бились полотнища из отражений на темной воде и далеких звезд.

– Мне нравилось это тело. – Его голос пронзал голову клинками, из глаз и ушей брызнула кровь. Находиться рядом с ним было невыносимо!

Переливчато-темная рука потянулась ко мне, но два меча сверкнули в воздухе – Рагнар, задыхающийся и окровавленный, встал перед существом. Я отползала по расколотой плитке. Сердце будто распухло и грозило переломать ребра, голова стала слишком тяжелой, чтобы держать ее ровно. Под перевернутым столом лежала Ника, я потянулась к ней, но кто-то перехватил мою руку.

– Он же был твоим сыном, – прохрипела я, а затем растворилась в горящих синих глазах.

Боль осталась во внешнем мире. Я лежала на коврике в мрачноватой прихожей и едва ли не утыкалась лицом в массивную дверь, которую ни за что нельзя было открывать. По ту сторону спряталось нечто глубокое и запутанное – войдешь и уже не вернешься в жизнь.

Отсюда вел один-единственный коридор, по нему-то я и пошла. Кругом было пусто и гулко, словно здесь давно никто не жил. Сотни картин висели на стенах. Самые первые изображали размытые пятна, затем появились лица, места и вещи. Каждая следующая

картина была подробней и искусней предыдущей, они отличались техникой и палитрой, будто художник искал свой стиль. Где-то на середине стиль нашелся – четкие линии, тени и бережно выписанные лица.

Я с ужасом смотрела на воспоминания Лазара Мереша. То, на котором впервые появился Дан, было самым ярким и насыщенным. Несколько минут я потратила, разглядывая светловолосого малыша и счастливую женщину. Странно было видеть радостные и печальные мгновения жизни главного инквизитора. Намного проще ненавидеть и не задумываться, что у Лазара Мереша есть семья.

«Была»

Я отвернулась и зашагала дальше. Смотреть, как растет Дан, и знать, что с ним случится, было настоящим мучением. Взгляд самовольно притягивался к картинам. Пусть мельком, но я видела все: первые шаги, игры и спящего мальчика, слезы и восторженное сияние глаз. Дан и его мама занимали всю жизнь Лазара Мереша, были его жизнью. Из-за чего все переменялось?

Ответ появился совсем скоро – картины стали мрачными и угловатыми, смазанными по краям, счастливого Дана на них больше не было. Если мальчик и появлялся, то лицо его оставалось серьезным и сосредоточенным. Все чаще возникали книги, документы и фотографии, переписки, тексты на мониторе компьютера, серьезные люди с мрачными взглядами. Каждую картину, чем ближе к настоящему, тем сильнее, усеивали индиговые кристаллы: они лепились к раме, россыпью застывали на полотне. В самом конце коридора на стене возникла еще одна рама, а в ней новая картина: бледное лицо, кровь из глаз, перекошенный рот. Мое лицо. Едва ли не половина изображения скрывалась под синими камнями.

Из коридора я попала в библиотеку. Стены и шкафы устремлялись ввысь, книги были пронумерованы, разноцветные переплеты отмечали жизненные вехи Лазара Мереша. Тут хранилась полная летопись его существования. Но все выглядело старым, заброшенным: по дереву и стенам расплывались пятна плесени и влаги, потолок висел давящей тьмой, корешки облезли и расслаивались, мебель будто со свалки притащили.

Напротив входа возвышалась статуя, вся в сколах и трещинах, забитых синими кристаллами. Они расползались по камню как зараза. Приблизившись, я поняла, что статуя изображала мать Дана. Голова у нее была почти разрушена, но по картинам в коридоре я помнила широкое лицо с полными губами, вздернутым носом и широкими бровями. На

первый взгляд ее нельзя было назвать даже симпатичной, но стоило уловить сияние в глазах, любопытство и доброту, как все остальное отходило на задний план.

Женщина-статуя прижимала к груди толстую книгу в тканевом переплете, точно оберегала от нападок синевы. Помявшись, я переступила через невысокое ограждение и вытянула книгу из каменных рук. Том был невероятно тяжел, я едва не выронила его, пока неслась к столу.

Тишина и пустота заполняли библиотеку. Это Мир-Внутри Лазара Мереша, но сам он пока не появлялся. С трепетом я коснулась обложки, открыла книгу. Перелистнула желтоватые, но крепкие страницы. Текст лежал идеально ровными строчками.

«3 апреля 454 года. Вот и он! Мой малыш, мой Дан! Даже солнце показалось впервые за неделю»

«10 апреля 454 года. Никогда прежде Шадия не была так счастлива. Она постоянно поет и не отходит от мальчика»

Насколько я могла судить, Лазар Мереш с женой долго не могли завести детей, и Дан стал для них настоящим чудом.

«23 декабря 454 года. Сегодня Дан сделал три шага, и с каждым я становился все счастливее. Шадия улыбалась и плакала. У меня самого слезы навернулись»

Проглотив комок в горле, я перевернула разом сотню страниц. Тошно было читать о Лазаре Мереше – счастливом молодом отце. Воспоминания писались только для него, а потому их не искажали фальшь или глупая мужская сдержанность. Как такой человек мог стать инквизитором?

«16 марта 463 года. Вскоре после Праздника возрождения Шадия уехала в Юкста-Мар, у нее очередное расследование, которое должно перевернуть мир. А год ведь только начался! Пока Дан в школе, я проверяю чертежи. Эти студенты – сущий кошмар! Зачем только я стал преподавать?»

«2 июня 463 года. Шадия вернулась. Наконец-то! Она сама не своя, едва ли не на следующий день после прилета заперлась в кабинете и не выходила несколько часов. На все вопросы отвечает: «Это просто бомба! Изменится все, слышишь, все!» Такое уже случилось: Шадия будет работать, пока не закончит материал. И, естественно, никому не скажет, о чем он. Жаль, что она мало времени проводит с Даном, он скучает»

«29 августа 463 года. Это невероятно! Невозможно! Шадия готовила не просто материал – она написала книгу. О случившемся в «Доме Мажик» гремели все издания несколько недель кряду, но никто не подобрался к истине ближе Шадии»

Страницы мелькали перед глазами. Почерк стал небрежным, строчки шли вкривь и вкось, словно Лазар сильно волновался.

«4 сентября 463 года. Сегодня Шадия готовилась отправить книгу издателю, но внезапно вырубилось электричество, а потом все окна разом лопнули. Я боюсь! Вдруг эти существа что-то сделают Шадии или Дану?»

«6 сентября 463 года. Она все пытается отправить документ, но каждый раз что-то ломается. Я умоляю Шадию передумать, оставить это, но куда там! Она упряма и своевольна. За это я ее и полюбил, но теперь опасаясь, как бы не дошло до беды»

Дальше текст шел совершенно корявыми буквами, страница была бугристая, будто ее намочили, а потом высушили.

«10 сентября 463 года. Ее больше нет. Шадия погибла. Зачем, зачем, зачем она распечатал эту проклятую книгу? Никогда не забуду эти листы, разбросанные по дороге, эту белую машину с каплями крови на капоте, и Шадию. Она лежала на земле и словно тянулась к рукописи»

«12 сентября 463 года. Сегодня были похороны. Дан только молчит и плачет, мне так тяжело, я не знаю, чем ему помочь, если сам едва не кричу от боли»

«13 сентября 463 года. От Шадии остались только воспоминания. И книга. Не знаю, что на меня нашло, но я собрал каждый лист, даже те, которые были испачканы ее кровью. Теперь стопка лежит в тумбочке. Компьютер сгорел, так что эти слова – единственные. Ее последние слова»

«17 сентября 463 года. Сегодня на пороге появилась женщина и заявила, что, если я не уничтожу книгу, мы последуем за Шадией. Я прогнал эту безумную, захлопнул дверь у нее перед носом. Как она узнала, что книга уцелела? Что вообще происходит? Я забрал Дана из школы и запретил выходить из дома. Мне страшно»

«18 сентября 463 года. Они лежат на кровати и усмеваются – брюндовые листы. Порвать, сжечь, выбросить! Но я не могу, для Шадии книга значила очень много. Я просто не в силах избавиться от вещи, к которой она была так привязана»

«20 сентября 463 года. Ненавижу... Как же так... Я ошибся?.. Все, написанное Шадией, – правда.

Эта сука убила мою жену! Она заявила как к себе домой и угрожала превратить Дана в мышь, а после раздавать. С ее пальцев срывались молнии, а по стенам скользили когтистые тени. Но у меня было кое-что почище колдовских штучек – антикварный пистолет. Спасибо, дед, за любовь к огнестрелу. Колдовство колдовством, а старую добрую пулю так легко не остановишь. Дом сгорел, но мы с Даном успели сбежать. Теперь у нас будет другая жизнь»

«21 сентября 463 года. Книга Шади сгинула в огне, но ее слова остались в моем сердце. Я расскажу всем, но сделаю это по-своему. Сегодня в гостинице я поговорил с Даном. Пришлось объяснить мальчику, как на самом деле устроен этот мир: я рассказал все, что знал о ведьмах. Он не плачет – сильный маленький мужчина. И он понял. Я сказал: «Они убили твою маму. Ты должен делать все, что можешь, чтобы такого не повторилось с другими людьми. Нельзя бояться, ты должен быть сильным. Должен», а он кивал, и был такой серьезный, какими не бывают маленькие дети. Боюсь, его детство ушло раньше положенного»

На следующих страницах описывалось мучительное начало новой жизни. Было расследование, допросы, суд. Служба опеки едва не забрала Дана, но Лазара оправдали. А потом он начал работу. Искал информацию о ведьмах, перерыл Сеть в поисках сторонников и отыскал их. Писал статьи, которые никто не принимал всерьез, пытался поведать миру правду, готовил сына... Дальше страницы превращались в синее стекло, за которым разобрать текст было невозможно.

Я захлопнула книгу. По щекам текли слезы. Каждое воспоминание Лазара Мереша осталось в памяти как мое собственное. Он был всего лишь мужчиной, который озлобился после потери жены. Горечь поселилась на языке, слезы текли и текли. Кого винить теперь? Ведьму – убийцу Шади? Или Лазара, потому что он выбрал путь жестокости, хотя изначально всего лишь собирался вывести магов на чистую воду, сорвать теневой покров, которым они укрывались многие годы?

– Трогательно, не так ли? – раздался ломкий голос.

Лазар Мереш развалился в кресле. Он не мог сидеть ровно: кожу растягивали, разрывали все те же синие кристаллы. Они бугрились под одеждой, скривили руку, иглами пронзали губы, скрипели на зубах. Один глаз полностью скрылся под полупрозрачной коркой

– Жалеешь меня?

– Ты убил собственного сына. Так ради чего вообще было стараться?

Комната наполнилась стеклянным звоном. Статуя покачнулась на постаменте.

– Это был не я, – с трудом протянул Мереш.

– Конечно, это был твой помощник. Но Дан мертв – вот что важно, – прошептала я.

Лазар скривился. Он вертел головой, будто прислушивался к нескольким советчикам и не мог решить, кто из них прав. Книжные полки гнили и разваливались, тома падали с полок. Статуя Шадии стонала и трескалась, кристаллы росли и разрушали камень.

– Потому что он защищал тебя! – завопил Мереш и попытался встать, но с треском упал обратно.

Библиотека ходила ходуном, книги рассыпались прахом, пол стал проседать, а с потолка опускалась тьма. Я пригнулась и ухватилась за стол, но он растаял. Куда бежать? Здесь не спрятаться!

Каменная Шадия крошилась, синие когти раздирали ее.

– Что происходит?

– Я больше не нужен. Прости меня, – выдавил Лазар, глядя на статую. Синева прошивала его насквозь, ломала кости, нарастала на языке. – Я не хотел, чтобы вышло так...

Через пару мгновений он и сам превратился в статую, но, прежде чем застыть, указал на что-то рукой. За постаментом появился проход – тоннель сквозь тьму, прочь от разрушенной души инквизитора.

Оставив за спиной еще одного мертвого Мереша, я побежала.

Можно ли ощущать тяжесть в невесомости? О, еще как! Шагая в пустоте, я тащила за собой две смерти. Руки помнили прикосновения души Дана, и липкую кровь, и бумагу, которая хранила тайны инквизиторского сердца. Я ухватилась за все – и ничего не удержала.

Слезы по Мерешам капали в Ничто и возводили из него целый мир. Серый, угловатый, неправильный – словно картинку разрезали на куски и слепили как попало. Пепельное небо склонялось к земле, а земля вздыбилась и тянулась к небу. Серая трава напоминала куски пряжи, похожие на маленьких призраков искры вяло плавали вокруг. За рассыпавшимся забором стоял запыленный дом. Во всех окошках, кроме одного, дрожало странное мерцание. Воздух был сухим и безвкусным, все цветы завяли.

Отчаяние и непонимание распирало грудь, горло сводило застревшим криком. Я металась из стороны в сторону, хваталась за траву, ловила искры, пыталась выровнять

землю или собрать забор обратно, дотянуться до небес – что угодно, лишь бы пропало бремя чужих страданий, лишь бы слезы перестали течь, лишь бы...

Хрустальный звон пронесся по воздуху. Я обернулась. Вплотную к моему Миру-Внутри приник еще один. Их разделяла завеса, она протянулась вверх до самого неба и в стороны до самого горизонта. Не ткань, не свет, не газ – полотно из снов, забытых чувств и тайн. Черное, но прозрачное, тонкое, но плотное. А по другую сторону – бесконечная гладь синего стекла под фиолетовой высью. Только далеко-далеко будто две волны обвилились друг вокруг друга и застыли. Внутри мельтешила чья-то тень.

Знакомая фигура скользила по стеклянному морю.

– Ника?

Она в долю секунды очутилась перед завесой и теперь рассматривала меня, будто впервые видела.

– Нет. Я – Арок. А твоя сестра – там.

Она махнула рукой в сторону застывших волн.

– Ты... ты... ты в ее теле?

– Теперь это мое тело.

– Брюнда с два! Убирайся! – закричала я и ударила по завесе. Та заколыхалась, но быстро успокоилась.

– Нет, оно мне нужно.

– Что? Да плевать я хотела! Проваливай и верни Нику!

Я бросилась вперед и колотила руками – будто по брезенту, лежащему на воде, била.

– Не понимаю, чего ты как волнуешься. Ты ведь не любишь ее?

– Что? – Поднятая для удара рука застыла в воздухе. – Что ты такое говоришь? Конечно люблю. Я же здесь.

– О, не путай обязанность с чувственностью. Ты здесь из-за воспитания. Оно говорит, что ты должна оберегать сестру. Но любви здесь нет. Ты ведь не можешь.

– Чего не могу? Любить? Еще как могу!

– Хм, это говорит об обратном. – Псевдо-Ника указала на домик за моей спиной. – Он почти всегда был такой. Свет не горел. Ты сама это сделала.

– Неправда, – прошептала я. Это существо с лицом Ники начинало пугать.

– Да правда, разумеется. У нас есть это воспоминание. Сейчас.

Она поглядела в сторону, и квадратный кусок синего стекла отделился от общей массы, вспарил перед завесой, словно гигантская визионная панель. Затем на ней появилось изображение: папа, намного моложе, бабушка и я – счастливая пятилетняя девочка на своем дне рождения. И огромный торт в форме клубники.

– Я помню этот день. Это... когда маме стало плохо, и она...

– Стало плохо? Да ты же разбила ее душу и уничтожила разум.

– Я?

– Да, да. Поищи у себя это воспоминание. Наверняка оно где-то здесь, просто хорошо спрятано. Не бойся, я подожду.

Несколько секунд я смотрела на Нику, которая Никой не была, а затем вскинула голову. Все давние воспоминания хранились наверху. Тучи послушно разбежались в стороны, обнажили лазурь памяти.

«Должно быть здесь... Но не может быть... Бред... А вдруг... Чудовище большее...»

Я звала тот день, когда мама упала в спальне Ники и больше не поднялась. Тринадцать лет назад, ну же. Маленькая голубая комета сорвалась с небосклона и устремилась к земле. Все ближе и ближе, пока, наконец, не скользнула мне прямо в глаз.

Два медведя – господин Медоед и леди Сластена – пристроились у подушки. Они, как и я, ожидали, когда мама придет почитать сказку перед сном. За окном уже стемнело, но мама все не появлялась. Я не очень расстраивалась, потому это означало, что можно подольше поиграть. Я вертелась перед зеркалом, примеряла корону и украшения, подаренные на день рождения. Сегодня мне исполнилось пять!

– Ты уже совсем взрослая, Вика, – серьезно сказал папа, разрезая торт.

– Вот именно. Теперь называйте меня как взрослую. Виктория, и никак иначе – распорядилась я под общий смех.

Скоро игры наскучили. Хотелось спать, но без сказки, я не собиралась ложиться.

«Опять она у Ники, – с досадой подумала я. – Вечно она болеет, и все с ней носятся»

Ника едва не испортила мне день рождения: заявила, что у нее болит голова, и ушла к себе в комнату. И, конечно, мама почти сразу побежала за ней. Так всегда было – стоит Нике скорчить рожу, родители начинают кружить вокруг нее хороводы. Но папа отвлекал меня играми и подарками, а бабушка прочитала новую книжку. Было

немного обидно, что мама заглянула уже в самом конце истории о принцессе и ее королевстве хрустальных яблок, которые превращали маленьких девочек в фей, посидела немного, а потом ушла. Но я, набитая тортом и прочими сладостями, почти не обиделась, потому что решила быть доброй и благородной, как хрустальная принцесса.

Но сейчас я хочу сказку. Отбросив игрушки, я побежала в комнату Ники. Мама что-то шептала ей на ухо, поправляла волосы, трогала лоб, целовала. Застыв в дверях, я насупилась. Ника на год старше, но почему-то ее ласкают и целуют, а я сижу одна и ждущу сказку. Даже папа сегодня не заглянул.

– Мама! – позвала я.

– Вика? Иди-ка спать, уже поздно.

– Но ты еще не читала. И зови меня Викторией, мы же договорились.

– Почитаем завтра, видишь, Нике плохо. Иди ложись.

– Но я хочу сегодня! Почитай!

– Нет, иди...

– Так нечестно! – закричала я, и по щекам потекли слезы. – Ты весь день тут сидела! Почему ты постоянно с ней, а не со мной? Ты меня не любишь?

– Вика! – возмутилась мама. – Я люблю вас обеих, но Ника заболела, поэтому сегодня я побуду с ней.

– Виктория, зови меня по-взрослому! А если любишь – почитай, – быстро сказала я в восторге от своей сообразительности.

Но мама разозлилась.

– Быстро спать! Как не стыдно! А раз ты такая взрослая – обойдешься без сказки!

И тогда я заревела. Громко, истошно, навзрыд. Мама что-то говорила, но я не слушала.

– Вика, а ну...

– Виктория! – завопила я так, что задрожали стекла в окнах. – Называй меня Викторией!

Мама вскочила на ноги, но тут же рухнула как подкошенная. Ника лежала и с ужасом смотрела на меня. Мама не шевелилась, глаза ее потухли.

Искра выскользнула вместе со слезой.

– Это неправда, оно ненастоящее, – бормотала я. – Это ты подстроила. Не было такого.

Мир-Внутри выцветал и терял четкость, тучи опустились с неба, обступили меня стеной. Свет из окон домика едва-едва пробивался сквозь хмарь.

– Я пока не могу прорваться к тебе, – ответила не-Ника. – Ты сама нашла это воспоминание. Видимо, ты очень старалась забыть его.

– Вот почему она всегда так на меня смотрела.

– Ника?

– Нет, бабушка.

– А, да. Думаю, она ждала, что ты умрешь, как все эмпаты, поэтому так долго не принималась за тебя всерьез. А потом уже некуда деваться было. Знаешь, головой Ника понимает, что ты не виновата, а вот сердцем ненавидит. И никогда не простит. Просто удивительно, как вы, люди, уживаетесь с этими двумя столь противоречивыми голосами. Лично я предпочитаю иметь дело с разумом – в нем моя суть. А эти несчастные души, как они бьются, как сопротивляются.

«Точно, да, я буду слушать голос разума. Здесь я решаю. Сердца-то у меня все равно нет. Ха-ха, вот так»

Страшно было узнать не то, что я убила свою маму и потом забыла об этом, как о каком-то пустяке, а понять – именно понять, не почувствовать, – насколько это ужасно. После смерти мамы я грустила и плакала, но всегда кто-то был рядом. Может, я печалилась из-за их горя, а не своего? Способна ли я на скорбь вообще? Списать бы все на малый возраст, но гибель Варгаса и Сони тоже не оставила следа. Вспоминала я о них? Вряд ли. Каким сильным потрясением стали пропущенные сквозь себя жизнь Лазара и смерть Дана. Дан... Вот, кто был силен душой, любил всем сердцем. Вот почему я тянулась к нему – хотела обладать тем, чего у самой не было. Любовь. Я все время жила чужими чувствами и хотела от них избавиться, оставить только свои. А выходит, своих-то у меня и нет.

– Мы выбирали между вами, – заговорила псевдо-Ника. – В итоге оставили твою сестру. Власть над демонами – неплохое подспорье. Твои силы, конечно, тоже поразительны, но уж больно неустойчивы. Лоркан даже расстроился, что это была не ты. Его очаровывает мысль повелевать душами, хотя, что с него взять.

– Что за Лоркан? – сдавленно поинтересовалась я, выпрямляясь.

«Да, сменить тему, отвернуться, думать о другом. Я справлюсь. Иначе выйдет, что Дан зря пожертвовал собой. Думать о Дане. Дан»

– Ты знаешь его. Он убил Дана.

– Это сделала ты. – Ужас от собственной бездушности отступал под волнами гнева. Да, злость – вот, что сейчас нужно. – Ты была в Лазаре, создала инквизицию, а потом еще убила Дана...

– О, не совсем так. В моем подчинении был только разум Лазара, тело мы не трогали. Мне нужно было нечто более... м-м-м... могущественное, понимаешь?

– Я понимаю, что ты испортила тысячи жизней, – прошипела я, подстегивая ненависть и ярость. Тучи раскалялись, наливались багрянцем, знойный ветер шевелил серую траву, сносил в сторону туман. Свет в окнах горел с силой прожектора.

– Да перестань, – отмахнулась она. – Я не осуждаю тебя, верно? Все это делается не из злобы, просто так нужно. В этот раз я мне даже нет нужды уничтожать вашу планету.

– Что? – расхохоталась я, отчего всколыхнулась завеса. – Кто ты такая, чтобы уничтожить планету.

Казалось, я задела самолюбие этого существа. Оно нахмурило Никино лицо и вздернуло подбородок.

– Один раз у меня почти получилось. Если бы не эта смешная девочка, Тенере...

– Тенере? Которая богиня?

– Называй ее, как хочешь. Она разбила мое тело, а потом спрятала. Каждый кусочек хранился в разных местах. В доме твоей бабушки, в том числе. Но Тенере – ошиблась. Меня убить не смогла – что мне до того, целое тело или нет? – и сама попала впросак.

– О чем ты?

– Поторопилась. Она не созрела, не смогла слиться с духом Земли и стать новой хранительницей планеты. Теперь девочка застряла посередине – не человек, не бог. Меня вот удержать не смогла – Лоркан нашел мое тело, потом отыскал Лазара... Дальше, думаю, догадаешься сама. Он ангел морских глубин и ночных кошмаров, ему несложно было обмануть людей, заставить их поддержать Лазара...

– Что ты делаешь?! – Одурманенная страхом, а потом злостью, я не обращала внимания на то, что творилось по ту сторону завесы: из глади синего стекла вырастали когтистые лапы и пытались разодрать преграду, приподнять, отодвинуть.

– О, ты же не думала, что мы тут просто мило беседуем, – улыбнулась не-Ника. – Я отвлекаю тебя. Сейчас вот уберу это и убью тебя. Не буду выдирать тебе хребет, как Лоркан Дану, но...

– Заткнись! Не произноси его имя!

Это сказала не я. Не совсем. В паре метров позади застыл Дан. Он был создан из ненависти и страха, вины и отчаяния. Черно-алый, горячий и мертвый, опасный. В руках он держал меч.

– Отомсти! – велел он. – Убей!

– Вряд ли ты сможешь, – усомнилась не-Ника.

– Вот и посмотрим.

Дан бросился на завесу и рассек ее широким ударом. Раздался гром тысячи молний, оба Мира-Внутри содрогнулись и затрещали по швам. Дан повалил фальшивую Нику, занес клинок и... растворился.

– Не очень вежливо, – прошипело существо. Он подернулось рябью, словно больше не могло поддерживать облик. Идеальная поверхность хрустального моря пошла трещинами и стала удаляться. Между нашими Мирами-Внутри разверзлась глубочайшая бездна. Сказать, что она была полна тьмы, – ничего не сказать. Туда засасывало самый взгляд, казалось, если слишком долго смотреть, можно потерять себя.

Я отпрянула от края, земля крошилась под ногами и утекала во тьму. Нет – пустоту. Именно, между Мирами-Внутри не было ничего, и это Ничто хотело заполнить себя.

«Хватит! – приказала я себе и снова отвела глаза. – Не смотри, беги!»

«Ника!»

Сине-стеклянный мир внутри разваливался, осколки уносились в фиолетовое небо, существо, притворявшееся Никой, обернулось гигантским столбом индигового дыма. А трещины бежали дальше, дальше, к горизонту. Они сокрушили волны и выпустили наружу птицу яркую, как радуга.

– Ника! – закричала я изо всех сил.

Птица полетела ко мне, но бездна все ширилась, Мир-Внутри начал сползать в нее.

«Она не успеет»

– Спрячься там! Это твоя душа! Я вернусь! Обещаю!

Ника-птица застыла на месте, а затем развернулась и улетела прочь. В глубину своего Мира-Внутри. А вокруг меня все дрожало и осыпалось...

... а вокруг меня все дрожало и осыпалось. Лоркан – тьма и звезды – поднял обмякшее тело Ники и исчез.

– Вставай, бежим отсюда, – позвал Рагнар. Он был весь в крови и пыли.

Но я не могла шевельнуться, руки и ноги отнялись, в середине груди словно застрял кусочек пустоты – ни вдоха, ни удара сердца.

Сильные руки подхватили меня и унесли в темноту.

Эпилог

Виктория

Когда я проснулась, мир еще не успел измениться, ведь чудеса случаются только в сказках. Но пьедестал инквизиции треснул.

Жуки-камеры во всех подробностях засняли наше прибытие, сражение с демонами, спасение пленников и даже проскользнули в погреба, где не упустили ни единого мгновения.

Из сбивчивой, полубиженной болтовни Евы, я узнала, что пережила остановку сердца и кровоизлияние.

– Рен все поправил, – щебетала Ева, уплетая пончики. – Ты немного перестаралась с этими эмоциональными штучками. Но это было о-о-чень круто. Ты теперь звезда!

Может ли Рен исцелить душу – вот вопрос, который интересовал меня больше всего. Но, разумеется, Ева его не слышала, как и лорд Ланкастер, который заставил рассказать все, что случилось в отеле.

– Арок, – выдохнул он и упал в кресло. – Это... Это просто...

Престранно было видеть чародея растерянным.

– Это существо сказал, что разбитое тело не проблема. Оно может существовать и так, ведь оно – разум, – говорила я, а лорд Ланкастер серел с каждым новым словом. – Я так поняла, что Лоркан нашел где-то осколок тела и с его помощью управлял Мерешем. Это существо – Арок – оно главное, но Лоркан сделал всю работу. Он дурманил людей, заставлял их принимать угодные ему решения. Еще оно сказал, что Тенере не удержит его.

Лорд Ланкастер только кивал.

– Ах да, в этот раз, возможно, оно не станет уничтожать мир.

– Какое облегчение, – фыркнул Рагнар.

– Чего оно хочет? – спросила я, но ответа никто не знал.

Прошло несколько дней после событий в отеле. Совет Конфедерации упразднил Закон всеожжения, принятый Мерешем два года назд, расформировал инквизицию и восстановил стражу. Лорд Ланкастер даже побывал на одном заседании – между смертными и чародеями начались переговоры. Маги обещали помочь в восстановлении Кольца скорби. Казалось бы, теперь все будет хорошо, но куда там.

Со складов инквизиции пропала едва ли не половина оружия, улицы полнились теми, кто не хотел жить бок о бок с магами, экономисты озаботились налогообложением, юристы ломали голову над двойным законодательством, бизнесмены задумали грандиозные проекты. А мне запретили рассказывать, как все было на самом деле.

– Дан теперь как знамя нового порядка, а его отец олицетворяет старый, – без обиняков заявил лорд Ланкастер. – Пусть так и остается, незачем им знать, что поблизости бродит Арок.

– Они все равно узнают. Разве не нужно предупредить людей?

– Смертные ему ничего не сделают. Сами справимся. И с Лорканом проблем хватает.

И правда, у этого ублюдка даже появились обожатели. Нашлись те, кто посчитал его посланником Пятерых, который должен был покарать магов. Спокойствия это не добавило.

В Тайный совет вновь стали поровну входить смертные и чародеи. Никто не удосужился рассказать общественности, что королева Женелия – ведьма.

– Она будет жить как обычный человек, – пояснял Рагнар. – Может, чуть дольше. К чему волновать народ?

– А если она заведет детей? Вряд ли волшебному младенцу есть дело до ваших правил и забот.

– Их магию будут сдерживать, пока дети не смогут сами справляться с силами. А после совершеннолетия они выберут – оставаться чародеями или наследниками престола.

– Дикость какая.

Через полтора месяца должна была состояться большая встреча: лорд Ланкастер пообещал в знак добрых намерений убрать Сферу. Все ждали воссоединения семей. Старый чародей не хотел выпускать людей из-под защиты, но все истосковались по родным людям и домам. К тому же, все равно пришлось бы это сделать рано или поздно. Пусть смертные привыкают, говорил Рагнар. Смешанные отряды из стражи и членов Ордена патрулировали улицы, но, на удивление, все прошло гладко.

Мы с Евой пробирались через толпу, полную счастливых возгласов, выкриков, визга и, к сожалению, слез – не все отыскивали близких. Сотни любопытных взглядов скользили по мне, словно жадные языки. Я в самом деле стала знаменитостью.

– Тебя это будто и не трогает, – заметила Ева. – Куча людей и все такое.

– Ага, я вроде как наловчилась закрываться.

– Все такие счастливые, – протянула она.

– А ты, смотрю, что-то не очень? Опять Эволет?

– Да ну ее, Селедка облезлая. Всю славу себе забрала, мол, это она меня направила по пути видений. Тьфу! И никто мне не верит.

– Я верю. Но что-то еще есть, да?

– Да нет. Хотя, кому я вру. – Ева помялась. – Я вот смотрю вокруг и мне грустно.

– Почему это?

– Родителей вспоминаю.

– Рагнар сказал, с ними все хорошо, они придут сегодня.

– Ну да, только... Я про настоящих родителей, – приуныла Ева и тут же встрепенулась: – Ты не подумай! Я благодарна Орели и Максиму, все что угодно для них сделаю, но... Это так трудно сказать... Не люблю я их.

– Что-что? – опешила я и застыла.

– Ну, не то чтобы не люблю, люблю... просто... это не любовь... А-а-а! В общем, это как дружба, понимаешь? Вроде любовь, но другая. Я помню своих родителей, – просияла Ева. – На выходных мы с мамой всегда что-то вкусенькое готовили. Кухню потом приходилось до потолка отмывать! А папа учил меня играть на гитаре, хотя сам не особо умел – так весело было. Я их помню и люблю, но не могу сказать то же самое об Орели, например, не могу назвать ее мамой. И мне бывает стыдно, что я не в силах подарить им то, что они заслуживают. Потому что место в сердце занято, понимаешь?

– Кажется, да, – прошептала я.

– Но я тут подумала, я ведь не становлюсь от этого хуже, верно? У меня есть уважение, и благодарность, и преданность – это все я отдам без остатка.

Какое-то время мы молчали. Я думала над словами Евы. Смогла бы и я так?

– Ладно, хватит обо мне, – озорно улыбнулась она. – Что там насчет твоих любовных дел?

– Ты о чем? – опасливо поинтересовалась я. Почему-то все решили, что между мной и Даном метались романтические искры.

– О своем знойном братце, конечно же! Гляди, вон он, опять тебя взглядом прожигает. Побрился даже.

Я расхохоталась. Такое придумать могла только Ева.

– Не, ну а чего? Нормальный мужик, подтянутый такой, все дела.

– Ты же постоянно на него жалуешься!

– Ну, мы тут поговорили, он прощения попросил. Это было неловко. В общем, он за родителей волновался и эта работа, понимаешь, большая ответственность и все такое. Вообще он славный.

– Этот славный тебе рукой машет, иди давай.

– Мне ли? – хихикнула Ева.

– Хватит. Он мной не увлекся, ясно?

– Рагнар преклоняется перед силой. Особенно его восторгают могущественные женщины, так что... А-а! Фу-фу-фу-фу! Я заговорила как Эволет. Бе! Какая гадость! Ох, ну ладно, побежала я, да и тебя ждут.

Ева припрыжку понеслась к семье, а я обернулась и увидела Риту с папой. Они стояли под деревом и выглядывали меня.

– Привет.

Рита улыбнулась, она прямо-таки сияла, не то что в последнюю встречу. Папа странно дернул плечами – обнять хотел.

– Хорошо, что вы целы, – сказала я и сжала рукав его пиджака. – Я волновалась.

«Лживая тварь!»

– Простите, что мы так вас подставили.

– Какие глупости! – отмахнулся папа. Он едва сдерживал слезы и смотрел на меня, словно не мог наглядеться.

«Он знает, он ведь знает. Но все равно любит. Когда-нибудь я решусь спросить»

– А Ника? Мы видели репортажи, когда нас отпустили. Она... она...

– Она жива, – твердо сказала я. – Точно тебе говорю.

– Но что с ней? Где она? Это существо...

– Давайте пойдем домой, а? – поежилась я. – Тут столько людей, у меня уже голова болит. А дома я все расскажу.

– Конечно, идем, – произнесла Рита. – У нас для тебя тоже есть новость.

Новость пахла персиком и была завернута в рассветный луч.

Втроем мы зашагали домой.

Впервые в жизни я чувствовала Нику, ее сердце, как свое собственное.

Ника

Стены пали, я вырвалась наружу и взмыла к фиолетовому небу. Трещины исполосовали синее море внизу, впереди кружился вихрь. Бездна затягивала в себя края пропасти.

– Ника!

«Вика!»

Крылья понесли меня к сестре. Она отпрянула от провала: бездна ширилась и проглатывала землю.

– Спрячься там! Это твоя душа! Я вернусь! Обещаю! – снова закричала Виктория и пропала.

На мгновение застыв, я развернулась и понеслась к далеким горам.

«Опять она меня оттолкнула! Бросила здесь!» – стонало сердце.

«Я бы не успела. Мы бы обе погибли», – возражал разум.

«Я вернусь! Обещаю!» – звенело в голове.

Что ж, сестренка, не подведи.